

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ АКАДЕМИЯ»

РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ

А. В. Богучарский, Т. А. Марченко, О. В. Переверзева

**ОЧЕРКИ
ПО ТЕОРИИ
ПУБЛИЧНОЙ
ПОЛИТИКИ**

М О Н О Г Р А Ф И Я

ПРОФ
пресс

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2014

УДК 316.25
М 30

Ответственный редактор
доктор социологических наук, профессор Т. А. МАРЧЕНКО.

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор Е. Л. ШИЛКИНА,
доктор философских наук, профессор В. Н. БЕЛОГОРЦЕВ.

М 30 А. В. Богучарский, Т. А. Марченко, О. В. Переверзева. Очерки по теории публичной политики: Монография. Ростов н/Д: Профпресс, 2014. — 128 с.

Работа посвящена исследованию фундаментальной проблемы развития российского общества — проблемы публичности, публичной политики. В монографии предпринят анализ современных отечественных и зарубежных моделей публичности. В «Очерках» выявляются новые методологические возможности исследования публичной политики, вводятся в научный оборот неизвестные в России концепты зарубежных авторов.

Адресована преподавателям, студентам, аспирантам, интересующимся актуальными проблемами социологической науки. Материалы работы могут использоваться в исследованиях различных аспектов публичности, общественного мнения, публичной политики, а также в учебном процессе при изучении тем, связанных с рассматриваемыми проблемами.

ISBN 978-5-905468-29-2

УДК 316.25

© А. В. Богучарский, Т. А. Марченко, О. В. Переверзева, 2014
© Ростовский филиал РТА, 2014
© ООО «Профпресс», 2014

ВВЕДЕНИЕ

В сегодняшней России, переживающей трудный этап изменения общественных форм, изменения в сфере межгосударственной деятельности, обращение к вопросам публичной политики вообще и проблеме становления гражданского общества, репрезентации государства в повседневной жизни, — вполне понятно. Ведь просчеты публичной политики сказываются на социальном самочувствии народа, ценностном наполнении и эффективности его участия в трудовой, политической, культурной жизни. Влияют они и на процессы легитимации в массовом сознании образа власти во всей совокупности властных решений и деятельности политических персон.

Цели российского развития, несомненно, значительные: создание для всех слоев населения условий для жизни, достойной в духовном и материальном отношениях, обеспечение соблюдения прав и свобод человека, утверждение демократического, федеративного, правового и социального государства, развитие местного самоуправления и т.д. Однако, в массовом сознании россиян (что подтверждается многочисленными мониторингами общественного мнения) бытует представление о реальных средствах достижения этих целей как весьма проблематичных. Российские СМИ, например, формируя правовое сознание населения, дают рекомендации по защите человеком своих прав. Такая защита, естественно, осуществляется через судебно-исполнительную власть. И для многих потребителей СМИ (а ими является практически все население страны), реализация таких рекомендаций представляется перманентным процессом тяжбы с магазинами (просроченные продукты, например, и пр), с ЖКХ, налоговой службой, страховыми кампаниями, медицинскими центрами и прочими институциональными организациями, с которыми постоянно контактирует человек в своей жизни (контроль населения за деятельностью институциональных организаций или их хроническая

дисфункция?). Названные здесь моменты — далеко не полный перечень возможных повседневных ситуаций, способных формировать в массовом сознании состояние «хлопотливой безнадежности», которое может укореняться в общественном мнении и экстраполироваться на все социальные институты общества, включая институт власти. Думается, что такое положение дел в известной мере обуславливается, в числе прочих обстоятельств, и особенностями российской публичной политики, теоретические подходы к изучению которой мы попытались обозначить в данной работе.

ОЧЕРК I

Об эвристичности различных подходов к исследованию публичной политики

1.1. О публичности, общественном мнении и публичной политике

Слово «публичный» вошло в русский язык из западно-европейских языков. По мнению Юргена Хабермаса, в английском языке уже в середине XVII в. слово «public» употреблялось вместо ранее употребляемых понятий «world» или «mincing». Примерно в то же время во французском языке появляется слово «le public», обозначающее те же самые понятия. В немецком языке существительное «Publikum» в качестве синонима слова «Welt» появляется в словарях XVIII в. Это понятие, переводимое на русский язык как «публика», «светский мир», обозначало в то время и зрителей театрального представления, и аудиторию какого-либо оратора, выступающего в публичном (общественном) месте¹. В современном немецком языке существительные «публичность», «открытость», «гласность», «общественность» обозначаются общим словом «Oeffentlichkeit», а производное от него прилагательное «oeffentlich» переводится на русский язык в 4 значениях: 1) *общественный*; 2) *публичный*; 3) *общедоступный*; 4) *государственный*².

В современном английском языке «публичная политика» часто синонимизируется с государственной политикой. Так, фраза «Public policy is the principled guide to action taken by the administrative executive branches of the state with regard to a class of issues in a manner consistent with law and institutional customs» переводится как **«Государственная политика»** является принципиальным руководством к действию, принятому административной исполнительной властью в государстве в отношении к классу вопросов в соответствии с институциональными,

¹ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. 17. Auflage. Frankfurt a / M. 1990. S.84.

² Немецко-русский словарь / Под ред. К. Лейна. М., 1992. С. 643.

таможенными законами».¹ Правильное понимание этого фрагмента утверждает акцентировку положения о том, что для потребителей СМИ публичная политика «является принципиальным руководством к действию», и призвана «служить справедливости, поддержке государственных институтов и политики и поощрять активное гражданство». На языке оригинала: «... public policy should solve problems efficiently and effectively, serve justice, support governmental institutions and policies, and encourage active citizenship».

В США, где публичная политика изучается в университетах и вузах, ведущих подготовку практикующих государственных политиков (of public policy practitioners), в функции публичной политики включают не только разъяснения и комментарии по поводу принятых правительством решений, но также анализ и обсуждения на стадии принятия решений. Выработка публичной политики представляет собой непрерывный процесс, в котором очень важна обратная связь. «Общественные проблемы, которые влияют на формирование публичной политики могут быть экономического, социального или политического характера. Каждая общественная система находится под влиянием различных общественных проблем, и специфика проблемы требует каждый раз иной, адекватной вопросу стратегии публичной политики».²

Заметим, что в современной российской политической культуре применительно к публичной политике эти значения не дефинируются. Вместе с тем, на наш взгляд, только понимание названных значений и их органический синтез дают грамотное в понятийном плане представление о «публичности», которая в действительной жизни является «пространством развёртывания», реализации публичной политики. И вовсе уходит из сферы внимания исследователей тот факт, что успешная публичная политика может осуществляться в пространстве публичности, лишь оставаясь в значительной мере в русле общекультурной традиции.³ Публичная политика, особенно формы её реализации и воплощения являются частью общественной культуры. Поэтому их развитие предполагает внутренние императивы, систему норм и идеалов, которые вырабатываются и как осознание господствующих объективных форм развивающегося социума, и как наложение на на-

¹ Jump up "Characteristics of Successful Public Policy." Norwich University Public Administration. / Электронный ресурс: [http:// en.wikipedia.org / wiki / Public_policy](http://en.wikipedia.org/wiki/Public_policy).

² Hill, Micheal Public Policy Process. 2005. Электронный ресурс: reply@mail.goodreads.com.

³ См.: Богучарский А.В., Марченко Т.А. О методологии исследования политической публичности. / Методология, теория и история социологии. Под ред. В.И. Филоненко. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011.

личное бытие проективности интересов и деятельности людей, целой коммуникативной системы человеческих смыслов.

Никлас Луман, чьи работы имеют огромное методологическое значение для исследования феномена публичной политики, отмечал, что понятие «публичность» содержательно отличается «от понятия системы массмедиа, а также от понятия «общественного мнение».¹ Доступность для каждого, обязательный момент непредсказуемости, отсутствие контроля над доступом к информации СМИ, — характеризуют публичность в политической сфере (в отличие от бытовой сферы, например — общественные туалеты и пр.).

Общественное мнение, формируясь в пространстве публичности по мере становления доступности коммуникаций, предстает как последняя инстанция в суждениях по политическим вопросам. Н. Луман пишет: «Хотя (и поскольку) публичность не являлась основанием для политических решений, но некоторым образом лежала вне границ политики, последняя использовала ее для политических целей и копировала ее в своей системе. Поэтому функцию системы масс-медиа следовало бы усматривать не в производстве, а в репрезентации публичности. ... репрезентация публичности средствами массмедиа обеспечивает в происходящем одновременно как прозрачность, так и непрозрачность, то есть: определенное тематическое знание в форме тех или иных конкретизированных объектов и неопределенность в вопросе, кто и как на это реагирует».²

Политический процесс жизни общества отражает весь спектр идущих в обществе трансформаций, в том числе и изменения в области политической культуры, формирования политических представлений. Так, столкновение двух мировоззренческих и культуросозидающих императивов (например, коллективно-коммунистического и корпоративно-буржуазного), в результате «стихийной», научно необоснованной публичной политики может породить систему тотального отчуждения человека с весьма драматичными социальными последствиями. Поэтому исследования политической культуры, политических представлений и ценностей выходят за рамки только теоретического интереса и приобретают практическую значимость.

«Исторический опыт современности, — писал когда-то доктор философских наук, профессор С. Б. Крымский, — меряется не только впечатляющими успехами материально-технического и социально-культурного развития, но и беспрецедентным накоплением старых и

¹ Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2005. С. 161.

² Там же. С. 164.

новых проблем, упущенных возможностей, иллюзий и сомнений, «белых» и «темных» пятен духовного поиска человечества»¹.

В этом проблемном поле вопросы публичности общественной жизни предстают как вопросы об особенностях политической жизни людей, соотношении истины и заблуждений в политических представлениях различных социальных общностей, оптимальном соотношении публичного и приватного и др., — и настоятельно требуют своего углубленного исследования.

В отечественном общественнознании достаточно изученными являются формы участия населения в политике. Однако это политическое участие рассматривается в отечественном общественнознании в основном по отношению к электорату. Политическое участие, публичность и публичная политика, несомненно, взаимосвязаны между собой. Естественно, что электоральное поведение и избирательные политтехнологии входят в политическую публичность, являясь формами политического участия, но не исчерпывают их содержание.

На протяжении веков политическая публичность связана с политической свободой. Эпоха Средневековья дает людям равенство перед Богом, а христианские учения выдвигают положение о конечности и преходящем характере земной власти. Начиная с Нового времени, идея политической свободы становится одной из главных идей и ценностей общества, они рассматриваются в русле договорных и естественно-правовых концепций. Диалектику противоречия свободы и равенства исследует А. Токвиль. В немецкой классике прогресс в осознании свободы равнозначен совершенному уровню реализованной свободы, свобода объявляется основой и сущностью государства и права. Ханна Аренд² полагала античность идеалом политической публичности, так как идеал политической свободы античной демократии состоял в участии всех граждан в управлении государственными делами. Сущностью свободы стало подчинение закону, а не господину.

Как видим, сущность понятий «публичность» и «публичная политика» имеет широкое социально-философское звучание и функционально и содержательно связана с многими социологическими и общесоциологическими категориями.

Помимо социально-философского понимания публичности имеются также ее социологические дефиниции, которые описывают ее общие, генеральные и частные социально-коммуникативные формы. Говоря о социологическом подходе к публичности, нельзя не отметить, что её наиболее фундаментальное рассмотрение предпринял известнейший социолог Никлас Луман в контексте построения своей

¹ Крымский С. Б. Истина и мнение // Филос. науки. 1990. № 10. С. 73.

² Взгляды Х. Арендт проанализированы ниже.

политической коммуникативной теории. Ватславик, чьи труды высоко ценил и цитировал в своих работах Н. Луман, полагал, что публичная сфера, в которой присутствуют другие лица, способствует нашему более интенсивному восприятию реальности: «Публичный» означает сам мир, в той степени, каким он является общим для всех нас, в той степени, в какой он отличается от того, что является для нас частным, присутствующим только данной личности, т. е. тому месту, которое мы называем частной собственностью... как только мы заводим речь о тех вещах, которые попадают в сферу частного или интимного, мы помещаем их в такую область, где они приобретают свою действительность, которую они никогда бы не приобрели, несмотря на ту интенсивность, с помощью которой они могли бы нас затронуть. Присутствие других лиц, которые видят то, что мы видим, и которые слышат то, что мы слышим, подтверждает нам реальность существующего мира и нас самих, даже если это раскрывшаяся в полной мере интимность частной внутренней жизни... Такого рода интенсификация, естественно, может иметь место только при наличии веры в реальное существование окружающего мира»¹.

В отличие от Х. Арендт, «поместившей» феномен политики в «пространство публичного», представитель системно-функционального направления современной социологии Н. Луман определяет *публичность* как элемент функциональной политической системы. Политическая система Лумана — это система коммуникаций в обществе, имеющих отношение к власти и направленных на ее определенные и неопределенные (контингентные) решения.

Категорию коммуникации как элемент политической системы Н. Луман имплицитно в свою социологию из кибернетико-психологического учения П. Ватцлавика, которое пока не переведено на русский язык и рассматривает человеческие группы как круговорот обратных связей, так как в них поведение любого отдельно взятого индивидуума.

Луманн выделяет в коммуникации три формы измерения взаимосвязи отсылок к её смыслу: отсылки к предметно-смысловому содержанию реальности; отсылки к прошлому, будущему, дистанцирование; социальное измерению (отсылки к социальности, отношению других лиц к тому же смыслу).² Наличие множественности значений

¹ Watzlawick P. Menschliche Kommunikation: Formen, Störungen, Paradoxien. Bern, 1969. S.30 // Цит по: Литвинова О. А. Система, социокультурный контекст, интердисциплинарность социологии Никласа Луманна: Дис. ... канд. социол. Ростов н / Д, 2003. С. 120—121.

² Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a / M., 1987. S. 119.

коммуникации позволяет Луману рассматривать в качестве одного из проявлений публичности *общественное мнение в функциональной системе политики*. По Луману, коммуникация, общественное мнение позволяют политической системе реагировать через них на изменения во внешней среде (или в других функциональных системах).¹ Свой анализ публичности Луман проводит, опираясь на разработанную современным германским социологом-функционалистом Д. Беккером методику рефлексии социального феномена в системе.

Для понимания сути системно-рефлексионной методики анализа публичности Д. Беккера предлагаем ее в луманновской редакции: «Д. Беккер предложил рассматривать характеристику «публичного» в рефлексии (или, точнее — в наблюдении за наблюдением внутри-системных границ общества). Его предложение такого рассмотрения принимает за точку отсчета теорему оперативного замыкания автотопойэтических систем. Следуя этой теореме, ни одна из систем не может «перешагнуть» свои границы и не может функционировать в оперативном режиме в своей окружающей среде... Но любая внутренняя сторона границ системы предполагает наличие еще и внешней стороны системы, иначе система не имела бы границ как таковых, и ее операции невозможно было бы идентифицировать как ее собственные, присущие данной системе операции. На внешней же стороне границ системы, возможно, такая система, если она будет повторно испытывать состояние «раздражения», сможет «идентифицировать» другие системы и выполнять их верификацию путем актов коммуникации от системы к системе. Однако это будет невозможно в тех случаях, когда рассматривается внутриобщественная среда в целом, потому что, будучи внутренней средой отдельных частей системы, общество лишено и адреса для обращений, и способности действовать. *Именно такую генерализованную сторону, другую сторону всех внутриобщественных социальных систем и можно назвать публичностью*»².

Замечено, что Н. Луманн не всегда и не все изучаемые им феномены объясняет с помощью своей когнитивно-конструктивистской терминологии. Так, в «Политике общества» он приводит и свое собственное определение публичности. Он относит её к коммуникации и применяет схожие с гегелевскими критерии функциональности. Вот что он пишет: «Человеческий разум нуждается в публичности для того, чтобы протестировать самого себя. При этом эквивалентом истины для функциональной области политики является общественное мнение. В этом случае речь не идет больше только о точном соответствии тем и

¹ Krause D. Luhmann-Lexicon. 3. Aufl. Stuttgart, 2001. S. 211.

² Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000. S. 285.

мнений, а, скорее, об исторически проверенном, прошедшем закалку через «публичное сообщение» предмете: о результате коммуникации как предпосылке дальнейшей коммуникации»¹.

Исследуя категорию «публичного» в юридическом смысле, выпускник факультета правоведения Луман имплицитно в нее свою концепцию контингентности (отрицания необходимости и невозможности, обозначающего единство дифференции действительного и возможного²) социального.

На примере присутствия публики на судебном заседании это выглядит следующим образом. «Общественными»³ при употреблении этого термина в юридическом смысле, основываясь на богатых традициях, считаются те здания или предметы, которые являются общедоступными для всех. Но при этом возможно и наличие исключений из правил. Так, судебные заседания являются публичными, даже если помещение суда не в состоянии вместить всех желающих, так что, допустим, только лишь какая-то ограниченная часть желающих сможет присутствовать на процессе. Тем самым в данное понятие попадает момент «непредвиденности», т.е. невозможности предвидеть все возможные случаи. И поскольку никогда невозможно знать точно, кто воспользуется правом доступа, а кто — нет, постольку *никогда невозможно будет установить точно, кто и как будет реагировать в «режиме публичности»*.⁴

*В качестве одного из проявлений принципа публичности в политике Луман рассматривает так называемое общественное мнение: «Общественное мнение следует понимать как мнение фактически живущих индивидуумов ...Его можно рассматривать как чистый артефакт прессы, потому что без него пресса могла бы попросту лишиться своей политической легитимации»*⁵. Роль СМИ в политической системе Луман также исследует с точки зрения своей концепции контингентности, иногда употребляя в качестве ее синонимов «непрозрачность», «непредвиденность», «интранспарентность». Отметим, что и Н. Луман, и П. Бурдые считали общественное мнение (адресат публичной политики) — артефактом.

П. Бурдые находил сомнительными основные постулаты, имплицитно задействованные в опросах. Вот что он пишет: «Так, всякий

¹ Luhmann N. Op. cit. S. 280.

² Krause D. Op. cit. S. 160.

³ В немецком языке «общественный» и «публичный» обозначаются одним словом «oeffentlich».

⁴ Luhmann N. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000. S. 284.

⁵ Luhmann N. Op. cit.

опрос мнений предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнения доступно всем. Этот первый постулат я оспарю, рискуя задеть чьи-то наивно демократические чувства. Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы. Я считаю возможным доказать, что это вовсе не так, и что факт суммирования мнений, имеющих отнюдь не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишенных смысла артефактов. Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, то есть согласия, что вопросы заслуживают быть заданными. Эти три постулата предопределяют, на мой взгляд, целую серию деформаций, которые обнаруживаются даже, если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных». ¹ Более того, он полагал, что исследования общественного мнения, как правило, политически ангажированы, какой бы области жизни они ни касались. Так, например, он пишет по поводу опросов, проводимых в учебных заведениях: «Предлагаемая исследованиями общественного мнения проблематика подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов». ² П. Бурдьё обосновывал, что «общественное мнение есть чистейший артефакт» и что «нет ничего более неадекватного, чем выражение общественного мнения в процентах». ³ Уолтер Липман, рассуждая о возможности неадекватности общественного мнения, писал: «Когда люди действуют исходя из принципа обеспечения информацией, они занимаются поиском фактов, на которых можно основывать решения. Когда они игнорируют этот принцип, то погружаются в самих себя и обнаруживают только то, что содержится в них самих. Они развивают собственные предрассудки, вместо того чтобы увеличивать свои знания». ⁴

По-видимому, когда в реальной политической жизни происходит нечто подобное, мы имеем дело с феноменом лжи. А ложь — серьезная политическая проблема. А. Черных полагает, что «главной глобальной политической проблемой является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и

¹ Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. / — М.: Socio-Logos, 1993. С. 161.

² Бурдьё П. Социология паолитики. С. 123.

³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 164.

⁴ Липман У. Общественное мнение. Перевод с английского Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 152.

государственной политики. Ложь относится к группе тех понятий, которые широко используются в науке, в социальной практике, а также в повседневной жизни человека».¹

Н. Луман, видя «неадекватность» общественного мнения, считая его «артефактом»², выделял множество весьма рациональных функций. Он пишет, что «средства массовой информации сами по себе создают транспарентность с помощью того, что они передают в своих актах коммуникации». Транспарентность понимается в данном случае не как гарантия достоверности информации, или её прозрачность (выше мы привели мнение Н. Лумана о прозрачности и непрозрачности медиа), а как её доступность каждому желающему получить информацию, предоставляемую СМИ. Автор концепции контингентности, обосновывающий значение случайных коммуникаций, указывает на ограниченную эффективность прогнозов реакции общественного мнения на СМИ сообщения. Степень адекватности реакции делает общественное мнение артефактом, который все-таки, является составляющей массового сознания, а значит — способен мотивировать. Думается что при исследовании публичной политики, её эффективности этот факт необходимо учитывать.

Н. Луман подчеркивает, что формирование общественного мнения — процесс, который невозможно полностью прогнозировать: «Но то, как на это отреагируют другие акторы в системе средств массовой информации (масс-медиа), предугадать нельзя вследствие принципиально интранспарентного будущего. Вопреки всем ожиданиям традиционного характера, публичность не гарантирует достоверных знаний об этом или же знаний, за которыми признается статус достоверности, не говоря уже о рациональной выборке»³. Ноэль-Нойман высказывает мысль, согласно которой сами опросы ничего не объясняют. Это происходит потому, что теория общественного мнения, несмотря на большие научные достижения в этой области, нуждается в дальнейшей разработке. Она пишет: «Одни лишь опросы еще ничего не объясняют; нужна теория, которая объяснила бы процессы формирования общественного мнения и получила бы подтверждение в эмпирических социальных исследованиях».⁴

Ноэль-Нойман ставит и исследует много интересных вопросов, ка-

¹ Черных А. В. Политическая ложь как механизм удержания власти. / Власть, 2014, № 12. С. 105.

² Luhmann N. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000. S. 280.

³ Ibid. S. 285.

⁴ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

сающихся публичной сферы, правда в иной, негенерализованной форме. Так, среди прочих, она исследует вполне практический вопрос — вопрос о готовности граждан публично высказать или выразить свое мнение. Ноэль-Нойман пишет, что еще в 1975 году был разработан и опробирован инструментарий для измерения готовности к публичному признанию своих симпатий. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Теперь выскажите свое мнение о партии, которая ближе других к Вашим воззрениям. Хотите ли Вы что-нибудь сделать для партии, которую считаете лучшей?» Версии ответов (11 вариантов, среди которых и непубличные — пожертвовать деньги, например) предлагались на специальных карточках. Среди вариантов были обозначены следующие:

- носил бы значок,
- прикрепил бы символику на автомобиль,
- ходил бы по домам и агитировал избирателей поддержать партию,
- повесил бы плакат партии на стене или в окне своего дома,
- расклеивал бы плакаты партии,
- выступил бы в уличной дискуссии и поддержал программу партии, принял бы участие в собрании партии,
- выступил бы на собрании партии, если бы это было необходимо,
- говорил бы о позиции этой партии на собраниях других партий,
- помог бы в распространении агитационных материалов партии.

Ноэль-Нойман пишет: «При пилотаже был получен простой, но значимый для анализа ответ: «Ничего из перечисленного не стал бы делать для партии, которой симпатизирую». ... удалось обнаружить депрессию сторонников партии. ...Статистический подход здесь ничего не выявил бы, а психологический аспект на практике привел партию на грань поражения».¹ Ноэль-Нойман поясняет, что исследование помогло выявить скрытые тенденции: «Конечно, можно прямо спросить, носит ли кто-нибудь значок партии или действительно прикрепил на машину ее символику. С точки зрения техники измерений преимущество такого способа проявления симпатии в том, что здесь фиксируется реальность и даже ведется наблюдение вместо, вероятно, сомнительных объяснений по поводу намерений».² Поэтому автор склонен трактовать публичность (Offentlichkeit) как состояние сознания человека, когда последний всегда «находится ли он в публичной (общественной) ситуации или он скрыт от общественного (публично-го) наблюдения, и ведет себя соответственно. Во всяком случае, люди

¹ Там же. С. 121.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. С. 85.

весьма различаются по тому, как на них действует осознание публичности. Индивид напряженно внимает общественности как анонимной инстанции, выносящей приговор, одаривающей популярностью и непопулярностью, уважением и презрением».

Наш современник Луман, свидетель многих громких скандалов, связанных со СМИ, не уверен в их объективности, а значит, в известной степени и в **эффективности публичности**: «Публичность является символом интранспарентности, порождаемой с помощью транспарентности. Все это имеет силу и для общественного мнения, в несколько ограниченном и поэтому усиленном смысле этого слова это значит — для публично доступного выражаемого мнения. Решающим и здесь является тот самый недоступный контроль — не столько за выражениями, чем можно управлять и даже покупать, сколько за резонансом необозримо большого количества людей и социальных систем»¹.

Иными словами, *Луманн считает почти невозможным полный контроль кого бы то ни было за формой сообщений СМИ и абсолютно невозможным контроль над общественным резонансом масс-медиа*. То есть, сила и значение общественного мнения не умаляются, а утверждается его неуправляемость, подвижность, неустойчивость.

Для подтверждения этого предположения, имеющего важное методологическое значение при исследовании публичности и публичной политики, он вводит определение *«лабильность общественного мнения»*, объясняющее его непредсказуемость: «Лабильность общественного мнения, наблюдаемая уже на протяжении достаточно длительного времени, является подтверждением применения этого понятия, точно так же, как и нелинейная динамика лабильности: тот факт, что большое количество знаний способно регулярно просто исчезать, и, с другой стороны, даже малейшие намеки на сообщения способны вызывать самые непредсказуемые эффекты. Общественное мнение будоражит и управляет вниманием общества, но оно не контролирует то, что с ним проделывают, что с помощью него узнают»².

Для луманновской социологии в целом, особенно в период оформления его теории социальных систем, характерна высокая степень генерализации исходных категорий и конечных выводов. Обществовед Луманн находился под сильным влиянием всеобщей теории систем, кибернетики и когнитивно-конструктивистских концепций познания, областей научного знания. Поэтому он использует крайне абстрактный, генерализованный категориально-дефиниционный ап-

¹ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000. S. 285.

² Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000. S. 286.

парат, описывающий предмет своего изучения только в генерализованной форме. Несмотря на то, что категориально-дефиниционный аппарат системной теории Н. Луманна плохо пригоден для анализа какого-либо эмпирического материала, его идеи имеют огромную ценность для понимания общественного мнения, публичности, публичной политики как непрерывных, «переплетающихся», очень значимых для жизни общества, процессов. Разработанное Луманом учение о политической публичности позволяет глубже понять её *сущность и значение* в жизнедеятельности общества в целом, что подчас «ускользает» от внимания исследователей, тем более, что политическая публичность представляет собой, несомненно, макросоциальное явление.

Публичная политика, в отличие от политической публичности, переносит акценты на проблемы направленности развития человеческого сообщества. Она осуществляется в публичном политическом пространстве и «охватывает» такую грань политической свободы, которая своими корнями уходит в самоосуществление человека и самоосуществление человеческого сообщества. А каков удел публичной политики в будущем? ведь критериями свободы, лежащей в основе политической публичности, являются реализация индивидом и обществом своего внутреннего потенциала, творческое саморазвитие, духовный и нравственный прогресс.

Как показывают исследования, отсутствие внутренней позитивной свободы и ответственности человека и общества препятствует развитию последнего и чревато обособлением, атомизацией индивидов, анархией или диктатурой. Вместе с тем существует явное противопоставление политической свободы как действительной, реальной свободы человека, свободы его выбора и действия политической свободе как мифу, формальной свободе, нигде и никогда не реализованной на практике в полном объеме¹. Прозвучавшие 19—24 июля 2014 на 23-м Всемирном конгрессе политической науки (Монреаль-Квебек) положения о готовности властей идти на контакт с протестующими и взаимодействовать с ними в решении конкретных проблем публичной политики, о кардинальном изменении «политического ландшафта» в сторону снижения политической напряженности и институционализации протестов как формы репрезентации интересов гражданского общества и участия публики в политике, — звучат скорее, как руководство к действию, нежели как опробированные многолетним опытом, практики.²

¹ См.: Басенок Н. А. Антиномии института политической свободы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н / Д, 2003. С. 8—10.

² См.: Интернет ресурс: <http://www.isras.ru>

Размышления о публичной политике связаны с необходимостью формирования нового нравственно-ценного отношения к власти. Исследователи фиксируют конфликт между частной моралью и политической практикой, справедливо полагая, что он является глубинным и развивается на уровне жизненных потребностей человека¹.

Политическая индифферентность населения общественно опасна, особенно в периоды реформ, социальных изменений. И это, несомненно, «промахи» российской публичной политики, которая, являясь сферой диалога, коммуникации, разговора с государством по общественно значимым вопросам. Л. Никовская и В. Якимец пишут «Публичная сфера — это сфера диалога, общения, коммуникации, это сфера договора с государством по общественно значимым вопросам. Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо уменьшаться, так сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр. Каналы влияния на органы государственной власти начинают монополизироваться сильнейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власти имущих, что неминуемо отражается на ухудшении оценок состояния институтов ПП со стороны гражданского общества. Проведенные в 2009—2013 гг. исследования в целом подтвердили, что административное начало власти стремится доминировать в поле публичной политики ... Именно поэтому мы сегодня фиксируем вызревание противоречивых тенденций в точке сопряжения потребности в усилении регулирующей роли государства и расширения формата нового качества публичного взаимодействия с ним общества».²

А ведь публичная политика способна консолидировать людей на основе сопричастности к решению проблем общегосударственного, регионального и местного масштабов через адекватную, научно обоснованную публичную политику. Можно сказать, что путь к осуществлению демократических ценностей «проходит через поле» публичной политики. В современном общественном сознании эта проблема, несмотря на всю её важность, остается практически неисследованной.

Как известно, понятие «политика» обозначает государственные или общественные дела, то, что относится к государству (от polis — государство). В учебнике, подготовленном авторским коллективом факультета политологии МГИМО — университета МИД России под руководством А. Ю. Мельвиля, отмечается³, что политика как многомерное

¹ См.: Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 1996.

² Никовская Л., Якимец В. Повышение культуры публичной политики — вызов для демократического развития России. / Власть, 2014, № 9. С. 6.

³ См.: Мельвиль А. Ю. и др. Политология: Учебник. М., 2004. С. 580.

явление может быть представлена в качестве:

а) *сферы общественной жизни*, социальной подсистемы, выполняющей *функции* согласования общих и частных интересов, властвования и поддержания социального порядка, достижения общезначимых целей, управления людьми и общественными делами;

б) *вида активности социальных субъектов*, совокупности их индивидуального поведения;

в) *типа социальных отношений* между индивидами, малыми группами и большими общностями, системы взаимодействий и коммуникаций людей между собой.

А также политика может обозначать *политический курс*, т.е. сознательно выработанную политическую стратегию (как логически увязанный, направляемый единой волей ряд последовательных единичных действий), включающую в виде необходимых компонентов определение цели и способов её достижения; направление политической деятельности¹.

В пункте «в», где политика взята в значении типа социальных отношений между индивидами, коммуникаций между ними, она включает также и отношения между властью и подвластными, без чего ни одна политика как таковая немислима.

Несколько абсолютизируя этот момент, можно сказать, что *политика как сфера общественной жизни, вид активности людей, тип социальных отношений и как политический курс представляет собой, взятые в разных ракурсах взаимоотношения между властвующими и подвластными*. Однако такие отношения опосредуются рядом звеньев, взаимодействие которых предстает как *политическая жизнь общества*.

Отметим, что бесконечная сложность функционирования общества на всех его уровнях и во всех его проявлениях влечет за собой «невозможность объяснять и решать социальные проблемы в виде шахматной «двухходовки» или чисто социально-инженерного мероприятия»². Поэтому представление об опосредующих звеньях между властью и народом не может иметь линейного характера.

В данном случае под властью понимается осуществление властных отношений, влияния, способность властвующего субъекта (будь то индивид, группа лиц или какое-то сообщество) воздействовать на поведение других, вызывать изменения в их ценностном мире, убеждениях, установках.

Исследователи фиксируют конфликт между частной моралью и политической практикой, справедливо полагая, что он является глубинным и развивается на уровне жизненных потребностей челове-

¹ См.: Там же.

² Покровский Н.Е. Социология, социологическая культура и их место в современном обществе // Обществ. науки и современность. 2002. № 2. С. 42.

ка¹. Общеизвестно мнение, согласно которому политика, т.е. решение общегосударственных и гражданских дел, начиная от исполнения элементарных гражданских обязанностей и кончая решением вопросов о войне и мире, воспринимается как «грязное дело», недостойное тех, кто стремится к «чистой совести» и душевной гармонии. Само это противопоставление, укоренившееся в массовом сознании, оказывается, таким образом, *предпосылкой* «грязной политики», *условием*, содействующим формированию гражданской безответственности в той области деятельности, которая должна была быть сферой наибольшей нравственной ответственности².

Можно сказать, что путь к осуществлению демократических ценностей «проходит через поле» публичной политики. Однако в современном общественном сознании эта проблема, несмотря на всю её важность, остается практически неисследованной. В чем причины такого положения дел? Думается, что во много. Среди них можно назвать и судьбу социологии в нашей стране, когда проблемы публичной политики и публичности оставались на периферии знания; и недостаточность научного общения по проблеме в виде конференций, конгрессов и пр. Но есть и еще одна, на наш взгляд, весьма существенная причина неразработанности проблемы — недостаточно эффективный поиск *методологии*, адекватной предмету исследования.

Изучение политического языка как элемента политической культуры, форм и способов презентации власти в СМИ, политических ценностей и идеалов демократии и свободного волеизъявления народа осуществляется как бы параллельно, подчас вне всякой взаимосвязи. При этом в исследованиях превалирует деятельностный или системно-структурный подход, представляющий в своем статичном варианте абсолютизацию разновидности аналитического момента в познании, весьма дистанцированного от сути реальных процессов.

В современной западной социологии, например, эффективно используется системный подход в сочетании с герменевтикой. Достаточно эвристичными при исследовании отдельных аспектов публичности, например, репрезентации власти в СМИ, явились теоретико-методологические направления, контрастирующие с основными принципами академической социологии. Среди них особое место занимает «социальная драматургия» И. Гофмана, использующая элементы герменевтики, теории обмена, развитых в русле символического интеракционизма. Остановимся на методологии сочетания системного подхода и герменевтики, весьма популярной в современной немецкой социологии.

¹ См.: Динамика ценностей населения реформируемой России.

² Там же. С. 160.

ОЧЕРК II

Системный подход и герменевтика в исследовании ценностного политического сознания

Многие исследователи отмечают, что с начала 1990-х годов сформировалась амбивалентность массового политического сознания россиян. Она сохраняется по настоящее время и представляет собой «неустойчивое и неорганичное сочетание двух противоположных систем ценностей и ориентаций, которые условно обозначили как авторитарную и демократическую. Причем различия между ними не принципиальны».¹

В самом общем виде политические ценности можно обозначить как нормативную оценку политического факта, идеального объекта в терминах «плохо», «хорошо», воплощающую в себе представления людей о возможности достижения необходимого, либо желаемого политическими средствами. Если политические установки, или политические ориентации, как правило, связаны с конкретной ситуацией, то политические ценности, выражающиеся как в действиях, так и в оценках общественного мнения, как правило, не связаны с конкретной страной, ситуацией, событиями и олицетворяют представления об идеальных целях, моделях поведения.

Амбивалентность российского ценностного политического сознания реализуется в форме сочетания ценностей авторитарно-демократического типа. Описывая этот феномен, Н.П. Поливаева отмечает, что «речь в данном случае идет о принципиальной значимости для представителей самых разнообразных социальных групп проблематики порядка, стабильности. ...Социетальная дезинтеграция

¹ Поливаева Н.П. Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? / Власть, 2014, № 12. С. 18.

макросреды (т.е. порядок имеет принципиально незавершенный характер) сосуществует с некой гомогенизирующей тенденцией массового политического сознания, а точнее, со свойственным ему чувством экзистенциальной безопасности. Иначе говоря, социальный порядок, стабильность, безопасность для россиян по-прежнему важнее демократии. И это совершенно нормально и логично в актуальном общественно-политическом контексте».¹ И все-таки, автор полагает, что раскол как отсутствие консенсуса по базовым ценностям существует, что «незавершенность процесса формирования новой социальной структуры затрудняет позитивную идентификацию граждан через крупные социальные группы».²

В качестве политических ценностей могут выступить множество самых разнообразных объектов. Так, пространство, «места и площади овещенного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе».³ В политической жизни статус ценности могут приобрести как ценности, воплощающие идеал перспективного социального развития, так и традиционные ценности, или ценности прошлого. Это случается, когда определенные слои, будь то институт власти в целом или отдельные партии, «ощущая опасность в отношении своего коллективного будущего, могут поддерживать свои ценности лишь соотносясь с прошлым, обращаясь к нему и ссылаясь на систему ценностей, соответствующих прошлому состоянию структуры поля социальных классов».⁴

В имперских системах, полагает Колл, военно-политическая, интеллектуальная и торговая элита могут успешно внедрять свои ценности в массовое сознание. «Термин «элита» в данном случае указывает не на ценностную сторону, а на социальный статус руководящей группы, которая своими суждениями и действиями одновременно и командует, и определяет ценность любой вещи, любой позиции и поведения».⁵

Политические ценности многообразны, играют огромную роль в жизни общества, социальных слоев, групп, отдельных людей, то объединяя, то разводя их на существенно различающиеся позиции. Цен-

¹ Там же.

² Там же. С. 19.

³ Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. / М.: Socio-Logos, 1993. С. 42.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр.; Предисл. А. Б. Гофмана. — М.: Весь Мир, ИНФРА-М, 2001. С. 247.

ностное политическое сознание конституирует позиции населения от заинтересованной и активной до пассивной, отчужденной, включая попадание в так называемую «спираль молчания».

У. Липман отмечал, что «наши рациональные представления о политике по-прежнему являются грубыми обобщениями, намного более абстрактными и намного менее проработанными, чем обобщения, нужные для практической работы... В делах политических разум особенно незрел в том, что касается предсказания поведения отдельно взятых индивидов». ¹ Но с какой бы степенью адекватности ни интериоризовывались бы политические ценности в сознание человека, они — часть личностной структуры. Являясь компонентой иерархической системы ценностей, определяющей направленность активности человека, ценностное сознание конституирует архитектонику мировоззрения человека, его жизненного мира вообще. Соответствуют ли методы исследования ценностного сознания сложности изучаемого феномена?

Обычно политические ценности изучаются вне взаимосвязи с другими ценностями в структуре индивидуального или общественного сознания. Господствует «метод перечисления» ценностей, когда фиксируется частота выборов и наиболее выбираемые ценности предстают в качестве «базовых и устойчивых», а менее популярные — периферийных и менее значимых. Далее обычно составляются «системы ценностей» респондентов, что на самом деле если и представляет собой систему, то суммативную, где вопрос о «тайне» возникновения новых, интегральных свойств ценностной системы, свойств, конституируемых взаимодействием элементов системы, остается открытым. ²

Политические ценности, включены в ценностное сознание людей, точнее, — в сознание человека с его памятью, умениями, степенью образованности, культурной принадлежности и пр. Даже этот неполный перечень говорит о настоятельности применения системного подхода. Однако системный подход, несмотря на частые упоминания в качестве методологического обоснования в контексте различных работ, посвященных исследованию ценностей, нельзя назвать, с одной стороны, разработанным, а с другой — достаточным для исследования ценностного сознания.

Такие различные ценности, как семейные, политические, эстетические, трудовые, нравственные и иные, разделены только в сознании исследователей, а респонденты обладают нерасчлененным ценностным сознанием, которое можно представить как открытую самораз-

¹ Липман У. Общественное мнение / Пер. с англ. М., 2004. С. 379.

² См.: Ценности как открытая целостная система. / Академический вестник. № 4, (Ростов-на-Дону, РФ РТА) 2006.

вивающуюся систему, элементы которой — отдельные ценности — выступают как социетальные, имеющие свою сложную структуру, подсистемы.

С тем, что ценностные системы динамичны, согласны все. Но как понимать и как фиксировать эту динамику? В современном отечественном обществознании понимание динамики ценностей сводится к фиксации «переходов» (детерминированных в основном социально-экономическими факторами) из блока наиболее предпочитаемых ценностей в менее предпочитаемые или отвергаемые. Практически не исследуются механизмы метаморфоз предпочитаемых ценностей в ценности-мотиваторы. И в какой степени содержание ценностей является рационально осмысленным, осознанным? И причем здесь герменевтика, вынесенная в заголовок параграфа?

С этим связан и другой недостаточно изученный вопрос о содержательном наполнении ценностей. Он практически не исследуется, и суть его в том, что возникают ситуации, когда исследователь имеет в виду одно, а респондент — совсем другое. Такую ситуацию зафиксировали наши украинские коллеги. Ученые в процессе исследования политических ценностей столкнулись с тем, «... что в сознании респондентов *безразличие* — это позитивное и к тому же обладающее высоким рейтингом качество. Видимо, в данном случае безразличие означает нечто вроде автаркии, невозмутимости души, умения быть не подверженным сторонним влияниям. В число позитивных качеств своего соотечественника опрашиваемые также включили *терпимость*, которую в данном случае они интерпретировали не как толерантность (это понятие ещё мало известно опрашиваемым), а как терпеливость»¹. Проблема состоит в понимании или непонимании смысла, который вкладывается в слово. Возникает как бы конфликт методов: социолог обсчитывает и интерпретирует данные, но процедура понимания из процесса исключается. Будет ли верной интерпретация и даст ли она в конечном итоге истинное знание, на примере об общественном мнении? А любое конкретно-социологическое исследование ценностного сознания по окончании сбора данных представляет собой вербальную информацию, текст. Под текстом мы, вслед за П. Рикером, подразумеваем «... объединенные или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения»².

¹ Навка И.П., Рогозин Н.П. Аномия или переоценка ценностей? Демократические трансформации украинского общества в зеркале общественного сознания. Донецк, 1998. С. 43.

² Рикёр П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 3.

Герменевтика XIX в. занималась в большей мере поисками позитивных условий понимания (нежели интерпретации):

а) историко-лингвистическая ветвь применяла метод «грамматического» понимания автора;

б) историческая школа герменевтики концентрировала внимание на том, чтобы посредством исторического понимания временного фона сделаться современником автора, которого необходимо понять;

в) метод квазипсихологической постановки себя на место автора, с «последующим пониманием», которое, отталкивало от «выражения жизни», помогал осуществить необходимую реконструкцию¹.

Система ценностей человека или отдельных групп населения не является в строгом смысле социальной системой. Это — *психическая система*, представляющая собой *социальный факт* — *важнейшую составляющую социальной системы*.

А такой известный и неоднозначный ученый, как Людвиг Витгенштейн, подошел к проблеме понимания смысла и герменевтики с других позиций. Его интересы были связаны с природой мысли и языка. Он ставит вопрос о том, каким образом наши слова и мысли что-то означают. Дэвид Блур пишет по этому поводу: «Ясно, что в общем он отрицает идею, согласно которой значением слова является обозначаемая этим словом вещь. Также очевидно, что он не считал правильной теорию о том, что значением слова является ментальный образ или картина, которая появляется перед нашим сознанием, когда мы слышим слово. Его позитивная точка зрения состояла в том, что в подавляющем большинстве случаев значением слова является его *употребление*... Витгенштейн отсылает нас к тому, что он называет обычаями, практиками, конвенциями и институтами»², иными словами, к социокультурному контексту употребления слова.

Поль Рикер, рассуждая о герменевтике текста и социального действия, писал: «... характер желательности, связанный с мотивом, включает в себя одновременно и силовой, и смысловой аспекты в зависимости от того, что является преобладающим: способность приводить в движение или же побуждать к нему, либо же потребность в оправдании... можно говорить о вписываемости действия в ткань истории...»³.

Возможно чересчур вольным, но не бесосновательным будет предположение том, что респонденты подчас «выбирают» не те ценности, которыми руководствуются в повседневной жизни, а те, которые им

¹ См.: Апель К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. М., 2001. С. 62—63.

² Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // ЛОГОС. 2002. № 5—6 (35). С. 48.

³ Рикёр П. Указ. соч. С. 16—17.

нравятся, удовлетворяя «потребность в оправдании» или, точнее, самооправдании.

Карл-Отто Апель замечает, «... что в случае языка речь идет о *трансцендентной* величине в смысле Канта, точнее говоря, об условии возможности и значимости понимания и самопонимания и одновременно об условии возможности и значимости понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия. В этом смысле мы собираемся говорить о *трансцендентально — герменевтическом* понятии языка»¹.

Действительно, человек в своей речи не всегда называет предметы или конкретные объекты, обозначения которых нуждались бы в понимании и интерпретации. Что же касается ценностей, то их интересующая составляющая — саморефлексивность — достаточно велика. К. О. Апель, размышляя трансцендентности философского языка, его функционировании в мире повседневной коммуникации, приходит к необходимости интерпретации языковых конструкций. Он пишет: «То, что *естественный обыденный язык* не исключает *саморефлексивности*, но в какой-то мере является собственным *метаязыком*, только, очевидно, и делает для людей возможным специфическое отношение между *языковой системой, языковым употреблением, обусловленным языком опытом* и *жизненной практикой*. Дело в том, что в отличие от функции т. н. «языка животных» — или «сигнального кода» — *коммуникативное употребление языка* у людей не может быть удовлетворительно постигнуто ни как чистая передача *информации о фактах*, которая не затрагивает миропонимания партнера по коммуникации, ни как приватная актуализация системы языка, которая не затрагивает её семантическую структуру... (возникает. — А. К.) необходимость взаимопонимания относительно смысла — т. е. «значения» — знаков языка, но уже в плоскости слов»², что представляет, несомненно, выражение рефлексивности человеческого разума в коммуникативном процессе при наличии, конечно, относительной стабильности системы смыслового истолкования.

М. К. Петров, рассматривая универсалии социального кодирования, пишет, что знаковая интерпретация языка начинается с Ф. де Соссюра. «Положения Соссюра: «Язык — система знаков, выражающих идеи ... лингвистика лишь часть семиологии — науки, изучающей жизнь знаков внутри жизни общества», — означали ... социологизацию языковых реалий, которым предложено было покинуть тонкую и труднодоступную для исследования область мышления, духовной жизни и войти в связь с грубой институциональной глиной социаль-

¹ Апель К.-О. Указ. соч. С. 240.

² Апель К.-О. Указ. соч. С. 249—250.

ности...»¹. Ценности, выраженные словами при социологических опросах, по сути, — «не совсем слова», а достаточно емкие смыслы, которые, как мы уже писали, от частоты повторений не становятся ценностями-мотиваторами и подразумевают индивидуально выраженные социокультурные значения.

Как видим, налицо необходимость *процедуры понимания* для получения знания о том смысле, который имеют в виду респонденты, выбирая или отвергая ту или иную ценность. Процедура понимания предполагает знание о том, что выбираемые респондентами ценности отображают восприятие ими действительности в образах и понятиях, соответствующих их личностной развитости. Также они могут отображать ценности, связанные с реализацией жизненных стратегий поведения семей. Ценностные образы и понятия основываются как на культурном «багаже» респондентов, так и на непосредственном восприятии ими социальной реальности, которое осуществляется не только в абстрактно-логической форме, но и в чувственной, подчас без вербальных средств реализации.

Таким образом, ценностное сознание людей, являясь системным объектом, требует для своего изучения системного подхода, дополненного исследованиями функциональных свойств как системы ценностей в целом, так и её многообразных элементов. Вместе с тем любые смысловые образования (а ценности именно таковыми и являются) требуют процедуры понимания, постижения содержания и смысла, которые вкладывают респонденты в словесно выраженную ценность. Только при наличии понимания имеет смысл интерпретация.

Поль Рикёр замечал: «Важно соблюдать точность в терминологии и закрепить слово «понимание» за общим явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а слово «интерпретация» употреблять по отношению к пониманию... Именно это расхождение между пониманием и интерпретацией порождает конфликт методов. Вопрос состоит в следующем: не должно ли понимание, чтобы сделаться интерпретацией, включать в себя один или несколько этапов того, что в широком смысле можно назвать объективным или объективирующим подходом? Этот вопрос сразу же переносит нас из ограниченной области герменевтики текста в целостную сферу практики, в которой действуют социальные науки»². Любая, даже оригинальная и талантливая, интерпретация данных без применения процедуры понимания вряд ли поможет получить истинное представление о состоянии ценностного сознания людей.

¹ Петров М. К. Язык, знак, культура. 2-е изд-е, стереотип. М., 2004. С. 85.

² Рикёр П. Указ. соч. С. 4.

Таким образом, ценностное сознание как открытую саморазвивающуюся систему необходимо исследовать и в функциональном аспекте, для реализации которого необходимы процедуры *понимания и интерпретации*. А это — исследовательское поле герменевтики. Совместимы ли системная теория и герменевтика методологии исследования социальных явлений?

Немецкий ученый Вольфганг Людвиг Шнайдер, все еще неизвестный в России, в своей работе «Объективная герменевтика как исследовательский метод системной теории»¹ дает положительный ответ на этот вопрос. Но вопрос о том, в какой мере герменевтика в состоянии обогатить метод эмпирического исследования ценностей, соответствующий функционально-структурированной системной теории, остается открытым. Речь идет, естественно, о герменевтике как об одном из методов, который, встраиваясь в системную теорию, не конкурирует со структурно-функциональным подходом, а дополняет его.

В каком случае герменевтика может обогащать структурно-функциональный анализ ценностного мира социальных субъектов различной степени общности, в какой степени приемы понимания и интерпретации могут распространяться на системно-теоретические построения социальных систем для установления смысловых соответствий? Множество подходов, связанных с пониманием, которые часто трактуются в отечественной социологии как герменевтические, не дает ответа на эти вопросы.

Снять эти вопросы может выбор такой позиции герменевтики, которая была бы близка к социологическому исследованию ценностей, учитывала бы специфику данной области социологического знания и располагала методической эвристичностью. Одна из позиций, удовлетворяющая этим требованиям исследования социальных систем — это «объективная герменевтика», — по мнению Ульриха Оверманна и его исследовательской группы². Они полагают, что объективная герменевтика является не только методом и методологией, но и включает в себя эксплицитные понятия «смысл» и «структура». В качестве исходного пункта, интегрирующего герменевтику в структурный анализ, предлагается понятие «*смысл*», так как оно является релевантным в общественных науках, активно используется и в системной теории, и в герменевтике.

¹ Schneider W.L. Objektive Hermeneutik als Forschungsmethode der Systemtheorie // Soziale Sistem. Zeitschrift fuer soziologische Theorie. 1955. Jg. 1. S. 129—153.

² См.: Oevermann U. Die objective Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage fuer die Analyse von Subjektivitaet. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. Frankfurt, 1993. S. 106—189.

Ценностные состояния сознания, как известно со времён Э. Дюркгейма, являют собой социальные факты. В зависимости от степени устойчивости, закреплённости в сознании они могут модифицироваться в мотиваторы жизнедеятельности. Устойчивость, закреплённость в сознании фиксируются в коллективных представлениях народа, модифицируясь на субкультурных уровнях, тем не менее не теряя своего значения детерминанта актуализирующихся ценностей. Цепочка «прошлое — настоящее — будущее» становится очевидной.

Поэтому «смысл» как теоретическая категория во всей полноте своего содержания не будет «работать» в конкретно-социологическом исследовании ценностей, ценностного сознания. Говоря словами А. Бора¹, нужна рекапитуляция понятия «смысл» и его непосредственное «транспортирование» в методическую составляющую. Наиболее подходящим для такой «транспортировки» будет двойственный характер системно-теоретических основных понятий, выделяемых Луманном в качестве «основных представлений, эксплуатируемых теоретически и методически»². О. Литвинова отмечает³, что философская импликация гуссерлевского феноменологического понимания смысла, включение его в социологическое знание представляют собой первую попытку Н. Луманна сблизить свою научную дисциплину с несоциологической научной дисциплиной. Это первый опыт стратегии интердисциплинарности — отличительной черты его социологии⁴.

Никлас Луманн, разрабатывая идеи интердисциплинарности социологии, определяет понятие «смысл» в соответствии с феноменологией Э. Гуссерля⁵. Исследованием гуссерлевской феноменологии сознания Н. Луманн занимается с начала 70-х г. Его внимание привлекает гуссерлевское разделение *актуального и потенциального в познании*.

По мнению Э. Гуссерля, феноменология, ориентирующая на непосредственный опыт сознания, необходима для обоснования любого рода научного знания. С этим можно соглашаться или нет, когда дело касается различных наук. В аспекте нашего интереса к исследованию

¹ Автор предпринимает масштабную попытку теоретического сравнения объективной герменевтики и системной теории. См.: Bora A. *Konstruktion und Rekonstruktion*. Frankfurt a / M., 1994. S. 282—230.

² См.: Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt a / M., 1990. S. 13.

³ См.: Литвинова О. А. «Доавтопоэтический» период социологии Никласа Луманна. С. 38.

⁴ «С точки зрения самого Н. Луманна, — пишет О. Литвинова, — интердисциплинарность социологии — позитивное явление, позволяющее, как он считал, избежать окостенелости, которая может появиться при гетерогенном развитии отдельных научных дисциплин». Литвинова О. А. Указ. соч. С. 38.

⁵ См. об этом: Литвинова О. А. Указ. соч. С. 35—46.

ценностного сознания, приобретают особую важность¹ мысли Э. Гуссерля об интенциональных актах (способ данности предметов сознанию) и интенциональных предметах (то, на что направлен интенциональный акт). Формирование ценностного сознания социального субъекта любого уровня, будь то отдельный человек или социальная группа, представляет собой процесс познания окружающего мира во фрагменте, который задается сферой жизнедеятельности субъекта.

Естественно, что ценности, как смыслы, содержат в себе концентрированное знание о различных сторонах приватной и общественной жизни и соответствующее отношение к ним. Таким образом, ценности как особого рода «знание-отношение» содержат в себе и опыт прошлого, и потенции будущего «знания-отношения». Ведь для будущих ценностных образований актуальное ценностное сознание выступит как основа и даже как традиция, естественно, модифицированная актуальностью.

Присутствие смысла в психической или социальной системе указывает на возможности, которые позднее могут селективно актуализироваться. Поэтому анализ публичности должен проводиться в историко-культурной ретроспективе политических представлений. Такой подход и перекликается с принципом историзма (на уровне социума), и соответствует герменевтико-феноменологическому видению (на уровне индивида). По Э. Гуссерлю, «... каждому восприятию постоянно соответствует горизонт прошлого как потенциальность воспоминаний, а каждому воспоминанию принадлежит, в качестве горизонта, непрерывная последующая интенциональность последующих воспоминаний... Горизонты представляют собой заранее очерченные потенциальности... Каждый горизонт можно расспросить в отношении того, что в нём расположено, истолковать его. Именно так раскрывается предметный смысл, всегда лишь имплицитно намеченный в актуальном... Смысл этот непредставим в качестве готовой данности, он проясняется лишь в результате истолкования данного, а также других, вновь и вновь пробуждаемых горизонтов»².

Поэтому и политическая публичность, являющаяся, по определению, «сплавом ценностей», — это не «железобетонный сплав», всегда равный самому себе и поэтому мотивирующий разумное рациональное поведение. Горизонты эти как заранее очерченные потенциальности реализуются в своем содержании далеко не в полной мере, тем не

¹ Ниже, в разделе, посвященном анализу репрезентации власти в СМИ, проводится анализ интенциональных актов в публичной политике — анализ данности подвластным образа политики.

² Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie*. 1922. Bd. 1. S. 168. Цит. по: Литвинова О. А. Указ. соч. С. 34—35.

менее «постоянно пробуждаются». На наш взгляд, ценностный мир человека — это «текущий» из прошлого в будущее мир, он может быть не полностью осозанным, и в этой неосознанности не терять детерминационной функции по отношению к поступкам и действиям человека.

Эту особенность ценностного сознания фиксировал, как известно, Э. Дюркгейм в идеях о коллективных представлениях. Что же касается М. Вебера, то важными моментами его методологии явились обозначенные им *два признака социального действия: наличие субъективного смысла и ориентация на другого*. Несмотря на спорность его теории политической рациональности, он, конечно, резко выходит за рамки экономического детерминизма в понимании ценностей и мотивации индивида и группы.

П. Гайденко, анализируя методологию М. Вебера, пишет о том, о чем подчас забывают многие критики и поклонники великого мыслителя: «Введение в социологию принципа «ориентации на другого» представляет собой попытку внутри методологического индивидуализма найти нечто всеобщее, принять во внимание ту «субстанцию» социального, без которой целерациональное действие остается классической моделью робинзоны. Авторы робинзонад не предусматривали в действиях индивида никакой «ориентации на другого»: в основе действия индивида для них лежал индивидуальный «интерес», и не случайно именно робинзоны послужили моделью так называемого «экономического человека». Согласно Веберу, социология начинается там, где обнаруживается, что экономический человек — слишком упрощенная модель человека...»¹. Однако *субъективный смысл* (который должен быть понят исследователем) и это *понимание* — центральный пункт понимающей социологии Макса Вебера — всегда лежит в основе реального, целерационального действия. Это было ясно и самому М. Веберу, когда он говорил, что люди не могут однозначно ориентироваться в своих действиях на цель, что идеально-типические конструкции есть средство познания, но реальные жизненные процессы они отражают весьма приблизительно. М. Вебер пишет: «Для типологического научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и отображать их в качестве «отклонений» от чисто целерационального сконструированного действия... реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как «отклонение»

¹ Гайденко П. Социология Макса Вебера. Предисловие // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 18—19.

от чисто рационально сконструированного»¹. Конечно, спорно, что является предметом типологического изучения: «чисто целерацио-нальное» или же «отклонения».

Этика жизнедеятельности, эмотивизм, а не ценностные смыслы занимают внимание М. Вебера, всегда стремящегося отделить факты от их интерпретаций. Несмотря на то, что «этика жизнедеятельности» и «ценностные смыслы» во многом содержательно совпадают, все-таки первая всегда предполагает осознанную систему поступков, в отличие от последних, содержание которых может быть не только чётким и ясным, но и диффузным, расплывчатым, а то и неосознаваемым. Поэтому ценностный мир человека у М. Вебера не является саморазвивающейся системой.

Ведь система всегда в известной степени предстает как деперсоналицированная, причем ее *неосознанные элементы конституируют её также действенно, как и осознанные*. Что же касается системы ценностей людей, то она, интегрируя в органичное целое знания, веру, мнения и предрассудки, с неизбежностью продуцирует «темные пятна» ценностного сознания — *неосознаваемое*. Его необходимо исследовать в единстве с осознанными ценностными установками, так как и то, и другое представляет собой важную основу формирования ценностного мира людей, является для исследователя ценным вариационным рядом.

Поэтому введение Н. Луманном в социологию генерализованной феноменологической трактовки смысла даёт исследователю методологическую основу для *работы в русле вариационного ряда*, позволяет представить системы ценностей как смысловые системы, элементы которых связаны как мыслями (по типу психических систем), так и коммуникативными событиями, отраженными, осмысленными, познанными.

Система ценностей человека или отдельных групп населения не является в строгом смысле социальной. Это — *психическая система*, представляющая собой *социальный факт — важнейшую составляющую социальной системы*. Ценностное сознание, будучи психической системой и при этом — социетальной — по отношению к социальной системе, входит в последнюю, определяет её существенные черты и признаки. Поэтому психическую систему ценностей можно и нужно исследовать как социальную систему, но с учетом её «психической» специфики.²

¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Там же. С. 605—606.

² См.: Марченко Т. А., Мосиенко О. С. Феноменологическая трактовка смысла в социологическом исследовании ценностного сознания // Современные направления теоретических и прикладных исследований — 2014: Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 1. Том 17. Одесса, 2014.

Психические системы, как и социальные, являются смысловыми состоящими из таких оперативных единиц, как *коммуникативные события*. Можно возразить, что в ценностных системах функционируют мысли, образы, предрассудки, вера и т.п. Все они возникают и развиваются как коммуникативные события, но несколько иного рода. Как только мы представили систему ценностей как смысловую систему коммуникативных событий, так категория «смысл» попадает в центр взаимодействий и стыковки различных ценностей, их сочетаемости и несочетаемости, устойчивости или стагнации. Это можно обозначить как *систему интеракций*, задающую ориентиры будущего — *специфические структуры ожидания*¹.

Категория «ожидание» схватывает динамичность ценностных образований сознания. В этике, например, исследуется моральное предвосхищение, но чаще оно описывается и фиксируется как самоочевидная потенция морали. С описательно-феноменологической же точки зрения предвосхищение оказывается «многоликим», выступает на разных структурных уровнях ценностного сознания, приобретает различные культурно-исторические модификации. Предвосхищения могут функционировать в сознании в превращенной форме мифа, иллюзии, страха, идеологемы и т.п. Человек обладает традицией и языком, памятью, способностью отрицать и одобрять, фантазировать, страстно желать, презирать, опредмечивать свои замыслы и идеи, предвосхищать события и свое поведение. Можно сказать, что конституирование структуры ожиданий — в природе человека. Без ожиданий каждая ценность в системе ценностей с равной вероятностью могла бы рассматриваться как равная сама себе, как её последующий, или же ближайший, элемент². Такая система ценностей была бы энтропийной, а её динамика — проблематичной.

Однако динамика ценностных систем — факт, не подлежащий сомнению. Системы интеракций, задающие системы ожиданий, вследствие взаимодействия смыслов как коммуникативных единиц представляют собой коммуникативным образом реализованное понимание, осмысление. Предыдущие события также присутствуют в

¹ Н. Луманн различает «когнитивные» и «нормативные» ожидания; У. Оверман ведет речь о так называемых «каузальных структурах», но это лишь терминологические, а не содержательные моменты.

² Пренебрежение интеракцией смыслов и ожиданий приводит к тому, что такие ценности как «общение», «семья», «патриотизм», «работа», «законность», «достоинство», и другие имеют в значительной степени иной смысл, нежели 10, 20, 30 лет тому назад, а в нашей литературе, богатой конкретно-социологическими данными, они содержательно равны самим себе на протяжении десятилетий.

ценностном сознании, коммуникация ретроспективно организует себя. Ретроспектива и актуальность взаимодействуют.

Исследуя социальные системы с позиций объективной герменевтики, Вольфганг Людвиг Шнайдер пишет: «Хотя проявление последующего события (с оговоркой последующей корректировки) является решающим, определяющим через коммуникативно актуализируемый смысл предшествующего ему события, но при этом, с точки зрения соответствия ожиданий смысловым возможностям, уже содержащимся в понятом событии, оно остается структурно тесно связанным с предселектированными возможностями. Одновременно каждое последующее проявление событий привносит свой новый смысл в коммуникацию»¹. Это проявляется в ценностном сознании как процесс коммуникативной пере — иерархизации с модифицированными смыслами, реальность и релевантность которых устанавливаются на уровне эмпирического исследования их устойчивости и повторяемости.

Тогда возникает необходимость *реконструкции* (из добытой фактологии путём интерпретации полученной информации) как духовного образа социального субъекта, так и его целей и мотиваций в социально-культурном контексте, где контекст выполняет унифицирующую роль и дает возможности для социально-типизированной интерпретации.

¹ Schneider W.L. Op. cit. S. 132—133.

ОЧЕРК III

Публичное и приватное в контексте социальности

Многослойный, архисложный процесс социальной жизни в её публичной и приватной ипостасях — творится практически бесконечными во времени индивидуальными усилиями людей. Публичное и приватное, по нашему мнению, не есть «два полюса» социальности, — развитие публичной и приватной сфер взаимосвязано, а если и нуждается в противопоставлении, то только в аналитических целях. Осуществление абсолютных политических ценностей¹ возможно только (если возможно вообще) лишь в единстве публичной и приватной сфер общественной жизни, где осуществляются социальные отношения во всей их полноте, где «публичное и приватное как бы «сливаются» в специфически человеческом бытии»².

Ханна Арентд, известная во всем мире своими исследованиями в области публичной политики, ставит в центр внимания самореализацию человека среди множества других людей. Обосновывая собственную дефиницию политики, она предлагает рассматривать ее как своего рода ядро свободы человека и человечества, находящееся в определенном социальном пространстве. Она пишет о том, что «... политическое ... понимается таким образом, как нечто центрируемое вокруг свободы, причем свобода понимается в негативном плане как отсутствие господства и подчинения господству, а в позитивном

¹ К абсолютным ПЦ относятся: 1. Автономия и достоинство чел века, условием достижения которых становится «степень свободы» равенства и независимости граждан. 2. Благосостояние индивидов и общества, создающее условие для реализации автономии и достоинства человека, условием которой является степень социальной стабильности. 3. Социальная организация и порядок, которые обеспечивают реализацию ранее указанных ценностей и требуют для их достижения эффективного функционирования власти. См.: Макаренко В.П. Политическая социология / Ростов-на-Дону: РГУ, 1993.

² Arendt H. Vita active, oder vom taetigen Leben. S. 34.

плане — как пространство, создаваемое множеством лиц, в котором любой и каждый перемещается среди ему подобных. Без таких других лиц, таких же, как «я», не будет свободы»¹.

По мнению Х. Арендт, осуществление политики возможно лишь в публичном пространстве, обладающем определенным социальным признаком: «... политика не вездесуща, она может осуществляться только в публичном пространстве»². Признавая политическую деятельность людей деятельностью особого рода, она решительно помещает ее в *пространство социального*: «Все виды человеческой деятельности, в том числе и политическая, обусловлены тем фактом, что индивидуумы живут сообща, но только само действие ... никак невозможно представить себе вне человеческого общества»³.

Очевидно, что категория «деятельность» (в немецком языке «Handeln») и у философа Х. Арендт, и у классика социологии М. Вебера, имеет один и тот же целерациональный смысл. Она понимается как разнообразные «... действия через ожидания поведения ... других людей и через использование этого ожидания как условия или как «средства» для рациональных ... в общем результате, целей»⁴.

Иными словами, руководствуясь концепцией рациональности человеческого действия Вебера, Арендт считает публичность *рациональным компонентом социального пространства* или, наоборот, *социальность — детерминантом эффективной публичности*.

Обращаясь к античным политико-философским учениям, Х. Арендт исследует условия возможности осуществления политической деятельности. При этом бывшая выпускница факультета классической филологии Берлинского университета устанавливает, что латинский перевод древнегреческих текстов исказил первоначальный смысл категории «политическое».

Х. Арендт пишет по этому поводу: «... та самая соотнесенность, связывающая действие с совместным проживанием человеческих индивидуумов, в полной мере служит основанием того, что еще на самых ранних этапах развития человеческой цивилизации (у Сенеки) указывается аристотелевское предназначение человека как существа политического, именуемого на латыни как *animal sociale*, достигая четкой формулировки у Фомы Аквинского, сказавшего: *homo est naturaliter politicus, id est, socialis*: «Человек по своей природе есть существо политическое, а это значит, социальное. ... На самом деле все не так, и

¹ Arendt H. Was ist Politik? Muenchen, 1993. S. 39.

² Ibid. S. 41.

³ Arendt H. Vita activa, oder vom taetigen Leben. 2. Aufl. Muenchen; Zuerich, S. 33.

⁴ Weber M. Soziologische Grundbegriffe. 5. Aufl. Tuebingen, 1984 S. 44.

тот сам собой разумеющийся факт, с помощью которого социальное (общественное) заступает на место политического, выдает более чем все остальные теории, насколько утрачены все те исходные древнегреческие взгляды о том, чем собственно является политика. ... Весьма существенным для не совсем правильного перевода явилось то, что слово «социальный» существует только в латинском, но не в греческом языке; ни в греческом языке, ни в греческой мысли полного аналога этому понятию нет»¹.

Х. Арендт считает важным методологическим пунктом исследования публичности установление критериев социального как критериев специфически человеческого бытия.

Мы утверждаем, что в данном положении Арендт содержится понимание того, что социальность как таковая включает в себя особенности социальных связей и взаимодействий в обществе, способ их организации, возможности человеческой самореализации, а следовательно, уровень и качество жизни. Тогда критерии социального, становясь критериями специфического человеческого бытия, обогащают панораму публичной жизни за счет смысловых нагрузок и направлений государственной политики.

Публичное и приватное как бы «сливаются» в специфически человеческом бытии. Например, денежный доход в семье — дело сугубо приватное, однако является следствием политико-экономических трансформаций, хозяйственно-экономической деятельности государства. Или связан ли рост преступности, несовершенство работы правоохранительных органов с количеством денежных доходов на душу населения, вызывают ли беспокойство в общественной, публичной сфере или преступность «входит» в приватную жизнь граждан? Способно ли разделение страны на богатые и бедные регионы интегрировать население или разобщить людей, снизить или усилить их недоверие к власти вообще? Тот факт, что в России публично не обсуждаются вопросы, связанные с формированием программы борьбы с бедностью, с проблемой справедливой оплаты труда, — относятся к приватной или публичной жизни общества? Такой же вопрос можно поставить, например, по факту доступности медицинской помощи, которая считается неотъемлемым компонентом права каждого гражданина РФ на здоровье,² но закон не гарантирует доступность медицинской помощи. Причем тенденции такой дифференциации углубляются: «... в бедных регионах реальные доходы на душу населения продолжают снижаться, а в ряде регионов, пожинающих плоды своего обладания

¹ Arendt X. Vita active, oder vom taetigen Leben. S. 34.

² См.: Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан» Ф3 № 5487—1 от 22.07.1993.

природной рентой, средний реальный доход на душу населения растет. В условиях неравного обладания природными и экономическими ресурсами последние могут выступать своеобразной «валютой», которая позволяет её выгодно (или невыгодно) конвертировать в определённые политические позиции, в определённый эквивалент политического «торга» с Центром»¹.

Проблема денежных доходов населения, их источников — также представляет собой проблему, охватывающую как публичную сферу общества, так и приватную жизнь людей. Не менее важны проблемы духовного плана, связанные с функционированием публичного пространства. Какие качества и свойства вызывает к жизни то или иное пространство СМИ, почему стало популярным, вошедшим в обиход выражение «пипл схавает»? Почему во — многих, весьма неглупых головах складывается мнение о нежелании людей себя развивать, об их неспособности адекватно воспринимать как приватную, так и публичную жизнь? Но, как говорится, этому невозможно научить, да и не нужно. Дело в другом. Х. Арендт писала, что научиться можно только привычкам и обычаям, и с пугающей скоростью их забывают и перестают им следовать, если только новые обстоятельства требуют перемен в манерах и схемах поведения. А перемены поведения — всегда ещё и этические вопросы, значит — вопросы добра и зла. Поэтому «обычно мы обращаемся к вопросам добра и зла в курсе морали или этики поскольку мораль происходит от *mores*, а этика — от *ethos*, латинский и греческий термины для обозначения обычаев и привычек, притом что латинское слово ассоциируется с правилами поведения, тогда как греческое происходит от среды обитания (*habitat*), как и наши привычки (*habits*). Отсутствие мысли, с которым столкнулась я, проистекает не от забвения прежних, предположительно хороших, манер и привычек и не от тупости в смысле неспособности понять — ни даже в смысле морального безумия, поскольку такое совершенно очевидно происходило в случаях, не имевших ничего общего с так называемыми этическими решениями или вопросами совести».²

Но способность к мышлению не является одним из условий не делания зла, а представления о добре и зле формируются у людей (как объектов по отношению к внешнему), в процессе восприятия жизни, причём жизни «на миру», в единстве публичного и приватного ракурсов, где «явление и есть бытие». «Не Человек, но люди населяют эту

¹ Никовская Л. И. Экспертиза и мониторинг социально-политической конфликтности в Нижегородском регионе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 20. С. 155.

² Арендт Х. Жизнь ума. / Перевод с английского АВ. Говорунова СПб.: Наука, 2013. С. 13.

планету. Множественность — закон земли. Коль скоро чувствующие существа — люди и животные, которым вещи являются и которые как реципиенты удостоверяют их реальность, — сами также оказываются явлениями, подразумевающими и способными видеть и быть увиденными, слышать и быть услышанными, осязать и быть осязаемыми, они никогда не просто субъекты и никогда не могут быть поняты как таковые; они в не меньшей степени объективны, чем камень или мост. Мировость живых вещей означает, что нет такого субъекта, который не был бы также объектом и не являлся бы как таковой кому-то иному, кто удостоверял бы его объективную реальность».¹

Относительность деления общественной жизни на публичную и приватную не отменяет того факта, что это две различные сферы общественной жизни, но с *многофакторными пересечениями и взаимовлияниями*. Читавшая на языке оригинала и греческих, и римских авторов, Арендт также была близка к мысли о «пересечении» публичного и приватного в социальном.

По поводу понимания критериев социального она полемизирует с античными авторами, отмечая, что социальность для древнегреческих философов не являлась родовым признаком человека. Вот что пишет Х. Арендт: «Естественно, Платону и Аристотелю было известно, что человек не может жить вне человеческого общества, но как раз-таки именно это не рассматривалось ими как некая специфика человечества; спецификой считали то, что делает схожей жизнь человека как человеческого индивидуума с жизнью человека как представителя царства животных и что, вследствие этого, ни при каких обстоятельствах нельзя было причислить к специфическим основополагающим условиям человеческого начала»². Она дифференцирует социальную принадлежность человека на частную и публичную. Среди признаков человеческого Х. Арендт выделяет у древнегреческих авторов два основных, как бы противоположных друг другу признака: *частную человеческую принадлежность к семье и домашнему очагу и публичную человеческую принадлежность к коллективному образу жизни в полисе*. Она полагает, что частное и публичное тесно взаимосвязаны.

Приведем обширную, но весьма важную, на наш взгляд, цитату: «В соответствии с греческим менталитетом человеческую способность к политическим организациям невозможно отделить от естественного совместного проживания, центром которого является дом или очаг ... и семья; эта способность стоит даже как своего рода выраженная оп-

¹ Арендт Х. Жизнь ума. / Перевод с английского АВ. Говорунова СПб.: Наука, 2013. С. 26.

² Arendt X. Op. cit. S. 34.

позиция по отношению к ним. Возникновение полиса приводит нас к рамкам греческого понимания того, что такое политика. И следствием этого является то, что любой человек, помимо своей частной жизни, получил еще второй вид человеческой жизни — свой хиос политикос (в оригинале по-греч. — А. Б.). Каждый гражданин оказался тем самым вовлечен в две разные ипостаси, в два уровня деятельности разного порядка. И жизнь такого гражданина отличалась, прежде всего, тем, что она была достаточно чётко поделена на две части: на ту, что он называл своей частной (личной) жизнью, и на ту, где имелось некое объединяющее начало — общественную жизнь ...»¹, причем вторая оказывала сильнейшее влияние на характер приватной жизни.

Х. Арендт пишет, что во времена Аристотеля и Платона политических видов деятельности было немного: «... тогда только два вида деятельности считались ... чисто политическими, а именно: действие, направленное на изменение мира, и ораторское искусство»². Как и древнеримские политические философы, Х. Арендт считает ораторское искусство античных общественных деятелей неотъемлемой частью публичной политики. Потому что «... не только все направленные политические действия, если только они не обслуживали средства насилия, реализовались в речах ораторов, но и также в элементарном смысле — найденное вовремя нужное слово, даже невзирая на его информационно-коммуникационное содержание, для других людей уже могло явиться целенаправленным действием»³.

Х. Арендт указывает на то, что современное понятие политическое гораздо шире, нежели у древних греков. И это усложняет понимание различия и взаимосвязи между сферой частного и публичного в античности: «Несмотря на то, что заблуждение относительно эквивалентности политического и социального старо так же, как и перевод этих греческих понятий на латынь... современность, внедрившая новое понятие общества, внесла свою лепту в усложнение этих понятий. Простое различие между частным и публичным воплощается ныне в сфере домохозяйства, с одной стороны, и сфере политического, с другой стороны. И обе эти сферы, будучи совершенно разными отдельно взятыми единствами, продолжают существование с момента появления античного города-государства»⁴. А мы иногда в достаточно серьезных книгах читаем, что публичной политики раньше не было, что русскому менталитету чуждо понятие публичности, так как вызывает определенные ассоциации, и пр.

¹ Arendt X. Op. cit. S. 54.

² Ibid. S. 35.

³ Arendt X. Op. cit. S. 36.

⁴ Ibid. S. 37.

Прежде чем дать определения частной и публичной жизни, Х. Арендт исследует их признаки и различия. Она объясняет трудность этого научного поиска ограниченностью современных узкодисциплинарных научных подходов: «Чтобы вообще суметь отделить расхождения между публичным и частным, между пространством полиса и сферой домохозяйства и семьи, наконец, между видами деятельности, предназначенными для поддержания жизни, и такими видами деятельности, которые направлены на общие цели, нельзя забывать, что *эти расхождения и различия формируют естественное аксиоматическое основание всего политического мышления античности в целом (курсив наш, — А. Б.)*. Для нас является само собой разумеющимся фактом то, что эти вещи невозможно точно отделить друг от друга, потому что мы с начала отсчета нового времени под семьей понимаем тот корпус народа и ту политически совместную сущность, делами которой вершит некий аппарат домохозяйства, приобретший гигантские размеры. Научное мышление, отвечающее требованиям такого развития, уже больше не называется «политическая наука», а получило новое имя «национальная экономика» или «народное хозяйство»... и все эти выражения действительно указывают на то, что мы действительно имеем дело с неким видом «коллективного домохозяйства»... Все, что было тогда «экономическим», а именно: то, что относилось к безыскусной непритязательной жизни одиночки, и все, что требовалось для выживания рода, все это идентифицировалось тогда как неполитическое»¹. Но, как показывают приведенные нами конкретные фактологические данные, в настоящее время «национальная экономика» и «непритязательная жизнь семьи» взаимосвязаны и реализуются в социальном пространстве. Для и следования публичного и частного мысли Х. Арендт чрезвычайно важны, тем, что сделали публичную политику предметом специального углубленного исследования.

Для обозначения выделенных ею публичного и частного образов жизни граждан в античности она употребляет слово «пространство». В соответствии с ее концепцией двух пространств существования античного человека, житель античного города мог существовать то ли в одном, то ли попеременно в обоих пространствах. Они отличались друг от друга степенью реализации его прав как свободного человека, при этом *домашняя жизнь предоставляла индивидууму гораздо меньше свободы, чем публичная*.

Вот что она пишет Х. Арендт по этому поводу: «Полис отличался от сферы домохозяйства тем, что только в его пределах царил равноправие, в то время как порядки домохозяйства были основаны на неравенстве прав. Быть свободным обозначало то же самое, что и не

¹ Arendt X. Op. cit. S. 57.

отдавать приказы... Быть свободным, не означало ни господства, ни порабощения господином. Поэтому в сфере домохозяйства свободы быть не могло, несвободным был и глава домохозяйства, который, однако, становился свободным, как только покидал свой дом и перемещался в политическое пространство, где он становился равным среди равных»¹. Только политическое пространство, отождествляемое Х.Арендт с полисом, гарантировало гражданину освобождение от подчинения и господства, обеспечивало ему равенство среди равных, т.е. всё то, что она определяет как *свободу личности*.

Х.Арендт пишет: «Равенство, которое в наше время стало требованием справедливости, во времена античности являлось обратной стороной сущности свободы. Быть свободным, обозначало свободу от всех уз неравенства, связанных с порабощением, перемещение в том пространстве, где нет ни господ, ни порабощенных»². Почему-то практически не встречается в современных исследованиях трактовка свободы как свободы от всех оков неравенства, может быть мир научился быть свободным и с этими оковами?

Отметим, что этимологический анализ вскрывает в слове «свобода» сложный комплекс отношений, которые охватывают как публичную, так и частную сферы. Например, если взять слово “Liber”, то оно и является прилагательным — «свободный», и представляет имя божества. Имеется ещё и “Liberi” — дети. Глагольный корень в готском и индоиранском языках даёт — «расти, развиваться»³. Как пишет Эмиль Бенвенист, сопоставление и анализ лексических семейств, относящихся к «свободе», «вскрывают в них первоначальное единство и обнаруживают общественное происхождение категорий «сам», «свой» и «среди своих»⁴. Как видим, и здесь — переплетение публичного и личного, частного смыслов.

Автор «Активной жизни» утверждает, что *благодаря политической публичности образуется общественное пространство*: «Пространство общественного возникло тогда, когда благодаря публичной политической сфере внутренний компонент домохозяйства с присущими ему видами деятельности, заботами и организационными формами вышел из полного мрака на свет божий»⁵.

Ханна Арендт выражает взгляд, согласно которому личность могла более полно раскрыть себя только в публичном пространстве. Она выявляет такую особенность публичности в античном обществе, как

¹ Arendt X. Op. cit. S. 43.

² Ibid.

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. М., 2002. С. 354—356.

⁴ Там же. С. 364.

⁵ Arendt X. Vita active, oder vom taetigen Leben. S. 48.

противопоставленность приватной сфере, причем это противопоставление по мере развития обществ меняет свой характер.

Арендт пишет, что «... для античности решающим был тот факт, что все частное является только частным, и, находясь в сфере частного, — судя уже только по одному слову «частное» — люди жили в состоянии недополучения или лишения чего-то важного», и продолжает развивать мысль о причинах такого «недополучения»: «... в сфере частного он недополучает или лишен наивысших человеческих возможностей и наивысшего проявления человеческих способностей. Тот, кто больше ничего не знал, кроме частной стороны жизни, тот, кто, подобно рабам, не имел доступа к публичности или у которого, как у варваров, публичность не была оформлена и закреплена институционально, не был, собственно, человеком как таковым»¹.

Этим важнейшим условием существования человека Х. Арендт считает публичность, которую человек, будучи только дома, недополучает и без которой не только чувствует себя ущербным, но и становится им.

Неразвитость публичной сферы неизбежно ведет к духовному и материальному оскудению сферы приватной потому что закрывает для человека возможности к развитию способностей, самореализации, совершенству. Х. Арендт пишет: «Совершенство, греческое ... римское *virtus* всегда находили себе место в области публичного, где можно было превзойти других и от них отличиться. Все совершаемое публично может поэтому достичь совершенства, никогда не присущего никакой деятельности внутри приватного: превосходство характеризуется тем, что другие тут же налицо, и их присутствие требует специально для этой цели конституированного пространства, наряду с некой пространственно обставленной, создающей дистанцию формальностью; семейственно свойское окружение людей, принадлежащих к нашим, не только никогда не смогло бы убедительно подтвердить превосходство, но оказалось бы прямо-таки подорвано стремлением выделиться из всех»².

Таким образом, из изложения концепции свободного человека в античности у Х. Арендт вытекает важный методологический принцип исследования. Он содержится в её дефиниции публичности *как формы более полного раскрытия человеческих способностей и возможностей, как важнейшего условия существования человека, как детерминанта политической жизни, как формы общественной жизни, являющейся и условием существования частной сферы и противопоставленной ей.*

¹ Arendt X. Op. cit.

² Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. И англ. В. В. Библихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. С. 64.

Социокультурный анализ публичности позволяет Х. Арендт раскрыть роль публичной жизни:

- при описании взаимовлияния функционирования общества, направленности и способов организации взаимодействий людей;

- при обосновании ею зависимости темпов и направлений развития общества, главным образом, от принципов организации его публичной деятельности.

Х. Арендт пишет, о мере развития обществ, характер взаимосвязи публичного и частного меняется. С того времени, когда хозяйственные вопросы становятся прерогативой государственной политики, единство человеческого рода скрепляется масштабной экономико-хозяйственной сферой, а основная масса людей видят в своей работе, в целом, средство существования, сюжеты частной жизни стали захватывать публичное пространство. Вот что она пишет: «Поскольку это единство человеческого рода не продукт воображения и оно значительно больше чем лишь научная гипотеза, «коммунистическая фикция» классической политэкономии, массовое общество, вполне эмансипировавшее человека как социальное животное и таким путем вроде бы взявшееся гарантировать выживание человеческого рода в глобальном масштабе, вместе с тем грозит уничтожить человечность, собственное человеческое бытие человека; похоже на то, как если бы именно человеческий род был способен подвести человечество к «отмиранию»¹. Под собственно человеческим бытием, как отмечалось выше, понимаются открытые для человека возможности развивать свои способности, самореализовываться, быть свободным, что невозможно вне публичного пространства. Поэтому публичное пространство должно быть организовано и заполнено должным образом.

Х. Арендт пишет: «Социум есть та форма совместной жизни, где зависимость человека от ему подобных ради самой жизни и ничего другого достигает публичной значимости и где вследствие этого виды деятельности, служащие единственно поддержанию жизни, не только выступают на открытой публичной сцене, но и смеют определять собою лицо публичного пространства. Далеко не все равно, осуществляется ли та или иная деятельность privately или публично. Характер публичного пространства явно меняется смотря по тому, какой деятельностью оно заполнено, но и сама деятельность тоже изменяет свое существо смотря по тому, занимаются ли ею privately или публично, причем в весьма высокой степени».²

¹ Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. И англ. В. В. Библихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. С. 61.

² Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. И англ. В. В. Библихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. С. 62.

Является ли на самом деле публичная деятельность в обществе единственной движущей силой его изменения? Х. Арендт не решаетеся дать однозначный ответ на этот вопрос.

Х. Арендт связывает эффективность труда со степенью его выхода в публичные сферы. Она подчеркивает роль публичности при общественной репрезентации, увеличивающейся по мере улучшения организации и орудий труда, его производительности: «Рост производительности труда начался не с изобретения машин, а был связан с организацией труда, а именно с его разделением, которое, как известно, предвляло начало промышленной революции, и механизацией его процесса, которая последовала за разделением труда и позволила еще более увеличить его производительность, также основанную в конце концов именно на принципе разделения труда. Но этот принцип становится очевидным отнюдь не в частной сфере, а в сфере публичной, разделение труда и следующий за этим рост его производительности — это то самое развитие, которое труд смог проделать только в условиях публичности и которое он никогда бы не смог проделать, оставаясь в рамках частной сферы»¹.

Доказав важность категории публичности для выведения новой концепции политического пространства, Х. Арендт оказывается перед необходимостью еще более углубленного поиска критериев своей базовой категории. С этой целью она обращается к этимологии слова «публичный» в немецком языке: «Слово «публичный» (oeffentlich) означает два феномена, тесно связанных друг с другом, но ни в коем случае не идентичных друг другу:

- во-первых, оно означает то, что является перед всеми, то, что каждый может увидеть и услышать;

- во-вторых, то, благодаря чему каждому обеспечивается максимально возможная открытость и публичность»².

Итак, *публичное* — это то, что каждый может услышать, а также проявление открытости, публичности для каждого.

Частная жизнь человека, по Х. Арендт — такая же часть нашей реальности, как публичная. В целях уточнения признаков последней философ прибегает к анализу сферы приватной жизни. *Частное*, по мнению ученого, является убежищем, а подчас и уходом от публичного, подчиняющегося законам естественной необходимости, в то время как *публичное* представляет собой область, *внутри которой только и может целиком проявиться человеческая свобода*.

При этом выясняется, о чем упоминалось выше, что человек, ведущий лишь частную жизнь, лишен возможности не только совершать

¹ Arendt X. Op. cit. S. 60.

² Ibid. S. 62.

социально значимые действия, но и выразить свои индивидуальные потребности и, следовательно, заявить себе подобным о своем существовании.

Критика традиционного различия публичного и частного играет важную роль и в феминистской философии. Именно на концепцию противопоставления публичной и частной сфер жизни Х. Аренд опирается Дж. Б. Эльстан, утверждая, что борьба за равноправие женщин ставит во главу угла их допущение в область публичной политики¹.

Возвращаясь к определению публичного Х. Арендт, следует отметить, что она распространяет его на весь социальный мир, отказываясь в конце концов от проведения четкой границы между его сферами публичного и частного, так как и в той, и в другой сферах попадающие в них вещи в том числе политика, приобретают действительность.

Как и Г. В. Ф. Гегель, Х. Арендт находит функциональные признаки публичного пространства. По ее мнению, оно служит сплочению человеческой общности и гарантом осуществления в ней прав личности.

Выявив, таким образом, признаки публичного, философ производит переоценку дефиниции «политического». Согласно ее определению, *публичное пространство тождественно политическому*. Для определения политической публичности, по мнению Х. Арендт, недостаточно юридических дефиниций, т. к. в современной жизни публичность испытывает весьма сильное влияние социальных и экономических факторов. Политическое понимается ею как «... *публичное пространство, как пространство, создаваемое множеством лиц в интересах множества лиц, пространство, в котором только и возможна свобода*»².

Этот тезис Х. Арендт берет на вооружение современная исследовательница публичности Э. Ноелле-Нойман, идеи которой привлекались в этой работе. Ноелле-Нойман понимает публичность в ключе Арендт, но вместе с тем трактует ее содержание в несколько более узком диапазоне и масштабе: как презентацию субъектов политических действий и инициатив. Она полагает, что «... с точки зрения социальной психологии, публичность — это такое состояние, при котором каждый в отдельности виден всем остальным. И все остальные могут на основе этого формировать о нем свое мнение. Это состояние, в котором на карту ставятся репутация человека и симпатии к нему; публичность следует рассматривать как своего рода трибунал. В публичном дискурсе отдельная личность не самоизолируется, не теряет

¹ См.: Elshstan J. B. *Publik Man — Private woman*. Princeton, 1991. P. 9.

² Arendt H. *Was ist Politik?* S. 39.

свое лицо».¹ Отметим, что с её «легкой руки» Х. Арендт категория «пространство» прочно вошла в лексику социологов и политологов. Благодаря ее содержательному измерению она и сегодня употребляется в значении, описанном в «Активной жизни»: в качестве обозначения «... пределов действия политического влияния, зоны распространения власти, доверия лидеру, авторитета политического учреждения»².

Л. Хельшер развивает концепцию Х. Арендт об отождествлении политического пространства с публичным и «переносит» его на гражданское общество, выделяя в феномене современного публичного пространства «... три уровня публичности — правовой, политический, коммуникационно-теоретический, социально-психологический»³.

Очевидно, что основой исследования современными обществоведами отдельных аспектов частной и публичной жизни служат теоретические работы Х. Арендт. Преимущества ее метода исследования публичности заключаются в его ярко проявляющейся воспитательно-гуманитарной функции, культивирующей гуманистические ценности и идеалы, способствующей адаптации человека к окружающему миру и поиску смысла жизни.

¹ Noelle-Neuman E. Die Schweigespirale. Frankfurt a / M, 1982. S. 9.

² Политическое пространство // Политология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993. С. 31.

³ Hoelscher L. Oeffentlichkeit und Geheimnis. Stuttgart, 1979. S. 39.

ОЧЕРК IV

Феномен публичности в античном обществе и античной мысли

Греческие мыслители V в. до н. э. — Эврипид, Эмпедокл, Демокрит, Геродот и другие были сторонниками демократии. Так «Эврипид равно отвергал монархию и власть богатого меньшинства — олигархию. Демокрит заявлял, что бедность в демократическом государстве лучше благоденствия при дворе царя. Свобода (*isonomia*) и равенство (*isogoria*) восхвалялись Геродотом. Протагор разработал теоретическое обоснование демократии и написал проект демократической конституции для афинской колонии Фурий. Для обладания политическими правами эти теоретики и сторонники демократии не признавали никакого ценза, кроме общественных доблестей: справедливости (*dice*) и добросовестности (*aid6s*). Кто обладает ими, тот вполне способен участвовать в обсуждении общественных и политических дел».¹

Развитие публичного пространства эпохи античности связано с формированием полиса, которому предшествовало ослабление и разрушение союзов, основанных на природно-естественных началах. Нужно отметить, что слов «публичность» «публика» в древнегреческом языке тогда не существовало. Вместо них древнегреческие авторы употребляют слова «народовластие» и «народ» («демократия» и «демос»).

Х. Арендт пишет, что в условиях полиса каждый гражданин принадлежал двум порядкам существования — тому порядку, который считался «своим, собственным» и тому — что считалось общим. «Не прихотливое мнение или теория Аристотеля, но исторический факт то, что основании полиса предшествовало уничтожение всех союзов, опиравшихся, ... на природно-естественное начало, т.е. на семью и кровное родство»² Следует добавить — каждый полноправный

1 Асмус В. Ф. Платон. М., «Мысль», 1969. С. 136—137.

2 Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. И англ. В. В. Библихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000 С 34.

гражданин. Потому что демократия в эпоху античности — это власть не народа, не этноса, не населения, а власть полноправных граждан, поэтому не каждый принадлежал к демосу. Не обладали полными правами рабы (бесправные), вольноотпущенники и варвары инородцы не имели политических прав и были ущемлены в гражданских. Свободнорожденные женщины владели и наследовали имущества, то есть реализовывали свои гражданские права, но были лишены политических прав.

Поэтому говоря об античной эпохе в ракурсе публичной сферы в условиях демократии, нельзя забывать, что древние к народу (демосу) относили не всех, а только полноправных граждан. К демосу не относился также слой свободнорожденных эллинов — метеков, которым становился любой полноправный в рамках своего полиса, гражданин, который проживал не в своем полисе. Если полис разрастался, то греки образовывали новые колонии, где, например свободнорожденный метек (переселенец, изгнанник) сразу становился гражданином и приобретал полные гражданские права. В Риме, пройдя добровольно продолжительную и тяжелую службу, в отставку уходили гражданами.

В. Л. Махнач пишет: «Признание «своим» у всех разумных народов требовало службы обществу и благонадежности ... в середине V века при Перикле демократия охватила все 30 000 свободных афинян, и было даже запрещено упоминать, что у кого-то предки были фетами. И в Риме плебеи добились полноты гражданских прав, и в средневековых городах цеховые мастера, как правило, добивались равенства со старым торговым патрициатом. И так далее ко всеобщему равенству и светлomu будущему? Не тут-то было! Чем больше прав для своих, тем меньше для пришлых! При том же Перикле гражданином признавался только сын афинского гражданина и афинской гражданки... А признание прав человека, то есть прав варвара, иммигранта, бомжа, врага вашего демоса, наконец, — есть попрание прав и каждого гражданина, и всего общества, демоса, и следовательно, это норма предельно антидемократическая».¹

Греки в условиях полиса много времени проводили в публичном пространстве «в политике», где слово и дело были равны по значимости, а «убеждение, что эти две человеческих способности теснейшим образом взаимосвязаны и что они представляют собой высшие дары человека, похоже, древнее эпохи основания полиса и уже у Гомера считается чем-то само собой разумеющимся».² У эллинов, по-видимому в большей мере, нежели у греков, публичная жизнь была обязательной.

¹ Махнач В. Л. Демос и его кратия. Интернет ресурс: [http:// www.russ.ru](http://www.russ.ru).

² Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. И англ. В. В. Библихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000 С. 35

Так, «образцовый эллин должен был быть исправным полисным гражданином. Т.е. он должен был быть политиком (само слово происходит от слова “полис”), принимать живейшее участие в жизни полиса, ходить на агору (место народных собраний) и, даже если ничего не голосовалось, обсуждать интересы полиса. Эллины все свободное время проводили на агоре, видясь с женами редко, и, тем не менее, обязаны были рождать других полисных граждан (не имея ребенка, эллин не мог приобрести политических прав)».¹

Говорение и действие считались равнозначимыми, изначальными и равновесными. Х. Арендт замечает, что когда политическое действие не использует средства насилия, оно осуществляется через речь, причем речь свободную, когда «именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие». И далее: «Глухо только насилие, и уже по этой причине голое насилие никогда не может претендовать на величие. Даже когда в позднейшую эпоху военное и риторическое искусства тоже выходят на передний план собственно политического воспитания, само по себе это их соседство все еще обусловлено тем ранним, как бы дополитическим опытом».²

Но постепенно говорение и действие теряют свою равновесность в жизни полиса, акценты смещаются на говорение, как эффективное средство убедить, уговорить, не применяя насилия. «Принуждать других силой, приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось у греков как бы дополитическим способом межчеловеческого обхождения, привычным в жизни вне полиса, скажем в обращении с домочадцами, в семейственности, где глава семьи осуществлял деспотическую власть, а также в варварских государствах Азии, чью деспотическую форму правления часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи».³

Одним из первых проявлений публичного образа жизни населения древнегреческих городов-государств описал Аристотель. Основные проявления афинской политической жизни, по нашему мнению, представляет собой практическую основу всей древнегреческой политической философии, впервые предпринявшей попытку анализа публичности в политике.

Слова «республика» и «публика» представляют собой их *латинский* перевод, появившийся спустя столетия в Древнем Риме. Во вре-

¹ Махнач В.Л. Очерки истории мировых культур. Часть 1. Культуры древности. М., 1999. С.

² Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. И англ. В. В. Библихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. С. 37.

³ Там же.

мена же Аристотеля представительско-совещательный принцип политического управления типа афинского назывался «демократия», что позволяет нам в значительной степени отождествлять демократию афинского типа с принципами одной из первых исторических форм публичной политики.

Афинская демократия не распространялась на значительную часть афинского населения: рабов, женщин, иностранцев, т.е., выражаясь современным языком, публичность греческого полиса была ограниченной. Изучая политико-философские труды Аристотеля, апологета господствовавшего в современных ему Афинах общественно-политического строя, нужно иметь в виду мнение К. Поппера о том, что он «... не был другом демократии, он принимал ее как неизбежное зло»¹.

Аристотель полагал, что общество не должно быть гомогенным, так возникнет угроза государству, ведь, по мнению Аристотеля «государство при постоянно усиливающемся единстве перестает быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек — нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство».²

Тем не менее Аристотель признает, что принцип открытого, широкого участия народных масс в управлении государством, получивший у афинян определение «демократия» уже тогда упрочился в их общественной жизни, потому что степень участия афинского населения в государственных делах через воинскую службу или участие в выборных органах значительно выросла по сравнению с прошлым.

В эпоху античности участие людей в управлении государством основывалось на общественных началах, в противовес, например, индустриальной эпохе, когда усилилось и институционализировалось явление специализации образованных профессиональных (освобожденных) специалистов по управлению.³ Но и в древности, и в настоящее время целью коллективного управления является служение интересам различных социальных групп. Мансур Олсон в «Логике коллективных действий» пишет: «Целью почти для всех типов организаций является поддержание или продвижение интере-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер с англ. М., 1992. Т. 2. С. 8.

² Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 405.

³ См: Andersen U. Gemeinde / Kommunale Selbstverwaltung. // Andersen U., Woyke R. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. 5. Auflage, Opladen: Leske+Budrich, 2003. — S.190—199.

сов своих членов. Это очевидно, по крайней мере, с экономической точки зрения. Однако возможно существование организаций, которые могут игнорировать необходимость содействия интересам своих участников; некоторые организации могут служить интересам только высшего руководства. Но обычно организации гибнут, если не действуют в интересах своих членов; этот фактор должен значительно ограничивать число организаций, которые плохо служат интересам своих участников. Данный постулат (что организации или ассоциации существует для продвижения интересов своих членов) отнюдь не нов и не специфичен не только для экономической науки, о нем упоминал еще Аристотель»¹.

Другой философ античности, Платон, задолго до Аристотеля указывал на управление Афинским государством посредством *народного собрания*. В своих «Законах» Платон обозначил демократический принцип правления страной. От имени Афинянина демократический принцип оценивается как «правильное устройство» государства. Читаем это у Платона: «Государство должно управляться «божественным собранием» ...Об этом нет спора между нынешними законодателями ...Пусть члены этого собрания будут у нас тщательно подобраны и надлежащим образом воспитаны, они поселятся на акрополе, возвышающемся над всей страной, и будут совершенными стражами по охране добродетели»². В другом сохранившемся труде, приводя типологию современных известных ему государств, Платон берет за основу различий государственного устройства *степень участия населения в государственном управлении* (через насилие над ними или его добрую волю, через принцип его налогообложения, через соблюдение его законных прав).

Вот что он пишет: «Если принять во внимание имеющиеся в этих... видах государственного устройства насилие и добрую волю, бедность и богатство, законность и беззаконие, то... монархия будет носить два имени — тирании и царской власти, а государство, управляемое немногими, будет носить название аристократии и олигархии... Что касается демократии, то правит ли большинство теми, кто обладает имуществом, насильственно или согласно с доброй воли последних, точно ли оно соблюдает законы или же нет, то никто ей... не даст другого имени»³.

Несмотря на то, что Платон и Аристотель имеют разные точки зрения на принцип народовластия, они оба признают его как реаль-

¹ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теории групп. Пер. с англ. Е. Окорочко. Под ред. Ю. Парамонова. М., 1995. С. 4.

² Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 716.

³ Платон. Государство. Законы. Политик. С. 756—757.

но существовавший в Афинах своего времени. В. Ф. Асмус, исследуя данную эпоху, писал о том, что каждый афинянин мог быть избран во власть, «проходило время, и само дело показывало, способен или неспособен избранный выполнять свои обязанности. Особенное впечатление производили удачи или неудачи стратегов, полководцев или адмиралов (навархов), а также дипломатов. В случае неудачи провинившихся отзывали в Афины, требовали отчета, привлекали к ответственности — вплоть до суда, облеченного правом суровой кары, включая смертную казнь. При этом настроения державного демоса менялись самым поразительным образом. Никакие заслуги в прошлом, никакие победы, равносильные спасению отечества, как, например, заслуги победителей персов, не могли спасти от падения, а порой и от гибели героев, которых еще накануне славил нация».¹

У Платона мы встречаем рассуждения о том, что олигархия переходит в демократию по причине ненасытной погони олигархов за предполагаемым богатством, по причине «распушенности молодых людей», и многого другого, что является поправлением замыслов и основных идей создания государства. У Платона читаем: «Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию. ...Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства — в играх и в своих занятиях — он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе. — Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных».² И описывает, какие качества и свойства будут вызваны к жизни у отдельной личности воздействием социальной системы.

До наших дней сохранился еще один, дополняющий наше представление о принципах общественно-политической жизни Афинского государства V в. до н.э., важный письменный источник. Это — законы Афинского государства. Вплоть до 462—461 гг. афинская конституция

¹ Асмус В. Ф. Платон. М., «Мысль», 1969. С. 138.

² Платон. Государство.

имела, по мнению ряда ее исследователей¹, ярко выраженные аристократические черты. Совет старейшин (ареопат) выполнял важнейшие государственные функции. В совет пятисот, готовивший законопроекты Афинского города-государства, входили представители исключительно высших слоев населения. Правителям Афин Аристотель адресует свой совет постоянно расширять, выражаясь современным языком, социальную базу государственного управления.

Чтобы «предупредить в олигархиях и демократиях изменение строя»², философ предлагает гражданам Афин меры по углублению ее политической публичности, а именно «... постоянно привлекать противоположные части населения к тем или иным государственным занятиям или должностям (... порядочных и народную массу, состоятельных и неимущих)³.

В. Реезе-Шефер считает, что в конституции Афинского государства афинская публичная политика впервые принимает институциональные формы⁴.

Одной из характерных институционализированных форм публичной политики древнегреческого государства *являлось народное собрание — экклесия*. Оно принимало важнейшие государственные решения простым большинством голосов. Экклесия собиралась, по меньшей мере, 40 раз в год. Правом участия в народном собрании обладали лишь лица мужского пола старше 20 лет. В Афинах и Аттике тогда насчитывалось таковых более 40 000 человек. Реально в народных собраниях того времени принимали участие от 5000 до 6000 афинских граждан⁵. Для принятия менее важных решений народным собранием достаточно было присутствия на нем 600 граждан. Местом проведения собраний афинских граждан служил пологий склон афинского холма Пникс, у подножия которого афинские политики имели возможность публично демонстрировать силу и красоту своего красноречия⁶.

¹ См. соч. Платона, Аристотеля, а также: Немировский А. И. История Древнего мира. М., 2000. Ч. 1: Античность; Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья / Под ред. А. П. Бородавкина. Барнаул, 1988; Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития / Под ред. Е. С. Чемоданова. Л., 1986; Свенцицкая И. С. Античная гражданская община. М., 1996; Проблемы античной государственности / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1982, Античное общество и государство / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1988.

² Аристотель. Указ. соч. С. 546.

³ Там же. С. 547.

⁴ Reese-Schaefer W. Antike politische Philosophie. Hamburg, 2002. S. 22.

⁵ Reese-Schaefer W. Op. cit. S. 30.

⁶ См.: Античная гражданская община / Под ред. Е. С. Чемоданова. С. 76.

Принципы политического правления в Афинах (закрепленные в первом письменном своде законов от 508 г. до н.э.) дополняют наше представление о публичной политике древних греков, встречающееся у античных авторов. Так, процедура проведения публичного собрания подчинялась строгой системе. В течение года следовало проводить не менее 10 собраний афинских граждан. Первое по счету собрание в году намечало так называемый *план работы народных представителей* на предстоящий год. Путем голосования собрание назначало ответственных за выполнение определенных государственных функций, а также отстраняло от их исполнения афинских граждан, не справившихся со своими обязанностями¹.

Важнейшими вопросами политики Афинского государства, выносимыми на городское собрание, были *государственная безопасность и обеспечение города продовольствием*. Кроме того, в день проведения народного собрания жителям Афин разрешалось обращаться к нему с любой *жалобой политического характера*, имеющей общественное значение. На втором по счету собрании в году любой гражданин Афин имел право подавать в его адрес любую жалобу как политического, так и частного характера. Последующие в том же календарном году собрания граждан Афин посвящались «прочим делам». По свидетельству Аристотеля, на каждом из них подвергались рассмотрению вопросы культа, внешней и внутренней политики².

Власть народного собрания была неограниченной. Оно избирало военачальников, решало вопросы войны и мира, размещения войск, финансирования государства, видов на урожай и его сохранения и т.д. Разнообразие тем повестки дня подобных собраний обуславливало их тщательную организацию и волевое регулирование дискуссий со стороны организаторов собраний. Совет пятисот собирался почти ежедневно для обсуждения вопросов предстоящего собрания³.

Во избежание превращения постоянного руководящего органа собрания в орган давления на него, граждане Афин предусмотрели особый механизм. Прямые выборы в совет пятисот они сочли несправедливыми, так как в таком случае в высший орган управления народным собранием граждан их города попали бы самые достойные, известные, положительно проявившие себя в общественной жизни граждане — аристократы.

Но достойные и известные — это не представительная демократия в буквальном смысле этого слова. Представительная демократия

¹ Там же. С. 80.

² Аристотель. Указ. соч. С. 623.

³ См.: Проблемы античной государственности / Под ред. Э.Д. Фролова. С.

требует «представленности» во власти всех «качественно различных» групп населения. По конституции же Афинского государства того времени руководство народным собранием как высшим представительным органом должны были осуществлять *рядовые* граждане. Поэтому все пятьсот членов этого совета избирались в него по жребию¹.

Таким образом, передавая функции подготовки очередного общего собрания города Афин его рядовым гражданам, повторное избрание которых в совет пятисот было практически исключено, древние афиняне выработали своего рода механизм предотвращения политического давления на высший орган своего народовластия.

В период подготовки очередного собрания граждан Афин в руках совета пятисот сосредоточивалась вся государственная власть. Его председатель также избирался по жребию сроком ровно на одни сутки, причем также всего один раз в жизни. На один день и одну ночь ему передавались на хранение ключи от городских святынь, казны, архивов, а также государственные печати². *Таким образом, почти каждый гражданин Афин мог быть избран на один срок главой государства.*

Руководство процедурой проведения самого народного собрания осуществлялось девятью членами его президиума, также избираемого по жребию. Председатель президиума, ведущий собрание, также в свою очередь избирался по жребию и также всего лишь раз в жизни. Единственными не по жребию, а избранными публично, собранием граждан, политиками в государстве афинян были 10 стратегов-военачальников, руководителей верфей, городского водоснабжения, налоговых органов. Одним из самых известных до наших дней афинских стратегов был Перикл, несколько десятилетий публично занимавшийся политикой вплоть до своего переизбрания в 430 г. до н.э.³

Система правосудия в Афинах являлась подчеркнута открытой для городской общественности. Обычно афинский суд состоял из 501 избранного по жребию заседателя. По экстраординарным вопросам в судебном заседании участвовали 1501 присяжных, избираемых для каждого судебного заседания по жребию. Более простые тяжбы решали судебные заседатели числом 51. Процедура жребия, при помощи которой избирались судебные заседатели в Афинах, также была продуманной. Суд принимал иски только от граждан. Обвиняемые обязаны были защищать себя сами. Судебное заседание было открытым для всех граждан города и продолжалось обычно не более одного дня. Судебное решение принималось без предварительного совеща-

¹ Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 55.

² Аристотель. Указ. соч. С. 601.

³ См.: Фукидид. История Пелопонесской войны. М., 1887. Т. 1.

ния судебных заседателей, путем их открытого голосования. Кассационные жалобы или повторные рассмотрения исков в древнегреческом суде не предусматривались. Для споров частных лиц существовал институт мировых посредников, осуществлявший досудебное разбирательство¹ (графические изображения его процедуры сохранились на многих древнегреческих вазах)².

Публичность в управлении городом проявлялась также и в том, что оно осуществлялось рядовыми афинскими гражданами, назначаемыми на посты муниципальных служащих по жребию. Это правило применялось по отношению как к начальствующим над городскими рынками, так и к органам, уполномоченным следить за качеством, соответствием мерам и весу товаров городских рынков, органам надзора над строительством и содержанием дорог и зданий. Названные органы, в числе прочего, по свидетельству Аристотеля, обязаны были следить за тем, чтобы «... сборщики мусора не высыпали отходы ближе десяти стадий от городской стены»³.

Преимущества афинского народовластия и достигнутый благодаря ему уровень жизни Афин отражены в описанной Фукидидом речи Перикла, посвященной памяти павших в начале Пелопонесской войны. Перикл восхваляет в ней образ правления тогдашними Афинами, благодаря которому число погибших в одной из первых битв той войны было гораздо меньшим, чем население города, за который тогда велась битва.

По представлению древнегреческого историка, демократическая политика Афин того времени может служить другим греческим городам примером для подражания. Власть в Афинах принадлежала народу и осуществлялась им самим. Наивысшей общественной оценки в Афинах заслуживали те, кто получил признание в какой-либо из областей публичной жизни: гражданской, военной, экономической, культурной, независимо от того, беден он или богат. По сравнению со Спартой Афины не боялись интегрировать в городскую жизнь чужестранцев-военнопленных, а в духовной жизни афинян, со слов Фукидида, царил вольный дух. Развлечения граждан Афин акцептировались городским руководством, в то время как в Спарте они им осуждалось.

Доказательством целесообразности и правильности афинской демократии для Перикла служат прочность политической власти Афин и размер общественного богатства его родного города, превосходя-

¹ Свенцицкая И. С. Указ. соч. М., 1996. С. 66.

² Античная культура и современная наука / Под ред. Б. Пиотровского. М., 1995. С. 332.

³ См.: Аристотель. Указ. соч. С. 50.

щие, по его мнению, все другие современные города-государства. Не военные доблести и духовная косность, как у спартанцев, отличают афинян, а мужество и самодостаточность. Это обязывает граждан Афин буквально днем и ночью с любовью взирать на обеспечившую им безопасность и благосостояние государственную власть во всех ее проявлениях¹.

По мнению В. Реезе-Шефера, считающего воплощением принципа публичности в античном искусстве архитектуру, Перикл, описание речи которого приводит Фукидид, имел при этом в виду прежде всего Парфенон — архитектурный символ публичности государственной власти, возвышавшийся над Афинами и издали видный со всех сторон города².

Выявление признаков афинской демократии, отождествляемой нами сегодня с публичной политикой, можно проводить, отталкиваясь от аристотелевских описаний двух противопоставляемых им «образов жизни» афинян. Его определение демократии (публичности) соответствует описанию образа жизни сограждан, развёртывающегося в пространстве между *ойкосом* и *полисом*. У Аристотеля понятие «ойкос» обозначало дом, домашнее хозяйство, домашнюю экономику³.

По Аристотелю, ойкос является частью *полиса*. Полис состоит из селений, состоящих, в свою очередь, из домовладений. В качестве социального образования ойкос конституируется из отношений трех видов, в каждом из которых представлен домовладелец: а) господин и его раб; б) муж и жена; в) отец и ребенок. Аристотель сравнивает эти три вида взаимоотношений в ойкосе с тремя типами господства в «Никомаховой этике». Он проводит параллель между тремя видами личностных взаимоотношений в ойкосе и типами государственной власти: а) деспотией или тиранией, б) аристократией, в) монархией.

Полис (др.гр. — крепость, поселок, город-государство) являлся важнейшей формой государственного образования. Он представлял собой самоорганизуемую, самоуправляемую, автономную по отношению к внешнему миру общину свободных граждан. Полис организовывался на принципах справедливости, дружбы и общности. Одна из основных этических проблем, рассматриваемых в философии Аристотеля — взаимоотношения ойкоса с управлением полисом.

Противопоставляя образ жизни афинян, занятых в ойкосе, образу жизни горожан, участвующих в управлении полисом, Аристотель дает моральную оценку современному ему общественно-политическому управлению Афинами, вновь упоминая его характерные признаки. До-

¹ См.: Фукидид. Указ. соч. С. 89.

² См.: Reese-Schaefer. W. Op. cit. S. 67.

³ См.: Аристотель. Указ. соч. С. 378.

бродетелью государства философ считает поступки избранных афинянами политиков, «... приучающих граждан к законам... в этом отличие добродетельного государственного устройства от дурного»¹.

Для Аристотеля человек является общественным существом, ведущим вне полиса крайне жалкую, несвободную жизнь². По Аристотелю, афинский полис — предпосылка свободы и духовно-нравственного совершенствования человека, а *публичная политика Афин, как деятельность по управлению полисом, должна быть исключительно направлена на «... законодательное определение того, какие поступки следует совершать, а от каких воздерживаться, ... ее цель ... будет высшим благом для людей»*³.

До Аристотеля Платон также считал идеалом демократичной политики афинян «... проявление заботы о своем городе и согражданах, ... стремление к тому, чтобы сделать граждан как можно лучше»⁴. *Таким образом, морально-этическая составляющая публичной политики была весьма существенна.*

В древнегреческой традиции производным понятием от «полиса» стало определение «*политейя*». С V в. до н.э. оно обозначало сферу общественной жизни и ее политическое устройство, а также конституцию, способ правления⁵. В современной теории государства и права политейя выступает основной дефиницией для проявлений публичной политики в виде сводов различных законов и типов государственных устройств, (демократии, охлократии, аристократии, олигархии, монархии, тирании)⁶. Примерно с конца V столетия н.э. ведется дискуссия о лучших и худших типах политей, или, с точки зрения изучаемой нами проблемы, о степени публичности или способах ее регулирования в политике.

До Аристотеля Платон, оспаривая современное ему законодательство, описывает государство-утопию, в котором царят абсолютное равенство в образовании мужчины и женщины, стражей и правителей, а также устранены семья и частная собственность. В законах же, ориентированных на практическую жизнь, по Платону, государство развивается из существующего семейного порядка, предусматривается обширный государственно-управленческий аппарат, придается особый вес функционирующей в обществе правовой системе.

В «Политике» Аристотеля идеальная политейя представляет собой конгломерат демократии и олигархии, решающую роль в кото-

¹ Аристотель. Указ. соч. С. 289.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 306.

⁴ Платон. Указ. соч. С. 454.

⁵ Проблемы античной государственности / Под ред. Э. Д. Фролова. С. 68.

⁶ Поппер К. Указ. соч. С. 170—171.

ром играют свобода и богатство граждан, а социальной опорой государственного порядка является средний слой населения полиса. Для обозначения оптимальной формы публичного государственного устройства Аристотель выводит концепцию *Политии*. Ее структурные элементы выделяются им из демократического и олигархического (или аристократического) типов власти и образуют у него новую систему публичного правления. Оптимальным типом государственного устройства, по Аристотелю, является избежание тирании и анархии путем балансирования власти между их комбинацией и недопущением проявлений крайних форм монархии, аристократии и демократии.

Концепция политики у Аристотеля приобретает парадигмальное выражение в качестве *системы, объединяющей* все слои современного философу древнегреческого общества, предусматривающей политическую партисипацию его населения¹. С точки зрения проблематики нашего исследования, порядок аристотелевой политики благоприятствует развитию *гражданского самоуправления со стороны среднего слоя гражданского общества, углубляет принцип народовластия, определявшийся в римской традиции как публичность*.

Эту концепцию Аристотеля в качестве образца социально-политического устройства римский историк Полибий переносит на правовой порядок Римской республики². Х. Арентд пишет что, древнеримские авторы переводят на латынь греческие понятия «демос», «демократия» как «публика», «республика», а принцип государственного управления Афин называют «публичным»³. Т. Хаммер считает, что в римском праве возникает определение публичности, еще более близкое к современному пониманию, чем древнегреческое. По его мнению, римская концепция публичного управления граждан государством внесла определенный вклад в укрепление Римской империи и распространение принципов ее государственного и правового устройства на завоеванных римлянами территориях⁴. В отличие от греческой демократии, Римская республика управляется цезарем, избранным не прямым голосованием граждан, а выборными от сословий.

Как уже отмечалось, публичность в римском государстве становится орудием власти, *манипулирующей общественным мнением*. В середине XVIII в. публичность такого рода кажется Ж.Ж. Руссо более ущербной, по сравнению с афинской демократией и публичностью, а римское общество представляется ему обществом равнодушных к

¹ Аристотель. Указ. соч. С. 417—423.

² Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. Т. 1.

³ Arendt H. Vita activa. Von taetigen Leben. 2. Aufl. Muenchen, 2003. S. 34.

⁴ Hammer T. Oeffentlichket // Metzler Philosophie Lexikon. P. Prechtel, F.-P. Burkard (Hrsg.) 2. Aufl. Stuttgart; Weimar, 1999. S. 413.

публичной власти граждан: «В хорошо управляемой Гражданской общине каждый летит на собрания; при дурном правлении никому не хочется и шагу сделать, чтобы туда отправиться, так как никого не интересует то, что там делается, ибо заранее известно, что общая воля в них не возобладает...»¹.

Описания преимуществ и недостатков, изменений и просто отдельных феноменов публичной политики государственного управления Древнего Рима имеются в многочисленных письменных источниках. Римский квестор, трибун в правление императора Помпея, претор (советник) Цезаря Гай Саллюстий Крисп (I в. до н.э.) связывал ухудшение правления в современной ему Римской республике с ущемлением императором прав сенаторов, следивших ранее, во времена «справедливой власти отцов», наряду с императором за тем, «... чтобы и во времена мира, и во времена войны добрые нравы почитались, согласие было бы величайшим, алчность — наименьшей»².

Н.Н. Трухина³ считает, что характерный для афинских законодательной и исполнительной властей принцип публичности распространился в Древнем Риме и на судебную систему. Хотя, как мы отмечали выше, и в Афинах судебное разбирательство было открытым, участие в нем профессиональных судей, обвинителей и защитников не было предусмотрено. В противоположность ему, римское правосудие становится прерогативой профессионалов, получивших специальное образование, включающее подготовку обвинителей и защиты как *публичных* ораторов для состязания сторон в суде.

Публичность как принцип политической жизни в римском обществе приобретает характер своего рода *политической* (судебной) **театральности**. В последней четверти XX в. П. Бурдые уже считает ее необходимой для завоевания признания общественности. Он пишет: «Группы (общественности) полностью признают только тех, кто публично демонстрирует, что сам их признает. И санкции политического скандала неотвратимо настигают того официального выразителя их интересов, который выдает, что он в действительности не предоставляет группе того, что ему принесло согласие группы»⁴.

Ценный дошедший до нас источник, описывающий принципы римской политики и права, представляет собой переписка Плиния Младшего, судебного ратора (защитника), впоследствии легата (наместника), императора Траяна, с государственными деятелями современной

¹ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 2000. С. 280.

² О заговоре Катилины // Гай Саллюстий Крисп. Соч. М., 1981. С. 9.

³ Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 25.

⁴ Бурдые П. Социология политики. С. 324.

ему Римской республики (I в. н. э.). Так, в письме Ариану Плиний излагает судебное дело, рассмотренное с его участием в качестве защитника. По его мнению, решение суда, вынесенное беспристрастно, на законных основаниях, стало возможным лишь в силу того, что его решение выносили публично избранные судьи, подотчетные сенату¹.

В советах императору Траяну Плиний как его наместник императора одной из провинций настаивает на строгом соблюдении *законодательного закрепленного принципа публичности* в римском сенате: «... Я решил, что люди, несшие магистратуры в возрасте до тридцати лет, могут быть зачислены в сенат и согласно указу Августа и согласно закону Помпея... Закон пожелал, чтобы бывший магистрат становился сенатором...»².

Во II в. н. э. консул и философ Цицерон формально соединяет государство (*de re publica*) и законы (*de legibus*) древнегреческой политики. «Правильное устройство гражданской общины, — утверждает он, — основано на публичном праве и обычаях».³ Принцип публичности, по его представлениям, гарантирует государственную стабильность: «... Всякий народ, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться ... советом, а совет этот должен исходить, прежде всего, из той причины, которая породила гражданскую общину»⁴, — констатирует Цицерон.

Исследуя варианты современной ему публичной власти, он обосновывает, что её «... осуществление следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же должно брать на себя множество людей, т.е. все граждане... Когда верховная власть находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же является такая община, в которой все находится в руках народа...»⁵.

В отличие от древнегреческого философского наследия, политико-философские учения древнеримских политиков имеют менее генерализованный характер. Если представления Аристотеля или Платона о принципах народовластия идеализированы, да и само описание оптимального государственного управления имеет у них форму невысказанных советов государю, или вымышленных диалогов, то римские авторы оставили нам, по существу, своего рода *руководства по практике оперативного политического управления*. Ни Саллюстий, ни Плиний, ни Цицерон не сомневаются в «правильности» принципа публичности

¹ Письма Плиния Младшего. М., 1983. Кн. I—X. С. 31.

² Там же. С. 201.

³ Цицерон М. Т. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 7.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 22.

в управлении Римской империей. В своих прижизненных записках и мемуарах они советуют государственному руководству, последующим поколениям-потомкам более гибко применять унаследованную Римом от Афин политику публичности.

Немаловажное замечание об особенностях древнеримской публичной политики делает С.Л. Утченко. Исследователь древнеримских политических учений указывает на то, что в речах римских трибунов все «... *политические категории сравнивались с общечеловеческими, «моральными».* Политического противника почти всегда публично обвиняли в моральном разложении»¹. По мнению историка, у римлян «... все моральные категории и понятия — политизированы, а любая политическая акция требует моральной апробации всего коллектива, без чего она не может заслужить ни общественного признания, ни одобрения»².

Действительно, политическим противникам Цезаря Саллюстий навешивает ярлык «... губителей рода, обладателей нестерпимой наглости, преступности и гордости»³. Как видим, моральные категории и оценки не просто политизированы, а несут в себе личностные черты того или иного правителя. Так, например, благородного происхождения высокообразованный Плиний Младший в панегирике Траяну объясняет доходность государственной казны тем, что «... она обогащалась не столько от действий законов, сколько от исключительных и единственных в своем роде преступлений против его величества императора»⁴.

Другой интересный вывод делает С.Л. Утченко. Он пишет, что политический облик того или иного деятеля в Древнем Риме неотделим от его общечеловеческих качеств. Характерной чертой публичной жизни древнеримского общества он считает «невыделенность политики из жизни... Эта «невыделенность» может рассматриваться как некий пережиток полисных отношений, как реликт «соучастия» каждого гражданина в жизни общины в целом»⁵.

Публичность общественной жизни и афинян, и римлян выражалась в принципах народной демократии, описанных древнегреческими и древнеримскими авторами: открытости всенародных собраний и заседаний судебных органов, прямых выборах в органы местного и государственного самоуправления. Начиная с Аристотеля, античные мыслители дают высокую моральную оценку участию в народовласти, делах управления государством, публичной жизни. Главной чертой описаний публичной политики как древнегреческих, так и

¹ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ Крист Г.С. С. 47.

⁴ Письма Плиния Младшего. С. 236.

⁵ Утченко С.Л. Указ. соч. С. 66.

древнеримских авторов является то, что по их мнению она является не проявлением воли божьих или божественных избранников, а результатом *практического повседневного действия рядовых граждан*.

В Древнем Риме происходит *институционализация* публичности общественной жизни: в судах появляются профессиональные судьи, обвинители, защитники, государством управляет Сенат, избирающий цезаря. Публичная политика становится активно используемым *инструментом проведения интересов правящей верхушки*.

Спустя столетия функциональность публичности римских императоров ставится в пример средневековым правителям. Советник одного из них, Никколо Макиавелли, советует своему патрону решительнее воздействовать на писателей, формирующих публичное мнение. Он обращает внимание своего государя на существовавшую во времена Цезаря жесткую цензуру выражения публичного мнения, функционально использовавшуюся для укрепления власти императора и критики ее оппозиции: «Пусть никого не обманывает слава Цезаря, как бы сильно не прославляли его писатели, ибо хваливших Цезаря либо соблазнила его счастливая судьба, либо устрасила продолжительность существования его императорской власти, которая, сохраняя его имя, не допускала, чтобы писатели свободно о нем говорили. Однако если кому-нибудь захочется представить, чтобы сказали о Цезаре нестесненные писатели, пусть почитает он, что пишут они о Катилине. Цезарь заслужил даже большего порицания...»¹.

В середине XVIII в. Ж.Ж. Руссо также будет обосновывать целесообразность управления публичным мнением общества («общей волей», «народным мнением») с помощью цензуры в целях сохранения благонравия и так называемого «корректирования» мнений в описанном им идеальном государстве: «Подобно тому, как провозглашение общей воли совершается посредством закона, так и объявление суждений всего общества производится посредством цензуры. Общественное мнение есть своего рода закон, служителем которого выступает Цензор... Цензура может быть полезна для сохранения нравов... Цензура оберегает нравы, препятствуя порче мнений. Сохраняет их правильность, мудро применяя их к обстоятельствам, иногда даже уточняет их...»².

Более углубленные определения публичности и представления форм ее выражения в качестве инструмента власти мы обнаружим позднее у Г. В. Ф. Гегеля, П. Бурдьё, Н. Луманна, Ю. Хабермаса.

Характерную связь морали или системы общественных ценностей с публичной политикой, впервые описанную римскими авторами, ученые не оспаривают и в настоящее время.

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М.; Харьков, 1999. С. 146—147.

² Руссо Ж. Ж. Указ. соч. С. С. 310—311.

ОЧЕРК V

О Средневековой публичной и непубличной жизни

Средневековье радикально изменило общество, политическую карту мира, мировоззренческие установки людей. Роль индивидуального начала была более весомой, нежели в эпоху античности, более признавалась приватная сфера жизни. Р. Сеннет пишет, что существует «... прямая аналогия между кризисом римского общества после смерти Августа и нынешней жизнью; это касается равновесия между публичной и приватной жизнью»¹. Эту аналогию он усматривает, на наш взгляд, небезосновательно в том, что по мере упадка Римской империи римляне «охладевают» к публичной жизни, относятся к ней как к формальной обязанности. И, конечно же, представляет интерес имеющая место динамика ценностного сознания населения западных и восточных стран в направлении предпочтения частных ценностей. И Россия здесь не исключение: данные мониторингов общественного мнения показывают такую иерархию ценностного сознания населения России, при которой доминирующая роль явно принадлежит так называемым ценностям частной жизни².

Власть в союзе с Церковью обладала монополией производства, распространения и внедрения в сознание народа религиозно-

¹ Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. М., 2002. С. 9.

² См., например: Заславская Т.И. О социально-трансформационной структуре российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1; Терова И.Т. Потребность в рабочей силе и профессиональный уровень работников на предприятиях промышленности по результатам мониторинга социально-трудовой сферы на предприятиях промышленности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 3. С. 21—25; Максимов Б.И. Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективные действия // Мир России. 2002. № 3; Магун В.С. Российские трудовые ценности и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4; Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социол. исслед. 2003. № 6 и др.

идеологических представлений и мнений, сумела посредством идеологии конституировать феодально–раздробленные земли в христианский мир. Феодальное общество основывалось на земледельческом труде, а религия и идеология обосновывали зависимость крестьянства, что внушалось простонародью публично, через церковные проповеди. Развитое чувство статуса, родовой принадлежности было характерным для сословного общества. Но по мере того, как значительная часть людей втягивалась в зависимость от крупных землевладельцев, в отношении несвободы и неравенства, особую значимость приобретала идея свободы, не только в политическом смысле, но и в плане свободы воли, выбора между добром и злом. Публичные проповеди о добре и зле были частым явлением в повседневной жизни людей.

Многие проявления частной и общественной жизни рассматривались как несомненное зло, например, ростовщичество. «Постоянный рост капитала ростовщика, его способность беспрерывно наживаться рассматривались в теологии XIII в. как злостное нарушение богоустановленного порядка вещей. Ростовщик своею деятельностью отрицает нормальное чередование труда и покоя, как и смену дня и ночи. Ростовщичество разрушает связь между личностью и ее практикой: даже тогда, когда сам ростовщик ест, спит или слушает проповедь, проценты продолжают нарастать».¹

Вместе с тем, Средневековье — это время, когда, как писал О. Шпенглер, «церковь сражающаяся перемещается из царства истин в царство фактов, из царства Иисуса в царство Пилата; она превращается в момент внутри истории расы и оказывается всецело подлежащей формирующей силе политической стороны жизни; она сражается мечом и пулей, ядом и кинжалом, подкупом и предательством — всеми средствами сиюминутной партийной борьбы от эпохи феодализма до современной демократии; она приносит догматы в жертву мирским преимуществам и вступает с еретиками и язычниками в союз против правоверных властей».²

Действительно, средневековых войн было немало, и они, помимо политических следствий, формировали мировоззрение социальных групп. Войны велись от имени официальных властей силами «воинов» (*bellatores, pugnatores, agonistae, milites*) — людей, принадлежащих к военному сословию, занимавших определенное место в обществе и относительно привилегированное положение, обусловленное при-

¹ См.: Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / М.: Искусство, 1990. С. 223.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. / Пер, с нем. и примеч. И. И. Маханькова. — М.: Мысль, 1998. С. 370.

надлежностью к военному делу. Структура воинского сообщества не точно, но приблизительно воспроизводила структуру общества. Филипп Контамин пишет, что если говорить о мирянах, место индивида в армии напрямую зависело от его места в иерархии власти и даже богатства. Коммунальные ополчения также сохраняют некоторое соответствие с общественной структурой.

Власть старалась набирать военные силы из знати, исключить иностранцев, деклассированные элементы и пр. Но как отмечает Ф. Контамин — на практике от такой модели общественного устройства часто отступали, причем отступления эти реализовывались вначале на уровне социальных структур, а затем и политических структур, — «Место деклассированных и маргинальных элементов с точки зрения как иерархии (варьировалось) от скромного военного слуги до главнокомандующего».¹

Однако война имеет свою логику: независимо от государственной власти, она затрагивает все слои общества, пробуждая в людях потенциальную или реальную воинственность. «Власти на протяжении долгого времени старались не допускать спонтанных проявлений воинственности, чтобы закрепить за собой монополию на войну, и поэтому боролись против частных войн, объявляли земский мир, запрещали ношение оружия и т. д. ... Тем не менее, осуществление этого желания наталкивалось на те же препятствия, которые в Средние века вставляли между решениями власти и их проведением в жизнь». ² А именно — во время войны многие сплывались, а после войны, объединяясь в группы со сложным социальным составом. Это были люди «вне закона, беглые, лжеклирики, родом из Брабанта и потому называемые брабантцами, ... Этих людей называли по-разному: хищники (Жак де Витри предложил, например, игру слов: «разрушители, или грабители» — «ruptores, sive rap-tores»), геннегаусцы, каталонцы, арагонцы, наваррцы, баски, триавердинцы, мэнцы, германцы. Их называли также «соломенными» (paiearii): то ли по опознавательному знаку — соломинке», и пр. Система оповещений в войсках с XV века приобретает системный характер, «возникает обычай объявлять в каждой армии после ее сбора нечто вроде общего указа с перечислением правил дисциплины. Именно это советует государю ... Филипп Клевский, сеньор де Равенштейн, в своем «Поучении по основным пунктам военного искусства»: пусть «полевые оповещения» обсуждаются в штабе, потом излагаются письменно и вручаются маршалу войска «для оглашения оных вашими

¹ Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова; Науч. ред., предисл. Ю. П. Малинина. — СПб.: Ювента, 2001. С. 172.

² Там же.

армейскими офицерами и трубачами, где сие потребует, и на стольких языках, сколько будет народов в вашем войске». ¹

Военное мужество, героизм высоко ценились в Средние века, причем не только индивидуальный героизм, но целые воинские соединения, или народы, которые проявляли стойкость и солидарность на поле боя. Например, «во время крестовых походов это были тамплиеры и госпитальеры, а в войнах Империи — швабы, которые после сражения при Унструте в 1075 г. стали требовать для себя «первое место в бою». ²

Средневековая власть была сильной властью и использовала в отношениях с подвластными свои, отличные от всех прочих эпох, средства. М. Вебер, анализируя средневековую Венецию, отмечал установление там патримониально-государственной тирании городской знати, распространявшейся на большую сухопутную и морскую территорию, при строгом контроле друг друга аристократическими фамилиями. Коллективная тирания осуществлялась посредством:

а) борьбы за разделение власти между должностными группами, различными коллегиями, административной властью;

б) разделения сфер власти;

в) краткосрочности всех должностей и особой системы контроля;

г) с XIV в. политического инквизиционного суда, Совета Десяти, который сначала был следственной комиссией по одному заговору, а затем превратился в постоянное учреждение по расследованию политических дел, осуществлял наблюдение за политическим и повседневным поведением ³.

Средневековая публичность реализовывалась в многообразных проявлениях государственной, религиозной, научной, художественной и повседневной жизни людей. Попробуем обозначить некоторые из этих проявлений.

Так, в раннехристианский период процедура исповеди была публичной и человек исповедывался Богу (в лице духовника), раскаивался в своих грехах и получал их отпущение в присутствии собратьев по вере. ⁴ Если человека постигло нарушение прав, материальные убытки, или иные, ущемляющие статус и права, события, то была воз-

¹ Контамин Ф. Война в Средние века. С. 280.

² Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова; Науч. ред., предисл. Ю. П. Малинина. — СПб.: Ювентата, 2001. С. 289.

³ См.: Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М., 1994. С. 359.

⁴ См.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 4.

можно компенсация. А «дар и возмещение, принесенные публично, символизируют восстановление их достоинства в собственных глазах и в глазах коллектива». ¹ Расширению пространства публичности способствовали утвержденные с XIII века новые принципы судебносудебных процедур. Инквизиционный процесс предполагал рассмотрение мотивов и обстоятельств преступления, и в центре внимания оказывалось требование признания обвиняемого. ²

В средневековом городе интенсивно развивались горизонтальные связи — правоотношения между согражданами, город вырабатывал, отстаивал и обсуждал в своей среде правовые и материальные условия, в которых могла развиваться новая структура человеческой личности. ³

Публичными были казни, от зрелищ которых дети не были освобождены. Ребенок в относительно раннем возрасте нес полную уголовную ответственность за правонарушения, вплоть до смертной казни.

Публично, по достижении 15 лет, проходило и посвящение в рыцари, хотя к этому возрасту подросток еще не обладал физической силой, достаточной для свободного владения оружием и ношения тяжелых доспехов. ⁴

Публичный характер приобретало чтение не только указов или религиозной литературы, но и чтение в самых разнообразных жанрах. А Гуревич отмечает, что «в обществе, в котором преобладали неграмотные или люди, не приученные к постоянному чтению, последнее неизбежно носило публичный характер». ⁵ Только купцы, в силу своей профессии, заботились об умении читать, писать и считать у себя и своих детей, а люди, занятые повседневным трудом, — рыцари, крестьяне, мелкие ремесленники, — не были ориентированы на грамотность.

Реализация суеверий происходила не только в приватной сфере, в публичной сфере церковь христианизировала некоторые языческие обычаи, связанные с магическим влиянием на погоду. Например, «Гервазий Тильбюрийский в начале XIII в. рассказывал о рыцаре, которому во время бури некий воин вручил охотничий рог, уверяя, что его звук прогонит гром и молнию, — этот воин оказался не кем иным, как святым Симеоном (21, II, с. 39). Мы вновь сталкиваемся с фактом христианизации языческого обычая. В XVI и XVII вв. в окрестностях Аахена с

¹ Там же. С. 44.

² См.: Там же. С. 54.

³ См.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 58.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 87.

этой же целью употреблялся так называемый «аахенский рог». ¹ В позднее Средневековья охота на ведьм и колдунов, а также их наказание также совершались публично.

«В сфере судопроизводства и права магические средства также занимали видное место. Одна из специфических особенностей судебного разбирательства в Средние века — «суд божий». Процедуры выяснения истины посредством судебного поединка сторон или испытания раскаленным железом и кипятком независимо от того, каковы их antecedенты в Ветхом завете или у варварских народов, исходили из идеи вмешательства всеведущего божества, которое принимает сторону правого и карает виноватого». ² Отметим, что расцвет демонологии и демономании приходится на период позднего Возрождения и начала Просвещения. «В XVI в. ужесточается система наказаний, получает небывалое до того распространение практика изуечения преступника — казнь растягивали на ряд этапов. Зрелище живьем сжигаемых людей стало чем-то заурядным. Для жителей города и деревни это зрелище сделалось и обязательным и притягательным, своего рода праздником». ³

В эпоху Средневековья публичная жизнь становится предметом формальных обязательств, а ценностные приоритеты населения как Востока так и Запада смещаются в частную сферу. Почему так происходило? Что явилось альтернативой активной публичной жизни античного мира?

Мы полагаем, что такой альтернативой явились различные формы публичного общения, часть из которых была обозначена выше, и которые выполняли свою основную функцию — упорядочивали и интегрировали социальные слои средневекового государства. Публичное общение в то время происходило в самых разнообразных местах, но прежде всего в храмах.

Важные для жизни людей мероприятия (коронации, бракосочетания, праздники в честь святых, проповеди и службы в честь важнейших событий) проходили именно в храмах, где собирались представители всех сословий. Как видим, средневековый храм являлся своеобразным центром трансляции событий государственной важности, где не только Церковь, но и Власть говорили с народом.

События частной жизни, осуществляемые в храме, были, может быть, даже более важны для населения, нежели информация о государственно-важных делах и событиях. Это было связано с тем, что человек, согласно религиозной идеологии, должен быть в своих по-

¹ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / М.: Искусство, 1990. С. 288.

² Там же. С. 303.

³ Там же. С. 323.

вседневных мыслях и деяниях далёк от греха, должен «познавать Бога в своей душе». Поэтому в храмах происходили также молитвы населения, крестины детей, исповедание и отпущение грехов, праздничные шествия, кормление паломников, пение в церковном хоре и др.

Выше было показано, что в античном мире принцип народовластия играл немаловажную роль. Платон и Аристотель при всем расхождении взглядов на основные принципы политики и народовластия полагали, что народовластие реально существует в Афинах. Народное собрание — эkkлeсия — принимало решения государственной важности простым большинством голосов. Привлечение различных слоев населения (состоятельных и неимущих, «порядочных» и народную массу) к государственным занятиям знаменовало институционализацию публичной политики.¹

Но постепенно города собирали все более обширные территории, а хозяйство поддерживалось за счет грабежа и победоносных войн, которые обеспечивали приток рабской рабочей силы. Жак Ле Гофф пишет: «Римская история, которой положил начало Ромул, оставалась, даже в период наибольших успехов, лишь историей грандиозного закрытого мира. ...Он (Восток, — авт.) великолепно преуспел в искусстве самосохранения: война — всегда оборонительная, несмотря на видимость завоеваний; право строилось на прецедентах, предотвращая нововведения; дух государственности обеспечивал стабильность институтов; архитектура — по преимуществу искусство жилища. Этот шедевр консерватизма, каким была римская цивилизация, со второй половины II века под воздействием сил разрушения и обновления подвергся эрозии»². Философы и соответственно население стали критически относиться к власти и законам.

Во II в. философ Юстин (Иустин) в своих Апологиях, представленных в пользу христиан римскому сенату выражает неудовлетворенность правлением и законодательством Римской империи, полагая, что они не всегда учат добру, путь к которому он видел в торжестве христианской веры. Он пишет: «Если же кто противопоставит нам различные законы между людьми и скажет, что у одних это почитается хорошим, а то худым, и наоборот, хорошее у тех признается здесь за худое, тот пусть выслушает, что скажу я на это. Мы знаем, что и злые ангелы установили законы, соответствующие их порочности, и в таких законах находят удовлетворение люди, которые сделались подобными им. Но истинное Слово, когда Оно пришло, показало, что не все мнения и не все учения хороши, но одни худы, а другие хороши... Итак, наше учение, очевидно, возвышеннее всякого человеческого учения, потому что явившийся ради нас

¹ См.: Античная культура и современная наука / Под ред. Б. М. Пиотровского. 1995. С. 330—338.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. М., 1992. С. 9.

Христос по всему был Слово, т.е. и по телу, и по Слову, и по душе... Но кто из живших до Христа, по Его человечеству, покушался исследовать и опровергать что-либо Словом, те были предаваемы, как нечестивые и дерзкие, суду. Самый твердый из них в этом деле Сократ был...»¹.

Как было сказано выше, мы видим явный критический настрой против власти, правосудия, а следовательно, и всего жизненного порядка в государстве. Но какие бы бунтарские по отношению к государственному строю идеи ни вытекали из христианской философии, постепенно они сменялись убеждением, что не дело философии призывать к бунтам и беспорядкам, ибо «страдать» можно только за веру².

Климент Александрийский в конце II — начале III в. пишет о христианском философе: «Три отличительные черты свойственны нашему философу. Во-первых, он — созерцатель; потом — исполнитель заповедей и, в-третьих, воспитатель добродетельных мужей»³. Девиз Климента Александрийского — укрощение желаний, естественный, умеренный образ жизни, душевное и духовное богатство. В книге «Кто из богатых спасется?» Климент показал, что если богатство не является хозяином души человека, а его орудием для достижения благих целей, то такой человек может спастись. Это, конечно, греческая мудрость, но и христианская, которая была развита Августином, Фомой и другими средневековыми философами.

Этьен Жильсон отмечает: «Христианство внушает своим беднякам, что они так же богаты, как самые богатые, а своим богачам — что они так же бедны, как самые бедные...»⁴. Достижение Средневековья — провозглашение равенства людей перед Богом — другой своей стороной имеет смещение ценностных интересов «в глубь души». В контексте разочарованности в идеалах античной демократии, смуты и вторжений христианская иерархия ценностей приводит к уходу от

¹ Юстин (Иустин) философ. Апология 2, представленная в пользу христиан римскому Сонату / История средневековой философии: Хрестоматия: В 2 ч. / Сост. Г.Я. Миненков. Ч. 1: Патристика. Минск, 2002. С. 32. Далее Юстин говорит о том, что Сократ был обвинен в тех же преступлениях, в которых обвиняются современные Юстину христиане: «... Сократ был обвинен в тех же преступлениях, что и мы; ибо говорили, что он вводил новые божества и не признавал тех, которых граждане признавали богами. А он, изгоняя из государства и Гомера, и других поэтов, учил людей отвращаться злых демонов...» (Там же. С. 32).

² См. об этом: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современника. М., 1989.

³ Отцы и учителя Церкви III века: Антология: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 162.

⁴ Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIX века / Пер. с фр. М., 2004. С. 37. См. также: Калмыкова Е. Французское духовенство и иностранные приораты в средневековой Англии // Средние века. 2014. Т. 75, № 3—4. С. 98—133.

публичной жизни масс населения и приходу их в Церковь, где они уже не решают государственные дела, а усваивают Слово.

Население различных провинций, имевшее определённое политическое сознание, в период мощного кризиса III в. пыталось эмансипироваться и вступало в конфликты с центром. Ж.Ле Гофф отмечает, что «... возвышение провинций свидетельствовало об укреплении центральных сил. И средневековый Запад унаследовал эту борьбу — между единением и обособлением, стремлением к христианскому единству и тягой к национальной самостоятельности»¹. Несомненно, что сильнейшие кризисы обычно сопутствуют дискредитации государственного правления, девальвируют формы политического участия, ведут к раздробленности.

Политическая жизнь античности, как бы хороша она ни была, изжила себя под натиском упадка различных производств, кризисов, нашествий, конфликтов. Прежние формы публичности становятся невозможными, уходят из жизни людей вместе с изменением экономических, культурных, политических условий.

Пожалуй, самым впечатляющим фактом в эпоху зарождения феодализма было «великое смешение народов» вследствие переселений. Варвары, оседавшие на чужой земле, приносили с собой свою культуру, знания и умения. И хотя прелюдия средневекового Запада была воистину ужасной, воинственной по своим разрушительным последствиям, все же исследователи отмечают особую притягательность для варваров завоеванных культур. Ж.Ле Гофф отмечает, что «... предводители варваров приглашали римлян в качестве советников, перенимали римские нравы, украшали себя римскими титулами консулов, патрициев и т.д.»². Но античную публичность было не возродить после жестоких кровопролитий. Нашествия варваров к концу VIII в. окончательно изменили политическую карту Запада. Удельность и раздробленность требовали консолидации, которая и происходила в контексте удаления публичной жизни населения средневекового мира от решения дел государственной важности, в условиях радикально изменившихся властных отношений.

Позволим себе обширную цитату из книги Р. Сеннета, так как высказанные им мысли представляются важными для понимания процессов публичной жизни Средневековья. Вот что он пишет: «Когда публичная жизнь римлянина стала бескровной, он нашел в приватном новый фокус для своей эмоциональной энергии, новый принцип убеждений и веры. Эти приватные убеждения были мистическими, озабоченными бегством от мира в целом и от формальностей *res publica* как его ча-

¹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 10.

² Там же. С. 16.

сти. Эти убеждения имели своим источником различные ближневосточные секты, среди которых христианство постепенно стало доминирующим; в конце концов, христианство перестало быть духовным убеждением, практикуемым в тайне, ворвалось в мир и само стало новым источником общественного порядка... Различие между римским прошлым и сегодняшним днем лежит в альтернативе, в том, что приватность означает. Римлянин искал в приватном иной принцип, противостоящий публичному, принцип, основанный на религиозной трансцендентности мира. Мы же ищем в приватном не принцип, не отражение того, чем являются наши души, что есть аутентичного в наших чувствах. Мы попытались сделать факт пребывания в приватном, наедине с самими собой, с семьей и близкими друзьями, самоцелью»¹.

Над населением средневековой Европы возвышались разнообразными институты власти с определенными задачами поддержания порядка и объединения раздробленного общества. Главной властью, как отмечает Марк Блок², была королевская или императорская опирающаяся на идущие из глубокой древности традиции. Ниже располагались власти новые, без такого древнего прошлого: герцоги, владевшие обширными территориями, бароны, владельцы замков. Наследственность власти на всех уровнях и непрерывные победы над язычниками способствовали её устойчивости. «Тевтонские рыцари уже нашли себе занятие на Балтике, уничтожая языческие племена и утверждая господство христианства на обширной территории, от Пруссии — через Латвию, Литву и Эстонию — до самих берегов Финского залива»³. Взаимодействие языческой и христианской культур было неизбежно. Оно прослеживается во всех публичных проявлениях средневекового человека: в восприятии чудес, системе ценностей, трудовой деятельности, смеховой культуре, представлениях о смерти и жизни, понимании власти и др.

Названные публичные проявления характеризуются локальными коммуникациями, подчас весьма малого территориального масштаба. Кажется, что к публичной политике государства это не имеет никакого отношения. Даже мнение, будто таковая вовсе не существовала. Несомненно, что публичная политика в Средние века не была отрефлексирована на научном и общегосударственном уровне. Но это не означает, к примеру, что если мы не знаем, что говорим прозой, то прозы не существует. В Средние века отношения народа и власти, по сравнению с античностью, сильно изменились, порождая свои специфические формы публичности.

¹ Сеннет Р. Указ. соч. С. 9—10.

² См.: Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 367.

³ Бейджент М., Ли Р. Тайны древних цивилизаций. Храм и ложа. М., 2003. С. 31.

Особенности политической публичности в Средние века детерминировались спецификой взаимодействий языческой и христианской культур, взаимоотношениями между христианством и обществом, Церковью и государством, организацией правосудия, социальной дифференциацией, степенью развитости коммуникаций и иными социокультурными обстоятельствами рассматриваемой эпохи.

Взаимодействие между языческой культурой и христианством влияло на многие черты средневековой цивилизации, её государственность, политику, характер публичности и весь социокультурный фон. Иногда это взаимодействие имело конфликтный характер, непосредственно касающийся ценностей, во многом определяющих характер социокультурных процессов, в том числе и политическую жизнь общества. Отметим, что Средневековью вообще свойственна некая двойственность. Она проявляется во взаимодействии языческой и христианской культур; осуждении богатства и преклонении перед ним; осуществлении коллегиального правосудия и ограничений в этой коллегиальности; идеологии ненасилия и постоянных, с изощренными зверствами, войнах. Ту же двойственность можно видеть и в обесценивающей земной мир идеологичной, теологичной и застывшей ученой официальной культуре и подвижной, раскованной народной культуре, в том числе и смеховой¹.

Так, вплоть до XIV в. в средневековом обществе функционировало запрещение использовать и даже читать древних авторов. В то же самое время существовало разрешение широко прибегать к античным и языческим текстам, в чем не видели греха. Видный исследователь средневековья Ж.Ле Гофф отмечает, что историческая конъюнктура благоприятствовала попеременно то одному подходу, то другому². Он пишет, например, что св. Иероним всегда обильно цитировал античных авторов. Он был им «... обязан своим образованием не менее чем Библии; он однажды услышал во сне, как Господь воззвал к нему и строго сказал: «Цицеронианство это, а не христианство». Алкуину было такое же видение по поводу Вергилия. Иероним остановился на компромиссе, как и Августин: христианские авторы поступают с языческими подобно евреям в книге Второзакония, которые своим пленникам брили головы, стригли ногти, обряжали их в новое платье, а затем брали в жены»³.

¹ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

² См.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1992. С. 107.

³ Там же.

В других источниках мы встречаем подтверждение такого положения дел. Так, Этьен Жильсон в уже цитированной книге «Философия в средние века» пишет, что «... в IX — X веках не появилось значительных произведений, посвященных отношениям между церковью и государством, но именно тогда сложилось то положение вещей, над которым станут размышлять будущие теоретики»¹.

Большое значение имело образование империи Каролингов. Папа Адриан I (772—795) подчеркивал наличие союза между папой и королем франков. Этот союз складывался под давлением необходимости борьбы с общим врагом — захватчиками, совершавшими постоянные набеги на государство. Король обязан защищать свои земли и церковь. Этьен Жильсон пишет, что коронация императора Карла папой Львом III в 800 г. «... была лишь официальным освящением титула «защитника Церкви», который был уже ему дан Адрианом I. Кому принадлежала инициатива в этом акте, и какой смысл вкладывали в него папа и император — точно не известно; расхождение историков по этому вопросу хорошо отражают принципиальную двусмысленность положения»².

После распада империи Каролингов в сознании интеллектуальной элиты конституируется новая идея — о тождестве земного порядка вещей с Церковью. Эту мысль развивает Августин в своей работе «О монашеском труде». Он пишет о том, что князья управляют общими делами, которые важнее частных, и что монастыри, Церковь, власти и подвластные — граждане одного «государства» — Небесного Иерусалима³. Отличительная черта людей Царствия Божьего — смирение и покорность перед лицом божественной воли и, естественно, перед лицом христианской церкви — представительницы бога на земле. Всем известны обличительные по отношению к власти мысли Августина. Он осуждает любое государство, стремление людей к господству и ненасытному обогащению. Тем не менее, как и полагается в идеологии Средневековья, в его работах мы видим своеобразную легитимацию государственной власти, более того, презентацию её как богоугодную.

Бессмысленно, считал Августин, бороться с социальным неравенством. Счастье наступит лишь «в той жизни, где никто уже не будет рабом» (О граде божьем, IV, 3). Вся человеческая история, по мнению Августина, определяется борьбой «... двух божественно-человеческих институтов — божьего царства и земного царства. Дуализм между богом и природой трансформировался в «Граде божьем» как искон-

¹ Жильсон Э. Указ. соч. С. 190.

² Жильсон Э. Указ. соч. С. 191.

³ См.: Там же. С. 192—195.

ная противоположность этих двух институтов»¹. У Августина отчетливо проявляется космополитическая идея единого человечества (в масштабах известного ему Средиземноморья). Осуждая всякое государство, в частности, Римскую империю, Августин осуждает и освободительные войны, поскольку, по его мнению, Римская империя объединила весь мир и подготовила почву для христианства.

Будучи крупнейшим идеологом христианства, Августин полагает, что бедность, нищета и убожество, будучи наиболее благоприятны для спасения, не исключают того, что при разумном использовании богатства богатому человеку, наделённому властью, можно достичь спасения души. Он рассматривал общественное неравенство как естественное следствие первородного греха, как Божью волю. Поэтому любое стремление к равенству он считал обречённым на поражение.

Интеллектуальная элита неоднократно пыталась вернуться к прежним ценностям, это были периоды так называемых «возрождений», которые, повторяясь, привели к наступлению эпохи великого Возрождения.

Эпоха Средневековья — это, как известно, эпоха феодализма, когда меняются не только религиозно-философские системы. Возникает новая социальная среда, формируются новые виды социальных зависимостей между людьми. Укрепление церкви в материальном плане и усиление её реальной власти — отличительная черта Средневековья. М. Блок пишет об этом процессе² как идущем достаточно медленно, эволюционно. Город, в котором возвышался кафедральный собор, воспринимался как находящийся на особом попечении пастыря. Если графы были в разъездах, то епископ почти всегда был в городе. Зачастую укрепления возводились за счет церковных денег, а в трудные времена люди питались из церковных закромов.

Часто епископы принимали на себя функции руководства осажденным городом. Иными словами, за епископами признавались графские права на крепость и его первые валы. Это означало еще и возможность чеканить монету. На протяжении нескольких веков городами правили епископы на правах графов, а графы управляли остальной территорией. Но вскоре короли предпочли жаловать епископам и остальную территорию. М. Блок пишет по этому поводу следующее: «Святые на небесах наверняка хлопали в ладоши, узнав, что их служители получают столь доходные должности и избавляются от неудобных соседей. А на земле короли были уверены, что отдают землю в самые надёжные руки. Во-первых, прелат не мог превратить данное ему владение в наследственное, во-вторых, поскольку назначение прелата на долж-

¹ Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. пособие для филос. ф-тов и ун-тов. М., 1979. С. 79.

² Блок М. Феодальное общество / Пер. с фр. М., 2003. С. 392—396.

ность зависело от короля или, по крайней мере, от согласия короля, а образование и интересы, безусловно, делали его сторонником монархии, то король среди царящих в те времена анархии и беспорядков надеялся обрести в его лице наиболее послушного из возможных слуг»¹. Применительно к нашей теме можно с уверенностью утверждать, что короли были заинтересованы в привлечении на свою сторону социального института религии как имеющего самое значительное влияние на средневековое население.

Не будет ошибкой и утверждение том, что публичность и публичная политика функционировали в основном в рамках социального института религии.

Эта эпоха знала грозные войны и разрушения, связанные как с многочисленными вторжениями, так и с внутренними коллизиями, в частности, с процессом христианизации. Во всех набегах, внутренних распрях, экономических неурядицах была своя логика. Например, северные народы почти три столетия сопротивлялись христианству. М. Блок пишет, что была причина, которая изначально предполагала победу христианства: «Скандинавии нечего было противопоставить хорошо организованному духовенству христианских стран, их единственными священнослужителями были главы родов и племен. Но вместе с тем короли вполне могли опасаться, что вместе с правом на священнодействие они лишатся и своего величия, и вполне могли активно противостоять новой религии»².

М. Блок отмечает, что феодализм Средних веков рождался в тяжелые времена смут, которые отчасти его и порождали. «А отчасти сами смуты были порождены причинами, не имеющими ничего общего с внутренней эволюцией европейских обществ. Новая западная цивилизация, складывавшаяся два века назад в бурную пору германских нашествий, представляла собой в эту пору осаждаемую, а точнее, уже наполовину завоеванную крепость. Осаждали её разом с трех сторон: на юге — арабы или подчинившиеся им народы, приверженные исламу, на востоке — венгры, на севере — скандинавы»³.

Масштабные разрушения эпохи Средневековья обрекали на гибель то, что было нежизнеспособным. Фернан Бродель, описывая городские кризисы XIУ — XV в., писал, что не следует преувеличивать значение этих волнующих страниц истории. Ведь, несмотря на то, что городские катастрофы ломали не только привычный уклад жизни, «... местные предрассудки и институты власти..., экономические основания, созидательные способности и само благосостояние городских

¹ Блок М. Указ. соч. С. 394.

² Блок М. Указ. соч. С. 40.

³ Там же. С. 12.

общин», государство, как и полагается, «... устанавливает свои порядки, но города продолжают жить той же размеренной жизнью, которую они вели до кризиса, и сохраняют свое значение»¹.

В контексте нашего исследования отметим *систему образования*, которое было весьма специфичным в плане подачи, запоминания и воспроизводства информации.

Так как античные города-полисы с их непосредственной демократией сменились территориальными средневековыми государствами со своеобразной догматизацией представлений религиозной идеологии, то существовала необходимость выработки у населения прочных ценностных установок. Они распространялись как на формирование у населения необходимой в смутные времена патриотики, так и на конституирование ценностей верноподданности и благонадежности, интериоризацию христианских ценностей². Однако формировать их приходилось в обществе без газет и телерадиокоммуникаций.

Важнейшая политическая задача средневековых государств в области воздействия на подвластных состояла, в числе прочих, как в любом государстве, в легитимации власти. Эта задача решалась в русле религиозной идеологии, а именно, положения о соответствии земного порядка вещей небесному, божественному.

В качестве другой задачи средневековой власти можно назвать консолидацию людей, их самоидентификацию как единого христианского мира. Упомянутая выше космополитическая идея единого человечества Августина модифицировалась в идею *единого христианского мира*. Компонентами этой идеологии явились положения о тождестве земного порядка вещей с Церковью, идея смирения и покорности христиан перед лицом Божественной воли. Поэтому у населения *необходимо было формировать соответствующую идентичность*, базировавшуюся на представлениях о прошлом.

Роль Церкви в решении этой задачи трудно переоценить. Главным источником коллективных представлений о прошлом становится библейская история. Библейские притчи были призваны «... не просто учить правильному образу жизни, они должны были вызвать стремление подражать. Соответственно необходимо было выработать адекватные формы воздействия на общество. Основным, хотя и не единственным, способом влияния стала проповедь»³.

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. / Пер. с фр. М., 2002. Ч. 1: Роль среды. С. 461.

² См.: Йетс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.

³ Суприянович А. Г. Память чувства: коллективное и индивидуальное в средневековом сознании // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 156.

Средневековое общество в своей массе — это в основном необразованные, малограмотные и безграмотные люди. Поэтому Средневековые проповедники особенно заботились не только о содержании информации, но и о форме её подачи. Надёжный способ заставить запомнить информацию так, чтобы на ней основывались мотивация поступков, образ жизни в целом, — обращение к эмоциям.

Поэтому наряду с проповедью использовались и иные формы воздействия на сознание верующих. А.Г. Суприянович пишет о разнообразных празднованиях, предполагавших крестные ходы. Он отмечает, что «... не менее впечатляли торжественные службы, кроме того, регулярно устраивались драматические постановки, напоминавшие о важнейших событиях церковной истории и т.д. Активно применялись визуальные средства воздействия на массы. Исследователи неоднократно отмечали их эффективность, особенно в виду их эмоционального воздействия»¹.

Символические формы публичности воплощались в живописи, архитектуре. Особая роль, конечно, принадлежит иконам, которые заказывались художникам как властвующими особами, так и состоятельными людьми, занимающимися благотворительной деятельностью по содержанию монастырей, соборов. Частыми бывали случаи, когда заказчики старались на иконах изобразить себя рядом со святыми. Говоря словами П. Бурдые, имела место так называемая *официальная номинация* — «... акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на *легитимное символическое насилие*... чтобы сделать признанной ту точку зрения, которую они стараются внушить»².

В укреплении власти в XII в. в различных местах — от Европы до средневековой Японии — огромную роль играли построенные с разрешения короля или герцога замки. Они представляли собой автономные военные лагеря с главной башней — жилищем хозяина. Они являлись административными центрами, равно как и центрами сети вассальных зависимостей. «Крестьяне исполняли в нем свои повинности, укрепляя его, и здесь же платили оброк; вассалы близлежащих феодалов несли в нем гарнизонную службу ... В замке вершилось правосудие, от

¹ Суприянович А.Г. Указ. соч. С. 157. Отметим, что визуальные средства воздействия на массы включали средневековую живопись и скульптуру. Воплощения Ада и греха, химеры и иные чудовища появляются на средневековых соборах, эмоционально воздействуя на население. Визионерская литература, откровения блаженных, их переживания, сюжетно переплетенные с жизнью Иисуса Христа, его апостолов или даже прямым общением с Богом также оказывали сильное влияние на людей, смещая их ценностный мир в приватную сферу.

² Бурдые П. Указ. соч. С. 72—73.

замка исходили приказы и распоряжения, которые воспринимались как проявление власти»¹. Отметим, что замок долго существовал в сознании людей как источник и символ власти. Современный французский историк Филипп Ариес (1914—1984) в книге «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» характеризует замок как место, достаточно близкое, чтобы узнать в нем образ собственной семьи, и в достаточной мере далекое, чтобы показаться странным и даже заколдованным. В настоящее время историки более интенсивно, чем социологи, интересуются проблемами коллективной памяти² как глубинным источником состояний сознания и интересов различных социальных групп и общностей современного мира.

В контексте такой идеологии в средневековом обществе возникает не только жесткая межсословная, но и внутрисословная иерархия. Так, например, духовенство было в высшей степени юридически оформленным классом, так как имело особые привилегии в области юриспруденции. Но социальным классом оно не было, так как в нем существовали самые разные образы жизни, самые различные возможности и авторитеты³.

Выше упоминалось, что в эпоху Средневековья публичная политика через деятельность церкви была весьма интенсивной. Но власть общалась с народом не только через церковь. Система множественного правосудия также служила публичному отправлению властных полномочий. Карл Великий предпринял всеобщую реформу правового режима империи, разбив государства на округа, которые обычно называли «сотней». Монархия укрепляла авторитет мелких чиновников.

Граф, объезжая «сотни», которые находились в его ведении, приглашал всех свободных явиться к нему на суд. Приговоры выносились небольшой группой судей, а граф, как королевский чиновник, наблюдал за разбирательством тяжб и наложением арестов. М. Блок пишет, что на практике эта система страдала двойным неудобством: «... жители должны были слишком часто собираться, а на графа ложилась слишком большая нагрузка, если он добросовестно относился к своим обязанностям. ...Какова бы ни была наша неосведомленность в связи с недостаточным количеством документов, сомнений не возникает в том, что при Карле Великом и его непосредственных приемниках... юридическое разделение дел на крупные и мелкие надолго задержалось в юриспруденции»⁴.

¹ Блок М. Указ. соч. С. 393.

² Хаттон П. Х. Замок как театр памяти: заколдованная память об утраченном наследстве // История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 225—240.

³ См.: Блок М. Указ. соч. С. 350—372.

⁴ Блок М. Указ. соч. С. 357—358.

В разных областях система правосудия модифицировалась в сторону сужения публичности: «В зависимости от места, а точнее, деревни, крестьянина мог судить коллегиальный суд, сеньор или только его представитель. Последний вариант, похоже, поначалу не был самым распространенным. Но на протяжении второго периода феодализма он стал самым распространенным»¹. Отметим, что любая судебная ошибка не подлежала пересмотру.

Появляются произведения, восхваляющие правителей, а также иных людей, обладающих властью и богатством. Таковы, например, англосаксонские хроники за 1050—60 гг. Описание богатства и могущества, прославление войны и насилия, культ победы и послушания — основные мотивы этих хроник. Приведем цитату о деяниях последнего англосаксонского короля Гарольда, правившего страной около 9 месяцев и павшего в битве с нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем. «В этот год после середины зимы эрл Харольд пришел из Глостера в Родланд, который принадлежал Гриффину, и там сжег его дом с постройками, и корабли со всем, что на них было; а сам Гриффин бежал. И после этого, к Молебственным дням, Харольд отправился с кораблями из Бристоля и поплыл вокруг Уэльса, и люди этих земель заключили с ним мир и дали заложников...»².

Важнейшим источником передачи информации о жизни людей различных поместий, районов, регионов были средневековые купцы. Купец раннего Средневековья — это часто викинг, воин, грабитель, колонизатор, путешественник. Викинги везли с собой товары, обменивали их на нужные вещи. Купцы, не задействованные в военном деле, также были воинственны, так как им приходилось отправляться со

¹ Там же. С. 361.

² Цит. по: Метлицкая З. Ю. Харольд — последний король англосаксов (человек и символический образ) // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. С. 102. В качестве примера средневековой героики можно привести множество легенд и сказаний, вошедших в историю мифологических преданий посредством их включения в средневековые тексты. Таковы, среди прочих, легенды о короле Артуре, зафиксированные во второй половине VI в. в некоторых валлийских поэмах, например, в «Гододине» Анейрина, а в VII в. — в «Истории бриттов» Ненния, затем в написанные около 1155 г. на романском языке «Деяниях бриттов» в пятнадцать тысяч строк, на основе чего около 1205 г. появился первый роман в стихах «Брут» Лаймона — священника из Арли. В конце XII—XIV вв. в Англии и на континенте появляется множество рыцарских романов, вошедших в артуровский цикл. Самым известным стал незавершенный роман Кретьена де Труа «Персеваль, или повесть о Граале». См. об этом: Калмыкова Е. В. *Предания о короле Артуре и английская средневековая историография* // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. С. 132—155.

своими караванами в дальние страны, зачастую рискуя стать жертвами нападений и грабежей.

Если люди, работающие на земле, скажем, пахари в своей жизнедеятельности не выходили за рамки натурального хозяйства, то купцы этих рамок не знали. В историографии обычно пишут о монархах, духовенстве и монахах, рыцарстве и крестьянстве. Купцы и ремесленники упоминаются реже, отношение к ним в средневековом обществе было неуважительным.

А.Я. Гуревич пишет: «Если труд земледельца столь же необходим для функционирования социального организма, как молитвы монахов и клириков и ратные подвиги воинов, то городские занятия и в особенности торговля оставались сомнительными и подозрительными с точки зрения господствующей этики. Недоверие к торговцу крестьян и пренебрежительное высокомерие знати находили параллель и обоснование в учении церкви». ¹ В перечне «бесчестных» профессий, который составлялся богословами, всегда указывалась торговля.

К XIII в. ситуация меняется в связи с оживлением городской жизни, становившейся средоточием расположения монашеских орденов. Наиболее интересная и содержательная попытка осмыслить сложность и многообразие общественной системы принадлежит Бертольду Регенсбургскому. Разряды и сословия он рассматривает как аналогию небесной иерархии. Семь последних разрядов он не иерархизирует, они у него «горизонтальные»: это ремесленники и каменщики, кузнецы и плотники, купцы и продавцы пищи, крестьяне, лекари. Честная торговля является идеалом Бертольда, как и других проповедников XIII столетия. В конце XIII — начале XIV в. купечество сконцентрировало в своих руках огромные богатства. Если рыцарь для обоснования своего благородства мог сослаться на предков, то купец мог рассчитывать только на себя. В духе эпохи удачливый купец должен был объяснить свой успех Божьим благоволением.

А.Я. Гуревич пишет: «Не происхождение, а способности и умелое их применение — главное достоинство купца. Купец — *self-made men*» ². С купеческой и предпринимательской верхушкой считалась и королевская власть. Самый «широкий» слой купечества возник в Италии, где профессия купца была морально реабилитирована. В XIV в. купец уже не является путешественником, он превращается в предпринимателя, который, сидя в своей фактории, ведет дела через агентов и переписку.

Купец, медик, правовед должны быть грамотными, поэтому центр тяжести образования перемещался с классического на прикладное.

¹ Гуревич А.Я. Средневековый купец. Одиссей. Человек и история. М., 1990. С. 99.

² Там же. С. 111.

Развивалась деловая корреспонденция, менялся характер письма. Итальянские купцы осваивали иностранные языки. В доме купца, бюргера появляется книга (некогда — монополия духовных лиц). А. Я. Гуревич отмечает, что возникали практические руководства по торговой деятельности, причем «не абстрактное и пренебрегающее повседневной жизнью схоластическое знание, но сведения о конкретном, прикладном и измеримом — вот что находится в центре внимания авторов этих руководств — купцов и предпринимателей»¹. Купеческая, городская жизнь оживала на страницах литературных произведений. В конце XIII в. были изобретены часы и установлены в крупных городах (Милане, Кане, Флоренции, Лондоне, Страсбурге, Падуе, Генуе и др.) как символ деловой жизни.

Следует отметить, что Церковь постоянно боролась с различными еретическими учениями, которые в целом не имели обширной социальной базы. Если говорить о XII столетии, то следует иметь в виду, что с появлением и развитием городской жизни «средневековая двойственность» все резче проявлялась в сферах образования и культуры. Церковь, как уже говорилось, перестает быть единственным носителем образования. Формируется светская культура со своей интеллигенцией: техниками, врачами, правоведами. Возникают внецерковные частные школы, организуемые вокруг того или иного учителя. Возрастал интерес к римскому праву, появлялись юридические школы, которые, как правило, возникали из школ риторики. В Салерно (Южная Италия) в XI в. появилась первая медицинская школа.

На Западе образовалось множество королевств со своими династиями, причем короли обычно считали, что ведут свое происхождение от богов. В глазах простых людей сакральность особы короля «... не сводилась к абстрактному праву управлять церковью, вокруг понятия «король» и вокруг самих королей роились всевозможные легенды и мистические верования. Священный ореол вокруг королей засиял с особой яркостью, когда королевская власть укрепилась, т. е. в XII и XIII вв.»². Сакральность власти, несомненно, исключает любое вмешательство в её дела со стороны профанного населения, а следовательно, исключает политическую публичность как таковую.

Роже Кайуа, известный французский антрополог (1913—1978) писал, что носителем сакрального может стать всё, что угодно. Человек или предмет, не изменившись внешне, все-таки полностью преобразуется, изменяется обращение с ним. «Больше нельзя обращаться с ним как попало. Он вызывает чувство страха и почтения, он предстает как «запретный». Соприкоснуться с ним стало опасно.

¹ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 116.

² Блок М. Указ. соч. С. 373.

Неосторожного автоматически и без промедления постигает кара, так же неотвратно, как огонь обжигает дотронувшуюся до него руку; сакральное — это всегда так или иначе «то, к чему нельзя приблизиться, не погибнув». Это значит, что профанное должно в своих же интересах воздерживаться от близости с ним — близости тем более пагубной, что заразительная сила сакрального действует не только с убийственными последствиями, но и с молниеносной быстротой»¹. Мы не останавливаемся на таком проявлении властно-культурных отношений Средневековья, как деятельность монастырей, орденов, инквизиции, преследование за ереси и т.п. Отметим только, что сакральная власть в этот период укреплялась, стараясь уничтожить на своем пути все, что подвергало сомнению её идеологию, политику, сакральность. Так, радикальный рационализм П. Абеляра, проявившийся в его произведениях «Введение в теологию», «Да и Нет», «Теология», «Диалог между Иудеем, Философом и Христианином», ряде работ по логике, поставил его в центр чреватых неприятностями для его гражданской судьбы теологических дискуссий².

О в «Ведении в теологию» П. Абеляр определял веру как «предположение» о невидимых вещах, недоступных человеческим чувствам, тем самым отрицая влияние веры на земную, повседневную жизнь. Воинствующая реакция христианской ортодоксии выразилась в письмах Бернара Клервосского: «Осмеивается вера простых ... безрассудно обсуждаются вопросы, касающиеся высочайшего, подвергаются поношению отцы за то, что они сочли должным об этих вопросах скорее молчать, нежели делать попытки их разрешить»³. Св. Бернард Клервосский (1091—1153) не относился к тем отцам Церкви, которые находили смысл жизни в гонениях инакомыслящих, он не позволял себе гневных выпадов против философов и диалектиков. Но против Абеляра он вёл борьбу. Он разработал на основе личного экстатического опыта собственное учение о мистической любви и смирении. Св. Бернара Клервосского сильно тревожил рассудочный подход к теологии, чреватый подрывом авторитета власти и Церкви.

Однако попытки обосновать учение, согласно которому рациональное познание и все истины веры предстали бы как элементы единой интеллектуальной системы, не прекращались. Такие попытки предпринимали аверроисты, которые констатировали неразрешимость данного вопроса, а также такие мыслители эпохи, как Бонавентура, Фома Аквинский, Альберт Великий и др.

¹ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с фр. М., 2003. С. 152.

² См. об этом: Абеляр П. История моих бедствий (и другие произведения). М., 1959; Соколов В. В. Указ. соч.; Жильсон Э. Указ. соч. и др.

³ Абеляр П. Указ. соч. С. 129.

Уильям Оккам в ответ на аверроистский кризис предложил своим современникам глубоко систематизированное знание, интегрированное в веру. И, что особенно интересно, появился целый ряд работ политического характера, названия которых говорят сами за себя: «Восемь вопросов о власти верховного понтифика», «Краткое изложение ошибок папы Иоанна XXII», «Диалог о власти императоров и понтификов». Оккам смолоду принадлежал к ордену францисканцев, окончил Оксфордский университет. Будучи еще молодым человеком, был вызван в Авиньон для дачи ответов папской курии по обвинению в ереси (подвергался допросам около четырех лет). Несколько положений из его комментариев к «Сентенциям» было признано еретическими. Однако уже в достаточно зрелом возрасте он выступил против папы Иоанна XXII по вопросу светской власти церкви. В конце мая 1328 г. бежал в Пизу к императору Людвигу Барварскому.

Но идеи о несовершенстве политического плана в эпоху Средневековья оставались доступными лишь узкому слою интеллектуальной элиты и мало влияли на образ мыслей населения. Э. Жильсон пишет о роли философии в средние века следующее: «Если в наши дни рефлексия философа не может не оказывать воздействия на самые общие результаты исторических и социальных наук, в средние века она не могла воздействовать на что-либо иное, кроме Откровения, окончательным выражением которого является догмат»¹.

Средневековая жизнь и средневековая философия не были длительным историческим эпизодом, получившем завершение в самом себе. Область средневековой культуры выступает той сферой, которую уже можно назвать западной цивилизацией. Э. Жильсон пишет: «Для любой западной мысли игнорировать собственное средневековье — значит игнорировать самое себя. Мало сказать, что XIII в. пребывает перед нами: он — в нас, и мы не избавимся от нашей истории, отрицая её, как человек не может быть отделён от предшествующих лет своей жизни, забывая свое прошлое»².

Думается, что, исходя из этого краткого очерка, можно сделать некоторые общие выводы, касающиеся своеобразия средневековой публичной жизни и политики:

1) несомненным остается факт легитимации средневековой идеологией государственной власти, презентации последней населению как богоугодной;

2) эта презентация власти осуществлялась через церковь, систему правосудия, архитектуру и искусство. Средневековье создало соб-

¹ Жильсон Э. Указ. соч. С. 573.

² Там же. С. 577.

ственные средства передачи информации для выработки прочных ценностных установок, реализующихся на поведенческом уровне;

3) усилиями идеологии и публичной политики (несмотря на многочисленные военные и иные конфликты, требовавшие коллективных действий) в эпоху Средневековья происходило смещение публичной жизни в сторону частного;

4) идея, конституирующая превалирование частной жизни над публичной, состояла в обосновании тождества земного порядка вещей и Церкви, необходимости смирения и покорности перед лицом Божественной воли, сакрализации власти.

ОЧЕРК VI

Публичность в немецкой классической философии

Выше мы заметили, что связь морали или системы общественных ценностей с публичной политикой, впервые описанную римскими авторами, исследователи не оспаривают и по сей день.

В XIX в. философско-правовую категорию публичности исследует Иммануил Кант. Он определяет публичность как необходимое условие правового состояния государства: «Совокупность законов, нуждающихся в обнародовании для того, чтобы создать правовое состояние, есть *публичное право* (курсив *И. Канта*, — А. Б.). Оно... представляет собой систему законов, изданных для народа... или для множества народов, которые, оказывая друг на друга влияние, в правовом состоянии, когда действует одна объединяющая их воля, нуждаются в конституции, чтобы пользоваться тем, что основано на праве...»¹.

Немецкий политический философ Георг Гайзман пишет, что идея частного права у Канта с необходимостью порождает необходимость публичного права. Он отмечает, что в естественном состоянии, даже если допустить, что все «... люди идеально добры и имеют правовой образ мыслей, во всякое время возможен принципиально неразрешимый конфликт, связанный с правами каждого. Такая возможность исключает всякую обеспеченность правообладания. Поэтому из самого этого права в его конкретизации в частном праве вытекает постулат чистого правового практического разума оставить это (естественное) состояние отсутствия права и перейти в (гражданское) состояние публичного права, в котором всеобщей принудительной властью по закону определены и обеспечены права каждого»².

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. С. 687.

² Гайзман Г. Свобода и право: Политическая философия Канта и современность. Нижневартовск, 2003. С. 87. У И. Канта об этом см.: Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 167, 176, 226, 232.

Согласно учению Канта об идеальном государстве, оно может осуществлять свои функции, не только разделяя «три власти — верховную власть (суверенитет) в лице законодателя, исполнительную власть в лице правителя, правящего по закону, и судебной власти ... в лице судьи»¹, но и подчиняя деятельность всех ветвей власти общему для них принципу публичности. В гармоничном взаимодействии различных властей государства, необходимо подкрепляемом публичностью, Кант видит «... благо государства, подразумеваемого как высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами»².

В 1795 г. Кант выводит принципы внешней политики государств, по его мнению, *гарантирующих «вечный мир»*. Такой вечный мир мыслится Кантом как правовое объединение всех государств Земли в «общность граждан мира», во «всеобщее государство народов» с общими принудительными законами³. В своей работе «К вечному миру» Кант разрабатывает те шаги, которые должно сделать человечество на пути к этому состоянию. Один из принципиальных шагов — заключение международного договора. Кант имеет в виду не юридический договор, а философский проект, естественное содержание которого является не чем иным, как «публичным правом человека вообще»⁴.

В числе максим такого государственного управления он снова рассматривает публичность, без которой «... ни один мирный договор не может считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны»⁵.

Взаимное доверие государств как гарантию мира философ видит в отказе от тайных, *непубличных, политических действий* договаривающихся сторон даже во время войны: «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла... отравителей... нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене ... в государстве неприятеля и т. д.»⁶

Подобно Аристотелю, Кант дает этическую оценку публичности, но не как норме человеческого поведения или образа жизни, а как *максимы политического управления*. Он противопоставляет публичность в

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. С. 690.

² Там же. С. 696

³ См.: Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 342.

⁴ Кант И. К вечному миру / Кант И. Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 402—403.

⁵ Кант И. Метафизические начала естествознания. М., 1999. С. 1192.

⁶ Кант И. Указ. соч. С. 1195.

политике государств «безнравственной политике хитроумных уловок ... лжепредставителей сильных мира сего»¹.

Развивая учение о публичности как общем принципе политики и права, Кант выделяет формы публичности, возможность и источник которых находится в любом правовом притязании. Он пишет: «Без гласности не может существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только публично известной²), стало быть, и никакое право, которое исходит только от нее»³.

Трансцендентальная формула публичного права, по Канту, необходимо включает в себя публичность: «Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью»⁴.

Выше мы уже упоминали о том, что античные философы пытались давать этическую оценку публичности: то как образу жизни, то как идеальному политическому правилу. Кант также предлагает рассматривать принцип публичности как *императив и юридический* (касающийся права людей), и *этический* (относящийся к учению о добродетели)⁵.

Благодаря тому же принципу публичности, по Канту, даже «право народа на выражение публичного намерения восстать против установленного государственного устройства»⁶, является безопасным для государственного порядка, оговорившего в законодательстве принцип публичности. «Несправедливость восстания явствует ... из того, что *публичным* признанием восстания максима его сделала бы его невозможным...», — делает вывод философ. В области международного права Кант считает справедливыми только те нормы, которые согласуются с публичностью: «Максимы, которые совместимы с публичностью, тем самым справедливы. Тому, кто обладает твердой верховной властью, нет необходимости скрывать свои максимы»⁷.

Однако реальная повседневная политика, по Канту, не руководствуется моральными максимами, «совместимыми с публичностью», а использует принцип публичности выборочно: тогда, когда это ей выгодно, она согласуется с нормами морали, в других случаях, сулящих выгоду части политиков, она ими пренебрегает. Кант пишет, что существует «... двуличность политики по отношению к морали: то тем,

¹ Там же. С. 1229.

² Курсив И. Канта.

³ Кант И. Указ. соч. С. 1234.

⁴ Там же. С. 1235.

⁵ Там же.

⁶ Кант И. Указ. соч. С. 1236.

⁷ Там же. С. 1238.

то другим ее учением политика пользуется для своей цели. Политика легко соглашается с моралью (с этикой), когда речь идет о том, чтобы подчинить право людей произволу ее правителей, но с моралью ... как учением о праве, перед которой ей следовало бы преклонить колена, она находит нецелесообразным входить в соглашение... Коварство боящейся света политики легко парализовала бы философия, обнаруживая ее максимы, если только политика решилась бы на то, чтобы обеспечить философу публичность его максим¹.

Интересно, что весомую роль в продвижении к вечному миру Кант отводит философам. Причем роль философа возрастает, если речь идет о необходимости военных действий в связи с нарушением каким-либо государством правил мирного урегулирования проблем или ущемлением прав какого-либо государства. В ситуации конфликта государства должны прислушаться к философам, «к профессиональному гостю разума», причем отношения государей с философами — единственный пункт, который должен быть не публичным, а тайным. По этому поводу Кант формулирует «тайную статью договора о вечном мире»². Но отношения философов и власти у него далеко не тождественны платоновскому требованию государей-философов. «Напротив, желательно, чтобы каждый занимался своим собственным делом, «так как обладание властью неизбежно повреждает свободное суждение разума». Достаточно и идет на пользу как политике, так и философии, как установлению мира, так и размышлению об этом, если это размышление происходит публично, если, стало быть, не допускают, чтобы исчез или умолк класс философов», а дают ему «возможность выступать публично»... Кант характеризует статью, проясняющую роль философа в политике, как единственную, которая... может (и даже должна) быть тайной»³.

Как видим, Кант считает публичность в смысле гласности и свободы слова в качестве гарантией против злоупотребления политической власти.

В заключение своего исследования публичности Кант делает вывод о том, что она является необходимым условием эффективности и права, и политики. Он пишет: «Все максимы, которые *нуждаются* в публичности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой»⁴. Однако ресурсов одной публичности для эффективности реальных права и политики, по мнению Канта, недостаточно:

¹ Там же. С. 1240.

² Кант И. К вечному миру. Добавление второе // Кант И. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 424—425.

³ Гайзман Г. Указ. соч. С. 112.

⁴ Кант И. Метафизические начала естествознания. С. 1252.

«Если они (политики) желают достигнуть своей цели только благодаря публичности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) — истинная задача политики». В идеальном же, гипотетическом случае соответствия политических максим государства с правовыми, по мнению Канта, «... эта цель (делать общество довольным своим состоянием) достижима *только* благодаря одной публичности»¹.

Таким образом, принцип публичности права философ распространяет на область внешней политики и межгосударственных отношений. Дефиниция публичности политики и права у Канта включает в себя признаки открытости и гласности правовых и политических процедур.

В ходе исследования реальной и идеальной политики государств Кант углубляет инструментальный характер политической публичности, открытый древнеримской политико-философской школой. Философ видит *ресурс* эффективности публичности в ее *приверженности моральным ценностям общества* (соответствие «общим целям общества»). Публичность, по Канту, является гарантом от злоупотреблений в политике и представляет собой ни что иное как общий моральный критерий для политики и права.

Моральный элемент публичности содержится в дефинициях публичного (общественного) у многих современных ученых. Так, например, Э. Ноелле-Нойман включает в свое определение публичности ценностные оценки, наличие которых оберегает субъекта публичной политики от потери индивидуальности, «собственного лица». Субъект публичной политики не должен «раствориться» в поле публичности. Э. Ноелле-Нойман говорит о том, что «... в публичном дискурсе отдельная личность не самоизолируется, не теряет свое лицо... Исходя из этого, выводят дефиниции общественного мнения, нагруженные в моральном и ценностном отношении. Мнения и образцы поведения, которые — если речь идет о прочно установившемся согласии — ... должны выражать публично, если личность не желает самоизолироваться, или возможные изменяющиеся выражения публичности без самоизоляции от общества... Свою силу, свою устойчивость против такой изоляции общественное мнение черпает в моральном элементе публичности»².

В целом, рассматривая вклад Канта в изучении феномена публичности следует отметить, что с помощью своего метода исследования философ способствовал формированию целостной картины мира, места человека в нем, принципов его взаимодействия с окружающим миром.

¹ Там же. С. 1241.

² Noelle-Neuman E. Die Schweigespirale. Frankfurt a / M., 1982. S. 9.

По сравнению с другими социально-философскими учениями, в дефиниции публичности у Канта особый акцент сделан на аксиологической составляющей этого социального явления. По нашему мнению, акцентирование, по существу, одной воспитательно-гуманитарной функции публичности у Канта *идеализирует* ее содержание и социальное значение, оттесняя ее другие стороны. *Инструментально-прагматического характера публичности он, по существу, не раскрыл.*

Не удалось это и И.Г. Фихте. Он не считал публичную жизнь и вообще жизнь в государстве неотъемлемой, имманентной характеристикой человеческих сообществ. В 1794 г. в «Лекциях о назначении ученого» он писал: «Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человечества, чтобы ни говорил об этом один великий человек (Кант), но она есть *средство*, используемое лишь при определенных условиях, для основания совершенного общества. Государство стремится к своему собственному уничтожению»¹. А два десятилетия спустя в «Учении о праве» он развивает мысли относительно ненужности закона в нравственном обществе, где все люди нравственны, имеют единую волю и не нуждаются в законе для координации своих действий. И.Г. Фихте пишет: «Нравственный закон не может противоречить себе в своих заповедях к отдельным людям и в своих задачах. Что заповедано одному, то, несомненно, никогда не заповедано другому. Если поэтому каждый подчинен исключительно нравственной заповеди, как её инструмент, то без его умысла и воли и сами по себе они никогда не сталкиваются друг с другом. Как по неизбежному естественному закону, их пути разведены между собой. Следовательно, если нравственный закон действует, он не нуждается в особом правовом законе»².

В плане необходимости публичной политики Фихте полагал, что действие нравственного закона невозможно без развитых структур общения всех со всеми. Государство для Фихте есть позитивный правопорядок, на смену которому придет «царство» как нравственный порядок, и в итоге должно наступить космополитическое царство разума. Однако в ходе этого процесса должны быть распространены национальная идея и патриотическое единство нации, «... ядро которого, — отмечает Г. Гайман, — в свою очередь составляет единство языка. Необходимой и решающей предварительной ступенью всемирного царства разума является национальное государство, особенно немецкое национальное государство... И тогда говорится: «Кроме того, именно она (*любовь к отечеству*. –А. Б.) должна так править госу-

¹ Фихте И.Г. Лекции о назначении ученого // Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М., 1995. С. 492.

² Там же. С. 516.

дарством, чтобы полагать ему самому более высокую цель сохранения внутреннего мира, собственности, личной свободы, жизни и благополучия всех»¹.

Если Фихте и считал необходимой публичную жизнь и публичную политику, то только для осуществления космополитического «царства разума», и интериоризации патриотической национальной идеи. Несмотря на весьма различные исходные позиции, Кант и Фихте ставили в центр своих рассуждений учение о нравственности. В этой связи хотелось бы привести мысль А. Макинтайра, который делает упор на «... важность того бесспорного факта, впоследствии много раз упоминаемого, что предмет моральной философии: оценочные и нормативные концепции, максимы, аргументы и суждения, являющиеся предметом исследования морального философа, — не может быть найден ни в каком другом месте, за исключением исторической жизни конкретной социальной группы; таким образом, этот предмет обладает отчетливыми характеристиками исторического существования... Невозможно найти ничью мораль, не принадлежащую ни к какому конкретному обществу. Есть мораль Афин четвертого века, есть мораль Западной Европы XIII в., имеется масса таких моральных взглядов, но где взять *мораль как таковую*. Кант, конечно, верил, что он успешно ответил на этот вопрос»².

Совершенно иной уровень рассмотрения публичности мы видим в политико-правовом учении Г.В.Ф. Гегеля. Гегель не считал, подобно Канту, что природа человеческого разума такова, что человек как существо рациональное не только соглашается с верными концепциями, но и мотивирует ими свое поведение. Гегель в этом смысле был «историцист»³.

Принципы гласности и доступности для всеобщего понимания являются одними из важных признаков наличного бытия закона в гегелевской «Философии права»: «Необходимо, чтобы законы были доведены до всеобщего сведения... Развешивать законы так высоко, чтобы их не мог прочесть ни один гражданин, как это делал тиран Дионисий. Или похоронить их в просторном научном аппарате ученых книг, ... да еще все это на чужом языке, так что это знание действующего права становится доступным лишь тем, кто подходит к нему с достаточной образованностью, — все это одинаково неправомерно...»⁴.

¹ Гайзман Г. Указ. соч. С. 154—155.

² Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. М., 2000. С. 358.

³ Так называет Гегеля А. Макинтайр. См.: Там же. С. 359.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права // Немецкая классическая философия. М.; Харьков, 2000. Т. 1: Право и свобода. С. 529.

На наш взгляд, намного опережающей свое время явилась мысль Гегеля о том, что важнейшие области общественного хозяйства и производства также должны быть понятными и доступными гражданам. Но правовые области жизни непременно должны быть публичными. Например, судопроизводство в современном государстве должно также быть публичным, осуществлять его имеет право лишь суд.

Гегель пишет: «Право, вступившее в наличное бытие в форме закона, есть для себя, самостоятельно противостоит *особенному волеию* и мнению о праве и должно сделать себя значимым как *всеобщее*. Это познание и осуществление права ... принадлежит *публичной* власти, суду»¹, — считает философ и перечисляет права субъективного сознания как на «... *публичное* оглашение законов, так и на возможность *знать* осуществление закона в особом случае, а именно ход внешних действий, правовых оснований и т.д. Поскольку судебный процесс в себе общезначим, то, хотя отдельный случай по своему значению касается только интереса тяжущихся сторон, всеобщее его содержание относится к заключающемуся в нем праву, и интересы суда затрагивают всех, поэтому *судопроизводство должно быть публичным*»².

По Гегелю, открытость и гласность хода судебного заседания обусловливают справедливость и *легитимность* его судебного решения: «Публичность судопроизводства признается здравым человеческим рассудком справедливой и правильной... Именно поэтому в право входит доверие граждан к нему, и эта сторона права требует публичности судопроизводства. Право требовать публичности судопроизводства основано на том, что цель суда есть право, которое в качестве всеобщего должно совершаться в присутствии всеобщего...»³. Ресурс расширения публичности судебного разбирательства Гегель видит в рассмотрении судебного иска судом присяжных⁴. Важным для публичного понимания сути происходящего в судопроизводстве философ считает терминологию, понятную не только одному «замкнутому сословию тех, кто составляет законы», но и всем тем, «кто присутствует на суде физически»⁵.

Особое внимание Гегель уделяет функциям публичной власти, которые исследует в рамках своей теории государства. В области управления государственными делами он считает обязанностью публичной власти «... надзор и мероприятия ... над всеобщими делами и общепользными мероприятиями, ... такими, как доставление и

¹ Там же. С. 534.

² Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 537.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 540.

⁵ Там же. С. 541.

обмен средств удовлетворения повседневных потребностей граждан»¹.

Выше мы уже упоминали о том, что в компетенцию афинского полиса, по Аристотелю, также входили эти обязанности. Гегель согласен с Аристотелем в том, что публичная власть обязана регулировать цены на общепотребительные товары, контролировать состояние общественно значимых сооружений. Новой обязательной функцией публичной власти Гегель считает обеспечение гражданам необходимой «всеобщей наличной возможности для достижения индивидуальных целей» через полицейский надзор и опеку со стороны государства².

Изучая принципы функционирования публичной государственной власти, Гегель пытается найти гарантии от злоупотребления ею со стороны чиновников. Он пишет: «В поведении и культуре чиновников находится та точка отсчета, где законы и решения правительств... проявляют свою силу в действительности». По мнению Гегеля, такими гарантиями против злоупотреблений чиновников являются, во-первых, контроль за деятельностью госслужащих со стороны их руководителей, а во-вторых, контроль за ними со стороны объединений граждан.

Он справедливо полагает, что «... обеспечение защиты государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности, с другой стороны, в правах общин, корпораций, посредством чего привнесением субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ставится для себя препятствие, и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу»³.

Современный германский обществовед Т. Тимайер, отталкиваясь от гегелевской концепции публичности как средства контроля над деятельностью чиновников, замечает, что контролирующие функции могут выполнять как отдельные лица, так и общественные институты. Он утверждает, что «... формы артикуляции публичности могут быть самыми разнообразными. Публичность могут выражать парламенты, партии, социальные слои, граждане какого-либо отдельного региона. Публичность — это как бы та же самая улица»⁴.

Изучая феномены публичности законодательной власти, Гегель утверждает, что публичность проявляется двояко: во-первых, при открытом и гласном проведении законотворческой деятельности, во-вторых, при принятии ее решений выборными лицами — депу-

¹ Там же. С. 544.

² Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 545.

³ Там же. С. 618.

⁴ Thiemeyer T. Wirtschaftslehre. Wiesbaden, 1975. S. 227.

татами: «Если вводится представительство, то это означает, что согласие должно быть дано не всеми, а только уполномоченными на это лицами... Представительство основано на доверии... Человеку оказывают доверие, когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моим делом, как своим, прилагая к этому все свое знание»¹.

Как гарант народовластия депутат, полагает Гегель, должен отвечать определённым требованиям. Соответствие этим требованиям он считает чрезвычайно важным для осуществления народовластия. Он писал: «Важно, чтобы тот, кто представляет сословие, обладал характером, пониманием и волей, соответствующими его задаче быть привлеченным к рассмотрению всеобщих дел», только в таком случае этот «... индивид в качестве абстрактного единичного получит слово, его интересы обретут значимость в собрании, где речь идет о всеобщем.»².

Смысл публичности представительных органов власти, по Гегелю, заключается в более глубоком понимании выборными лицами народных нужд: «Направление депутатов как исходящее от гражданского общества имеет... тот смысл, что депутаты знакомы с его специальными потребностями, препятствиями, особенными интересами и сами проникнуты ими. Поскольку депутаты соответственно природе гражданского общества направляются его различными корпорациями... направление депутатов гражданским обществом непосредственно удовлетворяет упомянутой точке зрения... депутаты являются ... представителями одной из существенных сфер общества, представителями его крупных интересов»³.

Гегель считает публичность причиной значимости института представительной власти для гражданского общества: «Решающее определение института сословного представительства состоит в том, что... посредством участия депутатов в знании, обсуждении и решении всеобщих дел момент формальной свободы обрел свое право применительно к не принимающим участие в правительстве членам гражданского общества, таким образом, посредством *публичности* прений сословных представителей утверждается, прежде всего, момент всеобщей осведомленности»⁴.

Углубляя свою мысль о необходимости публичной осведомленности общества о внутренней политике государства, Гегель выделяет в качестве важного элемента публичности общественное мнение, «...

¹ Гегель. Философия права. С. 633.

² Там же. С. 634.

³ Гегель. Философия права. С. 635.

⁴ Там же. С. 637.

приводящее к истинным мыслям и к пониманию состояния и понятия государства и его дел»¹.

Гегель исследуя функции общественного (публичного) мнения, выделяет пять важнейших из них. По его мнению:

1) общественное мнение «... служит пониманию гражданами состояния и понятия государства и его дел и тем самым достигает способности судить о них более разумно»;

2) оно «... знакомит с делами и учит уважать таланты, добродетели и навыки государственных властей и должностных лиц»;

3) публичность в форме общественного мнения служит «... средством против самомнения единичных лиц и массы и важнейшим средством их образованности»;

4) публичность народных собраний является «... превосходным воспитывающим зрелищем для граждан, ведь на этом примере народ лучше всего учится понимать, в чем состоят его истинные интересы»;

5) «... публичность — величайшее формирующее средство для государственных интересов... благодаря ему каждый акт палат становится известным»².

6) До Гегеля в Средние века Н. Макиавелли также пропагандировал инструментализм публичности. Выступая апологетом «свертывания» римской публичности, он находил законы того времени, ограничивавшие народовластие, «правильными». Так, например, введение вместо избрания консулов их назначения он считал правильным, объясняя нововведение «испорченностью нравов» избирателей в Риме, «развращенном городе». Макиавелли советовал своему патрону в том же духе поступать с публичностью в своем государстве³.

Современные политологи разделяют гегелевскую установку на функциональность публичного мнения. П. Бурдые, например, также считает важнейшей функцией публичности создание у общества представления о том, что власть считается с общественным мнением. Он пишет: «Зондаж общественного мнения в сегодняшнем виде — это инструмент политического действия, его, возможно, самая важная функция состоит во внушении иллюзии, что существует общественное мнение как императив...»⁴.

Н. Луманн, описавший языковые и визуальные формы выражения публичного мнения и его интериоризации сознанием населения, находит, что, благодаря «... образованию форм общественного мнения,

¹ Там же. С. 637.

² Гегель. Философия права. С. 638.

³ Там же. С. 162.

⁴ Бурдые П. Указ. соч. С. 163.

оно приобретает такие своеобразные роды и виды, что становится возможным «манипуляция» им»¹.

Ш. Махура, изучивший функцию контроля общественного мнения над деятельностью муниципальных органов власти, полагает, что оно создает вокруг них — такую обширную область публичного интереса, что в поле зрения общественности, «присматривающей» за ними, попадают и персональный состав муниципального образования, и тематика, и процедура принятия им решений. Вот что он пишет: «Публичность предполагает формирование сферы общественного (публичного) мнения вокруг предмета общественного интереса. Общественное мнение оказывает существенное влияние на предмет общественного интереса, в определенной мере держит его под контролем. Так, если предметом общественного интереса является деятельность муниципальных органов власти, то общественное мнение влияет и на персональный состав их публичных органов, и на круг и порядок принимаемых ими решений»².

Публичное выражение мнений группы лиц, по Гегелю, не исключает права отдельного лица на собственное суждение, которое он рассматривает наряду с правом группы лиц на выражение общественного мнения, как необходимый элемент свободы: «Формальная объективная свобода, заключающаяся в том, что единичные лица как таковые имеют и выражают свое *собственное* суждение, мнение и могут подать свои советы, касающиеся всеобщих дел, проявляется в той совместности, которая называется *общественным мнением*. В нем в себе и для себя всеобщее, субстанциальное и истинное связано со своей противоположностью, состоящей в для себя собственном и особенном мнении многих... общественное мнение есть неорганический способ познания того, чего народ хочет и мнит... Общественное мнение было во все времена большой силой...»³.

Констатация влияния публичного мнения на принятие многих решений вовсе не значит, по Гегелю, что его всегда необходимо считать правильным, так как в нем «... содержится все ложное и истинное одновременно»⁴. Наш современник П. Бурдые продолжает эту мысль, высказанную германским философом более 150 лет тому назад: «Общественное мнение ... есть попросту чистейший *артефакт*. Его назначение — скрывать то, что состояние общественного мнения в данный момент суть система сил, напряжений и что нет ничего бо-

¹ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000. S. 289.

² Machura S. Die Kontrolle oeffentlicher Unternehmen. Wiesbaden, 1993. S. 318.

³ Гегель Г. В. Ф. С. 639.

⁴ Там же. С. 640.

лее неадекватного, чем выражать состояние общественного мнения через процентное соотношение»¹.

На амбивалентность общественного мнения указывает и Н. Луманн: «Публичность не гарантирует достоверных знаний о том, как на нихотреагирует общественная система... Она является... символом интранспарентности, порождаемой с помощью транспарентности»².

Представляется важным следующее обстоятельство: Гегель высказывает положение о том, что общественное мнение не следует учитывать при проведении той или иной политики. Политика, по Гегелю, должна действовать независимо от того, как ее оценивает публика, так как, по мнению философа, общественное мнение не всегда компетентно: «Так как общественное мнение не обладает в себе ни масштабом различения, ни способностью поднять в себе субстанциальную основу до определенного знания, то независимость от него есть первое формальное условие совершения чего-либо великого и разумного...»³. Намного позже П. Бурдые также обоснует, но несколько иначе, необязательность учета общественного мнения при проведении политики: «Те, кто рассматривает себя как выразителей мнения группы, официальных лиц, имеют право пренебрегать в своей публичной деятельности и даже в своей частной жизни официальным почитанием коллективного идеала»⁴.

Описывая публичность в современной ему политике, Гегель выделяет ее новый признак, на котором не заостряли внимания античные и средневековые авторы — **свободу слова**. Философ понимает ее **как свободу публичного сообщения общественного мнения, безопасного для государства** даже в случае критики им существующего государственного устройства, ведь «... прочность правительственной власти основана ... на публичности сословных собраний — на публичности, поскольку в этих собраниях прежде всего выступают те, кто способен высказать основательное и связанное с высоким уровнем образованности понимание государственных интересов»⁵.

В конце XX в. Н. Луманн, развивая гегелевское определение свободы слова, считает, публичность «средством тестирования человеческого разума» и «эквивалентом истины для функциональной области политики»⁶.

¹ Бурдые П. Указ. соч. С. 163.

² Luhmann N. S. 285.

³ Ibid.

⁴ Бурдые П. Указ. соч. С. 324.

⁵ Гегель Г. В. Ф. С. 641.

⁶ Luhmann N. S. 280.

Таким образом, в теоретико-концептуальном наследии Гегеля дефиниция «публичность» получила дальнейшее уточнение. Философ впервые выделил такие ее критерии, как *открытость судопроизводства и законодательной деятельности государства и свободу слова*. В философии права Гегель впервые указывает на дополнительные возможности судопроизводства для углубления публичности: применение более ясной юридической терминологии, понятной и непрофессионалу, а также рассмотрение судебного иска судом присяжных. Впервые в философии права *публичность объявляется важнейшей предпосылкой его легитимности*. Концепция легитимности организационных решений, руководствующихся принципом публичности, у Гегеля распространяется с судебной системы на систему *органов представительной власти*.

В теории государства к функциональным обязанностям публичной власти Нового времени Гегель относит контролирующие функции публичности: надзор над учреждениями и мероприятиями, удовлетворяющими повседневные потребности граждан, ценообразованием, а также обеспечение правопорядка в государстве.

Признав, что публичной властью в государстве могут злоупотреблять, Гегель разрабатывает механизм противостояния подобным явлениям, состоящий в одновременном осуществлении контроля над вертикалью власти со стороны, как вышестоящих контрольных государственных органов так и общественности.

Как мы говорили выше, Гегель впервые исследовал феномен публичности законодательной власти. Он выделил две ее формы открытое и гласное проведение законотворческой деятельности и принятие решений выборными лицами. Первым из обществоведов философ обратил внимание на смысл второй формы, который заключается в более глубоком понимании выборными лицами проблем общества. В качестве важного элемента публичности Гегель выделяет *общественное (публичное) мнение*. Впервые в обществоведении он пытается применить системный подход к изучению этого феномена. С его помощью философ четко выделяет функции публичности: разъясняющую, информативную, воспитательную, образовательную, коммуникативную.

Право на собственное мнение как первооснову мнения публичного Гегель провозглашает одним из основных прав человеческой личности. Одним из первых в обществоведении он обращает внимание на амбивалентность общественного мнения: несмотря на его релевантность для самого общества, в политике оно необязательно должно учитываться из-за его «неспособности подняться до уровня определенного знания». В целом вклад Гегеля в углубление понимания социально-философского явления публичности представляется

нам чрезвычайно разносторонним: он углубил понимание публичности права, государства, исследовал функции и значение общественного мнения.

Избранный им метод философского исследования публичности, однако, адекватен мировоззренческой и мыслительно-теоретической и критической функциям этой дисциплины. Он способствует формированию целостности картины мира и принципов взаимодействия человека с ним, учит концептуально мыслить и создавать мыслительно-логические схемы, системы окружающего нас мира, подвергать сомнению его и существующее знание, вскрывать их противоречия, искать новые черты и закономерности окружающей действительности и в конечном счете расширять границы нашего познания мира. Ограниченность гегелевского подхода к изучению публичности проявляется в его рационализме: знание о предмете своего исследования философ приобретает чисто умозрительно, логически, без учета современного ему опыта.

ОЧЕРК VII

Проблема соответствия нормативного и эмпирического содержания современных моделей публичности

Проблему несоответствия нормативного и эмпирического содержания современных форм публичности поставил Ю. Хабермас. Он заметил, что при употреблении обществоведами и публицистами выведенной в начале 20-х г.Ф. Теннисом дефиниции публичности, понимаемой как *«сфера обмена и образования мнения людей, необходимо приводящая их к разумному итогу споров»*, наблюдался диссонанс ее нормативного и эмпирического содержания. Ю. Хабермас замечает, что *«... общественная и политическая повседневность доказывает обратное»*.¹

Наверное, нет ни одной страны, для которой соотношение нормативного и реального, эмпирического содержания форм публичности не была бы актуальной. Ученые, исследующие состояние и перспективы развития российского гражданского общества, его институтов, фиксируют эту проблему. Р.Э. Бараш в своей работе «Гражданское общество как пространство свободы» пишет: «Похоже, что в России, в отличие от зарубежной традиции, невозможно свести гражданское общество к некоммерческим организациям и институтам третьего сектора. Возможно, из-за низкого уровня развития горизонтальных связей, возможно, в виду отсутствия традиции институционализированной общественной солидарности. Не последнюю роль играет низкое межличностное доверие, как и почти полное отсутствие доверия институтам государства. Алексей Левинсон, например, низкий уровень доверия граждан институтам государства и власти считает производным от несостоявшегося в России общественного договора между гражданами и властью. Причину этого А. Левинсон видит в признании властью прав субъектности только за собой, и, таким об-

¹ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a / M., 1981. B. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. S. 12.

разом, полном исключении возможности диалога с гражданами».¹ С активными в политическом плане гражданами или обывателями? Социолог Алексей Левинсон в своей «Политике для обывателей» говорит, что «активная часть общества — это та часть жизни, в которой мы участвуем, тогда как на остальной территории мы просто живем. Там мы — обыватели».² Соотношение «объемов» той жизни, в которой мы участвуем, и той, в которой мы живем — неизвестно (в масштабе страны). Но очевидно, что пространство публичности в её нормативном ракурсе качественно не развито.

Ученые, исследуя гражданское общество в контексте российских СМИ, показывают, что в информационном пространстве «по сути, борьба внутри различных групп гражданского общества идет за транслирование своей мировоззренческой системы координат и своей системы ценностей в качестве нормативной. Представляется, что формирование в массовом сознании того или иного восприятия гражданского общества во многом зависит от того, каким образом деятельность различных его структур отражается в средствах массовой информации. Тем самым мы предполагаем, что в современной российской действительности воспроизводится ситуация, где «бытие есть факт высказывания: это означает просто-напросто, что не существует никакой додискурсивной реальности. Всякая реальность основывается на дискурсе и определяется в нем».³

В пространстве российских СМИ ставятся вопросы, само обсуждение которых «кричит» об отсутствии необходимого обществу публичного пространства. Например, когда российских граждан часами учат на ТВ «успешно» реализовывать свои права через суды, жалобы в различные инстанции, вплоть до президента, как не попасть в беду, например, не отравиться реализуемыми просроченными продуктами и пр., — это вряд ли поможет людям, поскольку нормальный россиянин просто не имеет для таких дел времени: он работает. Телевидение в подобных случаях не устанавливает каналы взаимодействия граждан с властью, а фиксируют глубокую аномию институциональной системы. Исследование вопросов о том, какова социальная база публичности, как идет процесс институционализация общественности, так или иначе оценивающей политические события, — в главных своих ракурсах остается делом будущего.

¹ Бараш Р.Э. Гражданское общество как пространство свободы. Электронный ресурс: <http://www.civisbook.ru>

² Левинсон А. Политика для обывателя. / Интернет ресурс: <http://polit.ru/author>

³ Бардин А. Л., Кокарева А. Н., Михайлова Е. В. Гражданское общество в дискурсе российских СМИ. / Власть, 2014, № 12. С. 131.

Отсюда — весьма важный и актуальный вопрос: является ли публичность лишь историческим понятием, пригодным для исследования обществ прошлых времен, подверглась ли она изменениям, и если «да», то каким, правомерно ли употребление дефиниции публичности в настоящее время? Ю. Хабермас ищет ответ на этот вопрос в своей работе «Структурное изменение публичности», обращаясь к философской, исторической, политологической и социологической литературе. Он анализирует массу фактов из истории Англии, Франции и Германии последних веков. На их основе Хабермас реконструирует возникновение феномена гражданской публичности во Франции и Англии в течение XVIII в. и в Германии в первой половине XIX в. А это было время, предшествовавшее революциям 1848—1849 гг.

За исходную точку отсчета истории публичности Хабермас выбрал время появления на общественной арене как гражданской общественности («публики»), так и частных лиц, вступивших друг с другом в публичный диалог различных экономических, политических, культурных событиях своего времени.

Возникшая тогда в Германии гражданская публичность выполняла *просветительские функции, отчетливо направленные против феодализма*. Социолог устанавливает, что, несмотря на многообразие формы гражданской публичности в Западной Европе, всем им были присущи общие черты: *добровольное членство, отсутствие организационной иерархии, свобода выражения личного мнения, дискуссионный характер собраний, общественно-политическая актуальность обсуждаемых проблем*. Хабермас пишет, что «... общества просветительские, объединения образовательного характера, таинственные масонские организации закрытого типа и орден иллюминатов явились теми самыми ассоциативными объединениями, которые конституировались на основе принятия индивидуумом свободного решения, т.е. решения частного характера, о своем членстве в данном обществе или организации. Их члены рекрутировались на добровольной основе, с практиковавшимися внутри таких обществ эгалитарными формами общения, свободой дискуссий, принятием решений по принципу большинства и т.д. В таких социететах можно было тренироваться в выработке политических норм равноправия будущего общества»¹.

В западноевропейском обществе XIX в. (по Хабермасу, в «обществе организованного типа» (Organisationgesellschaft)) происходит более сильное, чем в прошлом веке, разграничение системы занятости и приватной сферы отдельной семьи. А «система занятости», как отмечалось выше — пространство нашей гражданской активности. Насколько занятость граждан будет продуктивной, определяется со-

¹ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt a / M., 2002. S. 14.

стоянием экономики, её способностью к развитию и вытекающими из этого социальными и культурными последствиями, которые меняют приватную сферу жизни людей.

Ю. Хабермас отмечает: «Организованное общество возникает в качестве реализации его организационного уровня в противоположность широкой сети его интеракций... Область частной жизни дифференцируется от него через семью, контакты с соседями, приятельские отношения и вообще через неформальные отношения ... одновременно происходит социально-специфическое изменение таких долговременных тенденций, как рост городов, бюрократизация управления, концентрация производства, изменение структуры потребления населения, увеличение свободного времени. Это теоретическая точка отсчета изменений частной сферы»¹. Приватная сфера развитого буржуазного общества XIX в. создает предпосылки для формирования в ней личности, а затем и слоя лиц, активно интересующихся событиями во всех сферах общественно-политической и экономической жизни.

Взаимосвязь развития публичности и свободы как фактор развития личности отмечает Жак Маритен. Он пишет, что политическая задача по сути своей есть задача цивилизации и культуры, задача помощи человеку в деле завоевания свободы собственного развития или автономии². Но свобода немислима в обществе как «совокупности детерминант» неравенства, проявляющегося в неравном доступе граждан к материальным и духовным благам, дифференциации по уровню и качеству жизни. Ю. Хабермас, приводит высказывание Зигфрида Ландсхута как реакцию социолога на расхождение нормативного и реального содержания в сфере рационального права: «Общество — это всего лишь рубрика, под которой сводятся напряжения, противоречия и сомнительные вещи, получающиеся в результате воздействия идей свободы и равенства».³

Ю. Хабермас пишет, что Маргарет Тетчер среди политиков представляет собой подлинно «постмодернистское явление», так как видимо поняла обозначенную взаимосвязь и выдвинула лозунг, что «во все не существует» ни общества, ни чего-либо подобного. «И в сфере публичной политики конфликты, вырисовывающиеся сегодня на национальном, европейском и международном уровне, черпают свою тревожащую силу только на фоне нормативного самопонимания, со-

¹ Habermas J. Op. cit. S. 24—25.

² Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. М., 2000. С. 57.

³ Landshut S. Kritik der Soziologie. Neuwied, 1969. S. 85. Цит. по: Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. / Хабермас Юрген. Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. С. 106.

гласно которому социальное неравенство и политическое угнетение не даны «от природы», а продуцируются в обществе — и потому они, в принципе, устранимы. Но, начиная с 1989 года, как будто бы все больше политиков говорят: «Если нам теперь не по силам разрешать конфликты, то мы, по крайней мере, должны притупить остроту критического взгляда, превращающего конфликты в *вызовы*».¹

В середине XIX в. активные граждане образуют политические партии — новую институционализированную форму публичности. Ее специфика заключается в предназначении публично выражать политическую волю избирателей в публичных же органах власти². Хабермас ищет *взаимосвязь роста экономики и объема публичных изданий*. Он доказывает, что в обществе одновременно с развитием капитализма усиливается роль печатных средств массовой информации, прежде всего газет. Хабермас отмечает, что «продукция» средств массовой информации становится *товаром*: «Обмен новостями в обществе развивается не только из его взаимосвязи с потребностями в товарообмене, новости сами по себе становятся товаром»³. Одновременно Ю. Хабермас показывает, что развитие печатных средств массовой информации в буржуазную эпоху сопровождается проявлением «интереса к прессе в целях управления общественным мнением».

Исследуя функции публичности, Хабермас обращает особое внимание на национальные особенности этого явления в разных странах. Так, в Англии публичность, связанная с политической деятельностью, возникла раньше, чем во Франции и Германии, в начале XVIII в. Для того, чтобы легитимировать *публичность как новую политическую силу*, лица, заинтересованные в ней, апеллировали к общественности. Им требовалась поддержка представителей нового капиталистического общественного уклада при голосовании в парламенте — публичном органе власти. Изучая противоречивые тенденции развития английской политической публичности того времени, Хабермас обозначает их как *реализацию интересов нарождающегося класса коммерческого и финансового капитала и старого класса промышленной буржуазии*.

Своеобразием английской политической публичности VIII в. явилось то, что оба общественных класса осознавали социальную релевантность публичности и боролись за привлечение общественных симпатий к своим политическим программам путем влияния на общественное мнение: «В общественном сознании того времени закрепи-

¹ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. / Хабермас Юрген. Политические работы / Сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. С. 106.

² Habermas J. Op. cit. S. 153.

³ Ibid. S. 79.

лось существующее противоречие между рестриктивными интересами коммерческого и финансового капитала и экспансивными интересами промышленного капитала. Это ... типичный антагонизм между интересами старого поколения, уже укрепившегося на рынке, и представителей новых отраслей хозяйства... Поэтому обе стороны, представляющие английскую экономику, апеллировали к общественности»¹.

К концу XVII в. в той же Англии политическая публичность получает более свободное выражение благодаря отмене института государственной цензуры, по Хабермасу, это означает «новую ступень в развитии публичности»². Следующим шагом на пути углубления политической публичности в Англии является законодательное закрепление права парламента на информацию о важнейших событиях при королевском дворе³.

Континентальные варианты публичности (французский и германский) Хабермас сравнивает с публичностью английского образца, называемой им публичностью «идеального типа», когда «внутри социального действия» конституируется типично понимаемый смысл, проявляющийся у многочисленных действующих акторов, делающих возможным коллективное мнение и действие. В публичном пространстве какие-то проблемы фиксируются и обсуждаются, а какие-то не упоминаются. Но проблемная информация СМИ может трансформироваться «в политическую повестку дня только при наличии адресата, который все-таки считает себя способным — и которого другие считают способным — на целевое преобразование общества. Диагноз социальных конфликтов преобразуется в список соответствующих им политических вызовов лишь благодаря тому, что эгалитарные интуиции разумного права сочетаются с еще одним условием — с предположением о том, что граждане, объединившись в демократическом сообществе, способны формировать свою социальную среду и смогут развить у себя способность к действию, необходимую для вмешательства в конфликты. Юридическому понятию «самозаконодательства» надо придать политическое измерение, расширив его до понятия общества, воздействующего на себя демократическими методами. Только тогда из существующих конституций можно будет вывести реформистский проект осуществления «справедливого» или «благоустроенного» общества».⁴

¹ Habermas J. Op. cit. S. 123.

² Ibid. S. 123.

³ Ibid. S. 124.

⁴ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. / Хабермас Юрген. Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. С. 107.

Полагаем, что самым важным признаком идеального типа западноевропейской публичности Хабермас считает институционализирование общественности, критически оценивающей текущие политические события. Этот признак, а именно — социальная база публичности, анализируется социологом и в континентальных вариантах публичности: французском и германском.

Появление публичности во Франции Хабермас датирует серединой XVIII в. В то время она проявляется в форме кружков общественности, обсуждающих политические тенденции, решения и феномены своего времени. Социолог проводит параллели между французским и «идеальным» типом публичности. В отличие от Англии того времени, во Франции действовала цензура на печатные издания, поэтому свобода слова в частных собраниях французской общественности ценилась более высоко, чем в Англии. В отличие от Британии, тиражи французских печатных изданий были чрезвычайно малы, как доказывает Хабермас на многочисленных эмпирических примерах. Так, по мнению Ю. Хабермаса, во Франции того времени отсутствует институт профессиональной журналистики, который мог бы оказывать влияние на формирование общественного мнения. Особенностью политической публичности утверждает Хабермас, являлось существование во Франции нелегальных, подчас оппозиционных власти, изданий. Многие из них весьма критически, в негативном ракурсе освещали внутреннюю политику двора.

Другой особенностью французской публичности была нерегулярность деятельности представительных органов власти. Хабермас заявляет, что во Франции отсутствовала сама социальная база публичности как социального явления. Выяснив, что таковой в Англии являлся класс буржуазии, социолог не обнаруживает его во Франции: «Класс буржуазии, который ввел явочным порядком соответствующие публичные институты в Англии, во Франции того же времени находился в зачаточном состоянии. Словесные ограничения строго соблюдались»¹.

Хабермас по-новому оценивает роль публичности в формировании революционной ситуации во Франции. Он *делает вывод о том, что отсутствие публичности стало одной из причин грядущей революции*. В доказательство верности этой гипотезы Хабермас приводит тот неоспоримый факт, что первыми декретами французской революции стали законодательные акты, легитимирующие публичность, например, «Декларация прав человека и гражданина»².

По нашему мнению, концепция неразвитости публичности как предреволюционного фактора находит свое подтверждение и в рос-

¹ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt a / M., 2002. S. 135.

² Ibid. S. 136.

сийской историческом контексте. В начале XX в., по свидетельствам историков, «... повсюду в Европе государственная власть развивалась в направлении парламентаризма и выборных структур, Российская империя же оставалась последним оплотом абсолютизма, а власть государя не ограничивалась никакими выборными органами»¹. Важным социально-политическим завоеванием русской революции 1905 г. стал Манифест от 17 октября, *впервые провозгласивший принцип публичности российской государственной власти*. В соответствии с ним монарх даровал народу свободу совести, слова, собраний и организаций; обеспечение тех слоев населения, которые ранее были лишены права выборов в Думу, избирательным правом, гласное обсуждение в Думе всех законопроектов, контроль Думой законности действий царя².

Двенадцать лет спустя первое советское правительство в своих декретах также провозглашает принцип публичности преобладающим во внешней и внутренней политике нового государства. Так, Декрет о мире отменял тайную дипломатию и секретные переговоры, а Декрет о рабочем контроле вводил принцип публичности в управление производством³.

Публичная сфера постсоветских обществ имеет свои особенности в плане развитости, выборе адресатов и проблематики. Множество мифологем самой разной направленности интериоризируются различными слоями населения. Например, ученые полагают, что выражение «части постсоветского пространства» — представляют собой явные идеологемы: первое определение предполагает признание окончательной победы капитализма и либеральной демократии во всемирно-историческом масштабе, а второе — общность дальнейшей исторической судьбы у обломков Советского Союза. Корректное использование выражения «постсоветское общество» означает, по-видимому, лишь указание на недавнюю предысторию и специфическую «стартовую позицию» общественного развития, конкретная траектория которого определяется взаимодействием социальных процессов разной протяженности: локальных, национально-государственных, региональных и глобальных».⁴

Вполне вероятно, что высказанный Хабермасом тезис об отсутствии политической публичности как одной из причин социальных революций полностью подтверждается.

¹ Верт Н. История Советского государства. М., 1995. С. 7.

² Habermas J. S. 42.

³ Верт Н. Указ. соч. С. 117—118.

⁴ Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов под редакцией М. Соколовой, В. Фурса. — Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 16.

Следует указать на выделенные Хабермасом особенности феномена политической публичности в Германии:

- одновременное существование разветвленной сети кружков из представителей образованных слоев населения;

- появление большого числа газет, правда, подцензурных после буржуазной революции 1848 г;

- относительно несамостоятельное выражение по сравнению с Францией, придворной знатью в Германии своих интересов. В Германии того времени политика царствующего двора не критиковалась;

- незначительность масштаба феномена публичности в Германии по сравнению с другими западно-европейскими типами публичности, исследованными Хабермасом; отличался;

- образованные жители городов как социальная база нарождающейся германской публичности.

Хабермас пишет: «В Германии конца XVIII в. сформировалась малых масштабов, но критически дискутировавшаяся публичность. ...С появлением, прежде всего горожан и буржуазии, сообщества ученых, не просто читающей публики, а публики, оставившей чтение и перечитывание каких-то стандартных произведений и переориентировавшейся на чтение последних публицистических новинок, вот из этого состава и возникает, постепенно и полноправно выделяясь из приватной сферы, относительно густая сеть публичной коммуникации»¹.

К сожалению, Хабермас не объясняет, что он понимает под «стандартными произведениями», возможно, что и классику разного рода, и научную литературу, а может быть, и бульварную. Переориентация на чтение публицистических новинок, на наш взгляд, не столько способствует интеллектуализации общества, сколько нацеливает на активную гражданскую жизнь. Хабермас, несомненно, прав в том, фиксируя значимый социальный факт: «... густая сеть публичной коммуникации» складывалась, и приватная сфера уже не являлась единственно важной «средой обитания».

Исследователь считает, что стесненные условия функционирования политической публичности в Германии способствовали формированию у нее особенно сильной критической направленности против господствовавшего тогда строя².

Отметим, что один из основателей марксизма, Ф. Энгельс, считал тип германской политической публичности 40-х г. XIX в. весьма плодотворным для возникновения марксистской политико-социальной и

¹ Habermas J. Op. cit. S. 13.

² Ibid. S. 141.

экономической мысли в форме «газетной критики дебатов в провинциальных ландтагах»¹.

Он детально описывает стесненные условия функционирования политической публичности в Германии первой половины XIX в., о которой говорил Хабермас и сообщает об «установлении двойной цензуры над газетой "Rheinische Zeitung", редактировавшейся К. Марксом, ее последующем запрете в 1843 г. и в конечном итоге высылке редактора за пределы страны»².

Изучив типы публичности эпохи зарождения западноевропейского капитализма, Хабермас выводит ее идеальный тип. Публичность идеального типа соответствовала типу публичности, появившемуся в XVII столетии в английских кафе, в которых распространялась, читалась и дискутировалась пресса. Во времена французской революции 1789 г. кафе подобного типа появились и во Франции. В Германии гражданская публичность в похожей форме и в форме придворных салонов появляется в предреволюционное время. Во времена мартовской революции 1848 г. она переживает расцвет. Хабермас не утверждает, что до появления кафе в упомянутых странах не существовала публичность, но то была публичность другого рода — *в форме институтов представительной власти феодального строя*. Гражданская публичность, по Хабермасу — это образованные члены читательских кружков, позднее художественных выставок, театральных постановок, литературных кафе и салонов.

Гражданская публичность возникла путем самоорганизации граждан вокруг общих политических и социокультурных интересов.

Реконструировав возникновение гражданской публичности в Западной Европе, Хабермас считает условием ее зарождения, одинаковым для всех трех изученных им типов гражданской публичности, появление постоянно действующего диалога общественности и частных лиц. Гражданская публичность нового капиталистического общества вырабатывает характерный только для нее медиум в форме «резонанства».

Свою модель медиума гражданской публичности — *политического резонанства* Хабермас разрабатывает под влиянием немецкой идеалистической философии. Смысловое значение модели политического резонанства Хабермаса находится в диапазоне от его наивности в политических оценках до обозначаемого с его помощью политического авторитаризма. Он пишет: «Под гражданской публичностью буржуазного общества следует понимать, прежде всего, ту публичность,

¹ Энгельс Ф. Карл Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: В 3 т. М., 1979. Т. 3. С. 84.

² Там же. С. 85—86.

которая представлена в виде сферы частных лиц на каком-либо проводимом для общественности мероприятии в целях демонстрации его открытости. Эти частные лица, пользуясь открытостью данного мероприятия, выступают против общепринятых «правил движения» в принципиально приватизированной, но релевантной сфере движения товаров и общественного труда. ...Медиумом такого политического сопротивления или спора гражданской публичности выступает так называемое публичное «резонерство». В нашем понимании это слово означает ... *полемический нюанс обеих сторон* — взывание к разуму, но, одновременно, и презрительное отношение к рациональному началу... Традиция политического резонерства восходит к Канту и Гегелю, обозначающему у первого — политическую наивность, у второго — оправдание политического авторитаризма»¹.

Хабермас находит, что изменения в структуре гражданской публичности буржуазного общества обусловлены развитием рыночной экономики, подрывающей основы характерной для феодализма семейной экономики.

Интересы государства и общества поляризуются. Изменяется и статус частного лица: из собственника товаров и главы семейства оно превращается во владельца частной собственности как гаранта его приватной сферы и его самого как человека — члена общества. Такое двойное изменение ролей личности Хабермас называет «удвоением приватной сферы на более высоком уровне» и считает ее основой «частного начала» общества. Статус частного лица дает комбинацию ролей: собственника товаров и главы семейства, т.е. владельца частной собственности и «просто» человека. Такого рода удвоение приватной сферы представляет собой основу для идентификации каждой из этих ролей, объединенных под общим названием «частного начала».

В конце XIX в. картина буржуазной публичности выглядела таким образом: «Частная сфера: буржуазное общество (сфера движения товаров и рабочей силы), политическая общественность, литературная общественность (клубы, пресса), внутрисемейное пространство (буржуазная интеллигенция), рынок культурных ценностей (город). Сфера публичного насилия: государство, полиция, монарший двор»².

Социолог подробно описывает процесс поляризации сфер частной и публичной жизни, происходящий при развитии капитализма от его ранней стадии к более поздней. Его особенностями являются явный «сдвиг» семьи в частную сферу и публичный характер производительных сил и производственных отношений: «В той степени, в какой государство пронизывает общество насквозь, в той же степени

¹ Habermas J. S. 86.

² Ibid. S. 88.

можно говорить о выделении элемента семьи из сложного конгломерата процессов общественного воспроизводства. Сфера интимного, которая прежде была вообще центром приватной сферы, будучи приватизированной, отодвигается на периферию общественной жизни. В раннекапиталистическом обществе частная жизнь индивидуума находит свою реализацию в профессиональной деятельности и в семье. Товарообмен и труд также попадают в сферу частного начала. В период позднего капитализма проявляется другая тенденция — среда трудовых отношений и организация производства приобретают все более публичный характер»¹.

Утверждая, что гражданская публичность буржуазного общества по сравнению со старой гражданской публичностью феодального общества приобретает новый смысл и форму, Хабермас считает ее новыми критериями разум и закон.

Кроме того, источник публичного резонирования Хабермас открывает в буржуазной семье. Она гарантирует личности частную, приватную жизнь и воспитывает у нее стремление к индивидуализму, объясняемое социологом биологической потребностью к выживанию и экономической потребностью в удовлетворении первичных человеческих потребностей.

Хабермас трактует *детерминанты нового публичного резонирования*, основанного на приватном мнении индивида, с материалистских позиций: «Гражданская публичность как совокупность публичных лиц претерпевает некие существенные превращения в соответствии с критериями «разума» и формы «закона». Факт публичного резонирования берет свое начало из внутрисемейной интимной сферы, являющейся началом той «приватности», которая наполняется сейчас новым смыслом и внутренней свободой. Смысл «частного начала» публичности кроется в потребности выживания индивида, завуалированной в виде неизбежности и принуждения, одновременно связанной с отношениями зависимости общественного труда»².

Исследуя социокультурный феномен публичности, Хабермас сравнивает социальные изменения, связанные с ней, происходящие в буржуазном обществе. Он замечает, что *сфера частной жизни в обществе постепенно сужается, а сфера публичной, наоборот, расширяется.*

Социолог находит связующий обе сферы человеческой жизни элемент в сферах общественного производства и управления. Развитие рыночных отношений изменяет структуру публичности. Экономика общества избавляется от авторитаризма управления, а буржуазная государственность приобретает новые черты: «В XIX в. происходит изме-

¹ Habermas J. S. 238.

² Habermas J. S. 87.

нение структуры публичности... Наблюдается тенденция вытеснения публичной сферы за счет частной сферы. Гражданская публичность оказывается в зоне напряженности между государством и обществом, оставаясь при этом элементом приватной сферы личности. Под линией раздела этих двух сфер жизни личности подразумеваются те моменты общественного воспроизводства, которые ранее были скрыты в виде форм, господствовавших на этапе позднего средневековья, а также форм политического насилия. С расширением и развитием рыночных отношений возникает сфера социального, разрывающая и взрывающая барьеры базового господства и требующая генерирования форм управления обществом «по вертикали». В той мере, в которой в обществе развивается торговля, в той же мере происходит освобождение производства от сфер компетенции общественной авторитарности, и, наоборот, происходит «разгрузка» административного управления трудом в рамках производства. Над приватизированным обществом возвышается машина насилия, сконцентрированная в рамках национальных и территориальных государств»¹.

Перед нами — ещё один аспект публичности, который пытается исследовать Хабермас, *классовый характер публичности* в позднекапиталистическом обществе. Наравне с буржуазной публичностью появляется и так называемая «плебейская», рабочая публичность, по Хабермасу, ограничивающая «гегемониальную» буржуазную публичность.

Интересно, что Хабермас подчеркивает тесную связь представительной публичности при феодализме с современной ей народной культурой. Он считает, что упадок господствующей феодальной культуры приводит к упадку и соответствующей ей представительной публичности. Развиваясь, буржуазная публичность постепенно включает в свою структуру и женское движение, и публичность угнетенных слоев населения. Социолог полагает, что подобного рода публичность появилась в Германии во второй половине XIX столетия.

Это социокультурное явление привело к саморегулированию «приватно-правового, гарантированного правовым государством общества экономики», а также к разграничению общества и государства, потому что изменились материальные условия существования масс. Их приватная автономия опиралась теперь на новые принципы — статус гарантий конституционного государства. По Хабермасу, во второй половине XIX в. это стало возможным, потому что к тому времени и экономические процессы тогдашнего общества вошли в сферу интересов просвещенной общественности, рассматривающей свой контроль над ним в качестве «эквивалента потребителей государства всеобщего потребления».

¹ Ibid. S. 225.

Доказав множественность форм публичности и экономическую детерминированность качественного изменения публичности, Хабермас утверждает, что *сегодня социокультурное явление публичности представляет собой по сравнению с буржуазной публичностью новую модель*. Новым в публичной сфере современного индустриального общества европейского типа является формирование вблизи нее так называемой *«пограничной» зоны*, не являющейся ни публичной, ни приватной. По Хабермасу, в ней происходят *деперсонифицированные процессы огосударствления общества и обобществления государства*.

Исключение из этой зоны политически резонирующих частных лиц, ее деперсонификация происходят за счет их объединения в политические партии и организации, берущие на себя функции публичного выражения групповых интересов. В «пограничной» зоне публичной и приватной сфер современного общества одновременно не прекращаются процессы *сращения партий с органами законодательной и исполнительной власти, этаблирования партий над общественностью, конкуренция за власть всех политических акторов, входящих в маргинальную зону публичного и приватного*.

Общественное мнение, определяемое Хабермасом как «совокупность публичных лиц», используется политическими акторами сегодня от случая к случаю: «Модель буржуазной публичности принимала во внимание наличие строгого разделения между сферой публичной и сферой частной, причем в таком обществе та же общественность, представленная тогда частными лицами, собравшимися в публичных целях, также причислялась к сфере приватной. Сегодня при сужении зоны публичности за счет сферы приватности эта модель не работает. При этом возникает так называемая реполитизированная социальная сфера, которая ни с точки зрения социологии, ни с точки зрения юриспруденции не подпадает под категории публичности или приватности. В этой промежуточной зоне наблюдается взаимопроникновение огосударствленных областей общества и обобществленных областей государства, причем без посредничества политически резонирующих частных лиц. Совокупность публичных индивидуумов освобождается от выполнения этой задачи благодаря наличию двух институтов: союзов, в которых пытаются найти отражение интересы частных лиц, и партий, которые, срастаясь с органами публичного насилия, одновременно пытаются этаблироваться над самой общественностью, инструментами которой они сами прежде являлись. Между приватными структурами управления, союзами, объединениями, партиями и институтами общественного управления напрямую разворачивается

процесс реализации политически релевантной властной функции и процесс «перетягивания» власти на свою сторону. Совокупность публичных лиц как таковая вовлекается в этот круговорот власти, но лишь спорадически и только в целях аккламации»¹.

Хабермас создает образ публичности, в рамках которой одни и те же частные лица рассматриваются с точки зрения экономики в качестве потребителей, а с точки зрения политики — избирателей. Для представления своих политических или экономических интересов частные лица и создают организации, действующие в «пограничной» зоне между частным и публичным.

Как экономика, так политика стремятся оказать влияние на решение частных лиц, будь то выбор потребителя или избирателя: «Частным лицам приходится искать возможность коллективного представления своих общественно-релевантных требований и запросов, если они являются наемными работниками, служащими или потребителями сферы услуг. Но их решения, индивидуальное право на которые зарезервировано за каждым из них как за потребителем или как за избирателем, подпадают под воздействие экономических и политических инстанций в той степени, в какой за ними закреплена публичная релевантность. Пока общественное воспроизводство будет оставаться зависимым от принятия того или иного решения потребителем, а реализация властных функций в политике будет зависеть от решения на выборах частных лиц, будет иметься соблазн оказывать на их решения определенного рода воздействие, хотя бы для увеличения сбыта товаров, для привлечения большего количества голосов в пользу той или иной партии, для увеличения давления или веса каких-то организаций. На все это внутри этой «пограничной» социальной сферы между публичностью и приватностью можно оказывать влияние...»².

Хабермас утверждает, что в современном обществе процесс потребления массовой культуры выполняет пропагандистские функции. Он считает, что еще марксизм *предсказывал появление групп лиц низкого социального статуса, стремящихся к публичности*, в целях перевода их экономических требований в политические. Институтов буржуазной публичности было недостаточно для завоевания политической власти группой этих лиц, но для пропаганды их политических целей — вполне: «Процесс потребления массовой культуры поставлен на службу экономической и политической рекламы. Маркс видел перспективу появления некой массы индивидуумов, не имеющих собственности и образования, которые, не имея условий доступа к буржуазной пу-

¹ Habermas J. Op. cit. S. 268.

² Habermas J. Op. cit. S. 269.

бличности, тем не менее пытались пробиться к ней, чтобы перевести экономические конфликты в политические как единственную форму их решения. По его мнению, эти массы не смогли бы воспользоваться платформой институционализированной публичности правового государства для его разрушения, но они могут ее использовать как инструмент своего публичного влияния.»¹.

Социолог тут же приводит результат фактического слияния частной и публичной сфер жизни при социализме. По его мнению, частная жизнь, как и публичность, подверглись в социалистическом обществе разрушению. Но и в обществе с такой «деформированной» публичностью она одновременно выполняет функции легитимирования власти и контроля над ее реализацией. Кроме этого, в силу амбивалентности публичности для власти существует возможность манипулирования общественным мнением. Хабермас считает, что публичность превращается из критической в манипулятивную.

Неясным остается, считает ли он это справедливым для любого типа современного общества или лишь для социалистического: «В реальной жизни использование публичности со стороны той самой массы лиц, прежде лишенных ее институционализированных форм, вылилось в то ограничение государства и общества, которое лишило общественность старых форм публичного выражения ее мнения, не создав при этом ее нового фундамента. Интеграция публичной и частной сфер общества одновременно сопутствовала дезорганизации старой буржуазной публичности, посредником которой некогда выступали государство и общество. Такого рода посреднические функции перешли от совокупности публичных лиц к таким институтам, которые появились на свет таким же образом, как союзы и объединения произошли из частной сферы. А партии — из сферы публичной... при этом они пытаются добиться у медиатизированной публики согласия или, по меньшей мере, терпения через СМИ. Одновременно публичность разворачивается и сверху для того, чтобы придать определенным позициям власти некую ауру доброй воли. В своем первоначальном виде публичность гарантировала связь общественного обоснования как определенного легитимирования господства, так и при наличии критического надзора за их реализацией. Между тем публичность обеспечивает своеобразную амбивалентность некоего господства над властью общественного мнения: она служит для манипуляций той же самой публикой как совокупностью публичных индивидуумов в такой же степени, что и легитимации публичности перед нею. Критическая публичность вытесняется манипулятивной».²

¹ Habermas J. Op. cit.

² Habermas J. Op. cit. S. 269.

Обществовед считает, что в настоящее время старый принцип публичности XIX в. как совокупности генерализированных норм ответственности изменяется. Разнообразие эмпирических составляющих публичности сейчас настолько велико, что в нормированном, узаконенном виде они имеют индивидуализированный, а не генерализированный характер. Разница между нормой (законом) и публичным мероприятием стирается: поскольку разделение между государством и обществом преодолевается, а государство упреждающим, распределяющим и административным образом вмешивается в общественный порядок (устройство), генерализация нормы как принцип больше не может сохраняться.

По Хабермасу, во второй половине XIX в. это стало возможным, потому что к тому времени и экономические процессы тогдашнего общества вошли в сферу интересов просвещенной общественности, рассматривающий свой контроль над ним в качестве «эквивалента потребителей государства всеобщего потребления».

Теперь подлежащие нормированию фактические составляющие, становятся социальными в узком смысле этого слова, и поэтому они конкретно привязаны к определенным группам лиц и преходящим ситуациям. Законы, даже в тех случаях, когда они принимаются как законы для проведения отдельных мероприятий (именно в негенерализованном виде), в таких обстоятельствах часто приобретают характер администрирующих дательных диспозиций, таким образом, разница между мероприятием и законом становится размытой»¹.

¹ Habermas J. Op. cit. S. 271.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ведь публичная политика, являясь формой репрезентации власти, осуществляет себя через публичность: реализуется на широком социальном пространстве, вовлекая в общественные процессы социальные группы различного уровня и степени общности в качестве своих субъектов и объектов и, несомненно, играет важную роль в жизни каждого отдельного человека, государства и мирового сообщества.

Отметим, что понятие «публичность» более объемно, нежели понятие «публичная политика». В сфере публичности могут функционировать и воспроизводиться связи и отношения, не сопряженные с основными направлениями государственной политики. Публичная политика, как правило, развертываясь в широком пространстве публичности, отражает направления государственной политики, является сферой диалога власти и подвластных по вопросам политического, экономического, социального, правового, культурного, межэтнического и иных направлений.

Публичная политика, на каком бы уровне развития она не находилась в той или иной стране, всегда представляет населению через СМИ образ не только власти, но и всех социально-профессиональных групп населения: всегда ли соблюдаются какие-то пропорции, и какими они должны быть? Возможно, эти вопросы — вне сферы внимания практических работников СМИ и их руководителей, а возможно, просто реализуются во-многом спонтанно, особенности социальной системы. Ведь нельзя сказать, что в какой-то стране, или в какую-то эпоху публичной политики фактически не было. Потому что даже са-

мая примитивная, не осознанная на государственно-теоретическом уровне, рационально не обоснованная публичная политика функционирует в публичном пространстве постоянно, а значит — репрезентирует государственную власть, конструирует её облик, как и облик страны в целом.

Несмотря на глобальность функционального диапазона публичной политики как социокультурного феномена, она остается в Российской Федерации практически неисследованным объектом. В отечественном общественном знании отсутствует четкое понимание содержания, предмета и задач публичной политики. Даже созданные когда-то по всей стране «школы публичной политики» используют свой интеллектуальный потенциал не столько для разработки ее основных направлений и стратегий их реализации, сколько для подготовки людей к работе во властных структурах. А подготовка эта сводится в основном к усвоению мастерства публичного выступления, выстраивания имиджа политика, позиционирования его персоны в системе средств массовой информации.

Н. Шматко справедливо отмечает, что сам термин «публичная политика» в отечественной науке не имеет пока выражения в социологических понятиях и представляет собой рыхлое, смутное представление, задействованное в политическом дискурсе. «Экспрессивная стратегия этого дискурса — скрыть некую совокупность явлений от научного анализа, переведя её в область лишённого основания и спонтанного».¹ Несмотря на то, что с 2001 года, когда Н. Шматко заложила в своей статье теоретические основы исследования публичной политики, и интерес ученых к этому феномену возрос, — теория публичной политики все еще остается делом будущего.

Обращение к проблемам публичной политики в отечественной социологии осуществляется в основном в контексте работ, посвященных исследованию поведения электората, презентациям политических персон, политическому консультированию, популяризации тех или иных решений и событий в жизни страны и развивающихся пиар-технологий. Сам же феномен публичной политики, механизм возникновения, генезис его формальных и содержательных элементов как формы репрезентации власти в социокультурном процессе, а также целый блок вопросов, связанных с изменениями массового сознания в пространстве публичной политики, затрагиваются в отечественных научных пу-

¹ Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социол. исслед. 2001. № 7. С. 108.

бликациях крайне редко. На это обращают внимание многие российские ученые¹.

Обозначая публичную политику как совокупность явлений, мы утверждаем, что она концентрирует в себе такие сложнейшие социокультурные явления и процессы, как: взаимодействие властвующих и подвластных; информация, интерпретация, и иерархизация важнейших вопросов и событий общественной жизни.

Публичная политика фокусирует разнообразные политические действия и «уводит в тень» другие; включает в себя научные и вненаучные рефлексии по поводу политических решений и действий; многообразные акты масс-медийной коммуникации, с персонифицированными и деперсонифицированными формами репрезентации власти с определённым набором ценностей и приоритетов, формируя, наряду с объективным положением дел, особенности интериоризации населением совокупного образа власти.

Средства массовой информации в своей совокупности очерчивают «образ» власти весьма приблизительно. «Приблизительность» эта обуславливается зачастую диспропорциональностью рассматриваемых в СМИ проблем, что в свою очередь, становится «системообразующим дефектом всей нашей социально-общественной системы».² Шевяков пишет, что, например, об «инфляции мы постоянно слышали и слышим. Это стало уже притчей во языцех и такой страшилкой. А вот неравенство и бедность, на мой взгляд, такой страшилкой пока не стали, ... неравенство и бедность лежат в основе всех наших проблем, в каком-то смысле их объединяют. Тут проблема экономического роста, и проблема депопуляции, и проблема снижения качества человече-

¹ См.: Качанов Ю.А. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.; Касьянов В.В. Диспозитарные особенности политической социализации молодежи. Ростов н / Д, 1997.; Шматко Н.А. Феномен публичной политики // Социол. исслед. 2001. № 7. С. 106—112; Дмитриев А.В., Латынов В.В. Политическая коммуникация. Ростов н / Д, 1998.; Шестопал Е. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.; Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол). Полит. исслед. 2000. № 10.; Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.; Дмитриев А.В., Макарова И.В. Неформальная коммуникация. Очерки теории и практики. М., 2003.; Зудин А.Ю. Публичная политика как инструмент российского выбора // Материалы Третьего Всерос. конгр. политологов. М., 2003.; Публичная политика и будущее идеологий: Материалы дискуссии. М., 2004 и др.

² Шевяков А.Ю. Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор экономической динамики. / Проект «Социальное неравенство и публичная политика». Стенограмма семинара. М.: Горбачев-Фонд, 2005. С. 31.

ского потенциала, и даже угроза фактического разрыва нашей страны и ее экономики»¹.

Говоря словами Н. Лумана, «в случае, когда в реакциях на предоставленную информацию порождается *непрозрачность* — как бы парадоксально это ни звучало. Поэтому результат воздействия массмедиа, а может быть, и их функция, видимо, состоит в воспроизводстве непрозрачности на основе прозрачности, в воспроизводстве *непрозрачности воздействия* на основе *прозрачности знания*. Другими словами, это означает: в воспроизводстве будущего».²

Но это не меняет того факта, что *публичная политика как форма репрезентации власти предстает своеобразным «стержнем» государственной и частной жизни, «скрепляющим» или разобщающим общество на его различных уровнях.*

Таким образом, перед нами важнейший аспект проблемы: публичная политика в совокупности сконцентрированных в ней явлений и процессов, является мощным коммуникационным феноменом, в значительной мере конструирующим социальную реальность. Н. Луман отмечает: «В конечном счете, каждая коммуникация — как в том, что она вычленяет, так и в том, что она предает забвению, — способствует конструированию реальности»³.

Мы (авторы данной работы) решили опубликовать наш труд в форме очерков, поскольку в настоящее время не претендуем на логическую завершенность рассматриваемых проблем.

¹ Там же. С. 32.

² Луман Н. Реальность массмедиа. / Пер. с нем. Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. С. 169.

³ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2005. С. 160.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Characteristics of Successful Public Policy». Norwich University Public Administration. / Электронный ресурс: http://en.wikipedia.org/wiki/Public_policy.
2. Andersen U. Gemeinde / Kommunale Selbstverwaltung. // Andersen U., Woyke R. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. 5. Auflage, Opladen: Leske+Budrich, 2003.
3. Bora A. Konstruktion und Rekonstruktion. Frankfurt a / M., 1994.
4. Elshant J.B. Public Man — Private woman. Princeton, 1991.
5. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. 17. Auflage. Frankfurt a / M. 1990.
6. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a / M., 1981.
7. Hammer T. Öffentlichkeit // Metzler Philosophie Lexikon. P. Prechtel, F.-P. Burkard (Hrsg.) 2. Aufl. Stuttgart; Weimar, 1999.
8. Hill, Micheal Public Policy Process. 2005. Электронный ресурс: reply@mail.goodreads.com.
9. Hoelcher L. Öffentlichkeit und Geheimnis. Stuttgart, 1979.
10. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. 1922.
11. Krause D. Luhmann-Lexicon. 3. Aufl. Stuttgart, 2001.
12. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a / M., 2000.
13. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a / M., 1987.
14. Machura S. Die Kontrolle öffentlicher Unternehmen. Wiesbaden, 1993.
15. Noelle-Neuman E. Die Schweigespirale. Frankfurt a / M., 1982.
16. Oevermann U. Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage fuer die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. Frankfurt, 1993.
17. Reese-Schaefer W. Antike politische Philosophie. Hamburg, 2002.
18. Schneider W.L. Objektive Hermeneutik als Forschungsmethode der Systemtheorie // Soziale System. Zeitschrift fuer soziologische Theorie. 1955. Jg. 1.
19. Thiemeyer T. Wirtschaftslehre. Wiesbaden, 1975.
20. Watzlawick P. Menschliche Kommunikation: Formen, Störungen, Paradoxien. Bern, 1969.
21. Weber M. Soziologische Grundbegriffe. 5. Aufl. Tuebingen, 1984.

22. Абельяр П. История моих бедствий (и другие произведения). М., 1959.
23. Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития / Под ред. Е. С. Чемоданова. Л., 1986.
24. Античная культура и современная наука / Под ред. Б. Пиотровского. М., 1995.
25. Античное общество и государство / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1988.
26. Античность. Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья / Под ред. А. П. Бородавкина. Барнаул, 1988;
27. Апель К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. М., 2001
28. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. И англ. В. В. Бибихина; Под ред. д. М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. С. 64.
29. Арендт Х. Жизнь ума. / Перевод с английского АВ. Говорунова СПб.: Наука, 2013.
30. Асмус В. Ф. Платон. М., «Мысль», 1969.
31. Бараш Р. Э. Гражданское общество как пространство свободы. Электронный ресурс: [http:// www.civisbook.ru](http://www.civisbook.ru).
32. Бардин А. Л., Кокарева А. Н., Михайлова Е. В. Гражданское общество в дискурсе российских СМИ. / Власть, 2014, № 12.
33. Басенок Н. А. Антиномии института политической свободы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н / Д, 2003.
34. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
35. Бейджент М., Ли Р. Тайны древних цивилизаций. Храм и ложа. М., 2003.
36. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. М., 2002.
37. Блок М. Феодалное общество / Пер. с фр. М., 2003.
38. Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // ЛОГОС. 2002. № 5—6 (35).
39. Богучарский А. В., Марченко Т. А. О методологии исследования политической публичности. / Методология, теория и история социологии. Под ред. В. И. Филоненко. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011.
40. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. / Пер. с фр. М., 2002.
41. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. / — М.: Socio-Logos, 1993.
42. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М., 1994.
43. Гайденок П. Социология Макса Вебера. Предисловие // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
44. Гайзман Г. Свобода и право: Политическая философия Канта и современность. Нижневартовск, 2003.
45. Гегель Г. В. Ф. Философия права // Немецкая классическая философия. М.; Харьков, 2000. Т. 1: Право и свобода.
46. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. / М.: Искусство, 1990
47. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современника. М., 1989.
48. Гуревич А. Я. Средневековый купец. Одиссей. Человек и история. М., 1990.

49. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005
50. Демидов А. И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.
51. Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 1996.
52. Дмитриев А. В., Латынов В. В. Политическая коммуникация. Ростов н / Д, 1998.
53. Шестопад Е. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.
54. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол). Полит. исслед. 2000. № 10.
55. Дмитриев А. В., Макарова И. В. Неформальная коммуникация. Очерки теории и практики. М., 2003.
56. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIX века / Пер. с фр. М., 2004.
57. Зудин А. Ю. Публичная политика как инструмент российского выбора // Материалы Третьего Всерос. конгр. политологов. М., 2003.
58. Йетс Ф. Искусство памяти. СПб. 1997.
59. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с фр. М., 2003.
60. Калмыкова Е. Французское духовенство и иностранные приораты в средневековой Англии // Средние века. 2014. Т. 75, № 3—4.
61. Кант И. К вечному миру / Кант И. Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 1.
62. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965.
63. Кант И. Метафизические начала естествознания. М., 1999.
64. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 1.
65. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
66. Касьянов В. В. Диспозитарные особенности политической социализации молодежи. Ростов н / Д, 1997.
67. Качанов Ю. А. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
68. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр.; Предисл. А. Б. Гофмана. — М.: «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001.
69. Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова; Науч. ред., предисл. Ю. П. Малинина. — СПб.: Ювента, 2001.
70. Крымский С. Б. Истина и мнение // Филос. науки. 1990. № 10.
71. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запады / Пер. с фр. / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1992.
72. Левинсон А. Политика для обывателя. / Интернет ресурс: <http://polit.ru/author>.
73. Липман У. Общественное мнение. Перевод с английского Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
74. Литвинова О. А. Система, социокультурный контекст, интердисциплинарность социологии Никласа Луманна: Дис. ... канд. социол. Ростов н / Д, 2003.
75. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2005.

76. Магун В. С. Российские трудовые ценности и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.
77. Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социол. исслед. 2003. № 6.
78. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М.; Харьков, 1999.
79. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. М., 2000.
80. Максимов Б. И. Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективные действия // Мир России. 2002. № 3.
81. Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. М., 2000.
82. Марченко Т. А., Мосиенко О. С. Феноменологическая трактовка смысла в социологическом исследовании ценностного сознания // Современные направления теоретических и прикладных исследований — 2014: Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 1. Том 17. Одесса, 2014.
83. Марченко Т. А. Ценности как открытая целостная система. / Академический вестник. № 4, (Ростов-на-Дону, РФ РТА) 2006.
84. Махнач В. Л. Демос и его кратия. Интернет ресурс: <http://www.russ.ru>.
85. Махнач В. Л. Очерки истории мировых культур. Часть 1. Культуры древности. М., 1999.
86. Мельвиль А. Ю. и др. Политология: Учебник. М., 2004.
87. Навка И. П., Рогозин Н. П. Аномия или переоценка ценностей? Демократические трансформации украинского общества в зеркале общественного сознания. Донецк, 1998.
88. Немецко-русский словарь / Под ред. К. Лейна. М., 1992.
89. Немировский А. И. История Древнего мира. М., 2000.
90. Никовская Л., Якимец В. Повышение культуры публичной политики — вызов для демократического развития России. / Власть, 2014, № 9.
91. Никовская Л. И. Экспертиза и мониторинг социально-политической конфликтности в Нижегородском регионе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 20.
92. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.
93. О заговоре Катилины // Гай Саллюстий Крисп. Соч. М., 1981.
94. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теории групп. Пер. с англ. Е. Окорочко. Под ред. Ю. Парамонова. М., 1995.
95. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан» Ф3 № 5487—1 от 22.07.1993.
96. Отцы и учителя Церкви III века: Антология: В 2 т. М., 1966.
97. Петров М. К. Язык, знак, культура. 2-е изд-е, стереотип. М., 2004.
98. Письма Плиния Младшего. Кн. I—X. М., 1983.
99. Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998.
100. Покровский Н. Е. Социология, социологическая культура и их место в современном обществе // Обществ. науки и современность. 2002. № 2.
101. Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994.
102. Полибаева Н. П. Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? / Власть, 2014, № 12.

103. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4
104. Политическое пространство // Политология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. И. Аверьянова. М., 1993.
105. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер с англ. М., 1992. Т. 2.
106. Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов под редакцией М. Соколовой, В. Фурса. — Вильнюс: ЕГУ, 2008.
107. Проблемы античной государственности / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1982.
108. Публичная политика и будущее идеологий: Материалы дискуссии. М., 2004.
109. Рикёр П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью. М., 1995.
110. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 2000.
111. Свенцицкая И. С. Античная гражданская община. М., 1996;
112. Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. М., 2002.
113. Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. пособие для филос. ф-тов и ун-тов. М., 1979
114. Суприянович А. Г. Память чувства: коллективное и индивидуальное в средневековом сознании // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.
115. Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики. М., 1986
116. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.
117. Фихте И. Г. Лекции о назначении ученого // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М., 1995.
118. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. / Хабермас Юрген. Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005.
119. Хаттон П. Х. Замок как театр памяти: заколдованная память об утраченном наследстве // История как искусство памяти. СПб., 2003
120. Цицерон М. Т. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.
121. Черных А. В. Политическая ложь как механизм удержания власти. / Власть, 2014, № 12.
122. Шевяков А. Ю. Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор экономической динамики. / Проект «Социальное неравенство и публичная политика». Стенограмма семинара. М.: Горбачев-Фонд, 2005.
123. Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социол. исслед. 2001 № 7.
124. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. / Пер, с нем. и примеч. И. И. Маханькова. — М.: Мысль, 1998.
125. Энгельс Ф. Карл Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: В 3 т. М., 1979. Т. 3.
126. Юстин (Иустин) философ. Апология 2, представленная в пользу христиан римскому Сонату / История средневековой философии: Хрестоматия: В 2 ч. / Сост. Г. Я. Миненков. Ч. 1: Патристика. Минск, 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ОЧЕРК 1. О ПУБЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ	5
ОЧЕРК 2. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И ГЕРМЕНЕВТИКА В ИССЛЕДОВАНИИ ЦЕННОСТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	20
ОЧЕРК 3. ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОСТИ	34
ОЧЕРК 4. ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОСТИ В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ И АНТИЧНОЙ МЫСЛИ	47
ОЧЕРК 5. О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПУБЛИЧНОЙ И НЕПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ	64
ОЧЕРК 6. ПУБЛИЧНОСТЬ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ...	87
ОЧЕРК 7. ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ НОРМАТИВНОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОСТИ	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
ЛИТЕРАТУРА	123

— • • —
Научное издание

**А. В. Богучарский, Т. А. Марченко,
О. В. Переверзева**

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Редактор — Д. В. Нефедов
Верстка и дизайн — ООО «Профпресс»

ООО «Профпресс», 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 13-я линия, 34, оф. 407,
тел. (863) 241-37-43, факс (863) 220-38-27, e-mail: profpress@aaanet.ru.

Отпечатано в РИК ООО «Профпресс». Сдано в набор 08.12.2014.
Подписано в печать 16.12.2014. Формат 64x80 / 16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура MyriadPro. Усл. печ. л. 8,1. Тираж 50 экз.

9 785905 468292